

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
АКАДЕМИКА БОБОДЖОНА ГАФУРОВА»**

На правах рукописи

УДК – 811.411.21

ББК – 81.2

Д - 60

ДОДОХОДЖАЕВА ПАРВИНАХОН ИКРОМОВНА

**АРАБСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИХ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (таджикский язык)

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Нуруллозода Ф.

ДУШАНБЕ-2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОСТЫХ И ПРОИЗВОДНЫХ АРАБИЗМОВ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ	22
I.1 Употребление простых арабизмов в «Хамсе» Хаджу Кирмани	22
I.1.1 Имя существительное.....	25
I.1.2 Имя прилагательное.....	38
I.1.3 Наречие.....	42
I.2 Роль арабизмов в образовании производных слов в «Хамсе» Хаджу Кирмани.....	44
I.2.1 Образование существительных посредством префиксации арабских заимствований	44
I.2.2 Образование существительных посредством суффиксации арабских заимствований.....	47
I.2.3 Образование прилагательных посредством префиксации арабских заимствований.....	57
I.2.4 Образование прилагательных посредством суффиксации арабских заимствований.....	60
ГЛАВА II. МЕСТО СЛОЖНЫХ СЛОВ С АРАБСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ	64
II.1 Образование сложных слов по модели «арабская лексема + таджикская лексема».....	64
II.1.1 Сложные существительные модели «арабская лексема + таджикская лексема».....	65
II.1.2 Сложные прилагательные модели «арабская лексема + таджикская лексема».....	71
II.2 Образование сложных слов по модели «таджикская лексема+арабская лексема».....	79
II.2.1 Сложные существительные модели «таджикская лексема + арабская лексема».....	80
II.2.2 Сложные прилагательные модели «таджикская лексема + арабская лексема».....	84
II.3 Образование сложных слов по модели «арабская лексема + арабская лексема».....	88
II.3.1 Сложные существительные модели «арабская лексема + арабская лексема».....	89
II.3.2 Сложные прилагательные модели «арабская лексема + арабская лексема».....	93
ГЛАВА III. МЕСТО СИНТАКСИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С АРАБСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ	97
III.1 Образование простых изафетных субстантивных	

словосочетаний с арабскими компонентами.....	97
III.1.1 Словосочетания конструкции «существительное + существительное».....	103
III.1.2 Словосочетания конструкции «существительное +прилагательное»	116
III.1.3 Словосочетания конструкции «существительное + наречие».....	128
III.2 Место сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу Кирмани.....	130
III.2.1 Образование сложных субстантивных словосочетаний посредством простого существительного и лексической единицы	132
III.2.2 Образование сложных субстантивных словосочетаний посредством двух простых словосочетаний.....	149
III.2.3 Образование сложных существительных субстантивных словосочетаний посредством сложного словосочетания и слова.....	151
ГЛАВА IV. УПОТРЕБЛЕНИЕ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ.	155
IV.1 Место арабских предложений – бейтов и полустиший в «Хамсе» Хаджу Кирмани.....	156
IV.1.1 Арабские предложения – бейты.....	156
IV.1.2 Арабские предложения –полустишия	158
IV.2 Место аятов, хадисов и высказываний мистиков в «Хамсе» Хаджу Кирмани.....	160
IV.2.1 Коранические аяты.....	160
IV.2.2 Пророческие хадисы.....	168
IV.2.3 Высказывания мистиков.....	171
Заключение	173
Список литературы	185
Приложение	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Заимствование иноязычных слов и передача языковых элементов одним языком другому – это двустороннее языковое явление, присущее каждому языку. Язык как социальное явление претерпевает определенное влияние политических и культурных преобразований, происходящих в мире. Именно это обстоятельство обусловило подчинение одним языком – «доминантным», ставшим господствующим, другого языка, доказательством чему является влияние европейских языков, в том числе английского, на языки коренных народов Южной и Северной Америки, Индийского полуострова и других регионов. Вместе с тем, языки, находящиеся под политическим влиянием, т.е. ставшее так называемым «покоренными», также оказывают определенное влияние на «господствующие» языки.

Нашествие арабов в Среднюю Азию послужило причиной влияния исламской культуры, в том числе арабского языка на языки коренных народов этого региона. В результате естественный процесс заимствования и усвоения слов арабским и персидско-таджикским языками, существовавший еще в ранние периоды [95, с.3-29; 135, с.144-151], стал набирать силу и, в особенности в рамках религиозных учений. Несмотря на все эти принудительные явления, персоязычные народы Средней Азии, в особенности таджики, стали совершать молитву на своем родном языке. Это, с одной стороны, показывает их любовь к родному языку, а с другой стороны, демонстрирует мощь и потенциал персидско-таджикского языка. Таким образом, это влияние, развиваясь в течении двух веков (с 651 по 821 гг.), известных в истории как два века «безмолвия» иранской культуры, постепенно охватило все слои общества и жизненный уклад населения, включая язык и литературу.

В первые века исламского завоевания в персидский (таджикский) язык проникли арабские слова, не имевшие эквивалента в персидском (таджикском) языке, а также административные и религиозные термины,

лаконичные и красочные арабские лексемы, эквивалентные единицы которых в исконном языке были длинными и невыразительными [23, с. 34].

Персидско-таджикский язык оказал сильное сопротивление господствующему арабскому языку, и потому процесс его влияния происходил постепенно.

Возникновение и распространение ислама на территориях, завоеванных арабами, привело к тому, что население этих регионов постепенно стало приобщаться к арабскому языку, исламской культуре и относится к нему не как к чуждому языку и культуре [140, с.118; 141, 150]. Безусловно, такое «знакомство» носителей языка фарси-дари с арабским языком является результатом многовековой интеграции этих двух языков.

Принимая во внимание исторические и хронологические факторы и предпосылки, явление заимствования персидско-таджикским языком арабских лексем можно разделить на два основных периода: 1) доисламский период; 2) период распространения ислама [72, с.8].

В свою очередь, второй период в зависимости от содержания и идеи произведений поэтов и писателей, а также литературных стилей можно условно разделить на четыре периода: 1) период возникновения и развития хорасанского стиля (IX- X вв.) 2) период возникновения и распространения иракского стиля (XI вв.-XVI) 3) период индийского стиля (XVII-XX вв.). 4) период формирования стиля возврата (Бозгашт) в литературе (XIX-XX вв.).

Из чего следует, что наиболее длительным является второй период заимствования персидско-таджикским языком арабских слов, который охватывает около 6 веков. Именно в этот период произошел большой скачок в развитии таджикского литературного языка и персидско-таджикской классической литературы.

В течение этого длительного периода заимствования персидско-таджикским языком из арабского языка были усвоены большое количество слов, выражений, пословиц и поговорок что, с одной стороны, предрешило замедленное развития самого персидско-таджикского языка, а с другой

стороны, стало фактором обогащения его словарного фонда и благоприятной основой для возникновения ценных научных и литературных произведений [147, 88].

В начале этого периода, наряду с развитием жанров газель и касыда, стал развиваться и жанр эпической поэмы – масневи, образцы которого можно увидеть в творчестве Насира Хусрава (1008-1088), Санаи Газнави (1081-1150) и Фаридуддина Аттара (1119-1221), а позднее и в наследии Низами Гянджеви (1141-1209), ярким примером чему является масневи этого поэта «Хамса» («Пятерица»). Именно после создания Амир Хусравом Дехлави джавобия –ответного поэтического сочинения на «Хамсу» Низами, традиция написания масневи уступила место традиции создания «пятериц», то есть создания пяти больших поэм одним автором. После Амира Хусрава вторым поэтом, откликнувшимся на пятерицу поэм Низами, является Хаджу Кирмани, внесший достойный вклад в развитие этого направления литературы.

Из содержания стихов и газелей Хаджу Кирмани явствует, что его по праву называли «живописцем из Кирмана» и метром музыки [145, 33-34].

В 2017 году в Таджикистане сотрудниками «Научного центра Камоли Худжанди» Б. Рахматовым, О. Окиловым и Ш. Олимовой был подготовлен и издан на кириллице текст «Хамсы» Хаджу Кирмани [4].

Изучение лингвистических аспектов, в частности особенностей использования арабизмов в пятерицах поэм, характеризующих своеобразие персидско-таджикского языка конца XIII и первой половины XIV века, является перспективно актуальной проблемой, отличающееся новизной. Так как в рамках одного диссертационного исследования изучение и анализ большого количества арабизмов «Хамсы» Хаджу Кирмани, состоящей из пяти отдельных поэтических сочинений, не представляется возможным, мы сочли необходимым провести исследование по проблемам особенностей использования арабских лексем и синтаксически свободных словосочетаний в данном произведении.

Этимологическое исследование слов, проникших из арабского языка в таджикский язык, не получило большого развития. В этом направлении современное персидское языкознание находится на шаг впереди. Так, Алиакбаром Шахаби выявлено «около восьми тысяч арабских слов, вошедших в персидский язык» [30, йа-даль], зафиксированных им в 1981 г. в своем «Арабско-персидском словаре производных слов», знакомство с которыми удостоверяет в том, что некоторые арабские слова, заимствованные персидско-таджикским языком, служат для выражения значений, которых они не имеют в арабском языке, примером чему являются слова «фароғат» (в арабском языке - тревога, в персидском (таджикском-Д.П.) - отдых, «раъно» (в арабском языке – слабая и неразумная, в персидском (таджикском-Д.П.) – красивая и миловидная), «сукунат» (в арабском языке – бедность, в персидском – селиться) [30, ҳаи ҳавваз]. Ввиду этого, в таджикской лингвистике назревает необходимость многоаспектного изучения и научной интерпретации особенностей использования арабских заимствований в персидско-таджикском языке, в особенности в таких памятниках литературы как «Хамса» Хаджу Кирмани.

Степень изученности научной темы. Арабские заимствования, к которым относятся коранические аяты и хадисы пророка Мухаммада, оказавшие определенное влияние на литературные произведения, являются предметом исследования как науки литературоведения, так и лингвистики. Следует отметить, что проблема влияния арабского языка и литературы, в особенности арабизмов на средневековые прозаические и поэтические произведения, учеными–литературоведами изучены достаточно широко, подтверждением чему являются научные изыскания ученых Т. Мардони [93] в 1993 и 2006 гг., Л. Сафаров [102] в 2013 г., А. Эшонханов [90], С. Зияев [88], М. Шарифова [105], А. Мухаммадориф [111] в 2016 г., Ш. Саидалиев [101] в 2018 г.

Вопросы арабских заимствований таджикского языка затронуты также в научных работах С. Айни, Т. Зехни и др., датируемые первой половиной XX века.

В таджикском языкознании впервые серьезному изучению этой проблемы посвятила свои исследования в конце 60-х в начале 70-х гг. XX века известный ученый Т. Бердиева [85]. Позднее данная проблема стала предметом исследования в научной работе К. Р. Абдуллоева - «Арабская лексика в «Бадое' ул-вакое'» Зайниддина Восифи» [83].

В период обретения республикой независимости результаты научных изысканий Т. Бердиевой по вопросам исследования новых аспектов арабских заимствований, были изданы в виде отдельной монографической работы [38]. Сравнительному изучению особенностей арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы посвящена кандидатская диссертация М.Б. Давлатмировой (2004 г.) [110]. С опорой на научные разработки К.Р. Абдуллоева [83], осуществили свои исследования в 2006 г. ученые С. Каландаров [91] и Х. Раупов [66], посвятившие свои диссертационные работы изучению арабизмов в «Наводир ул-вакое'» Ахмада Дониша. Следует отметить, что в ходе исследования способов «усвоения» арабских слов таджикским языком, ученый Х. Раупов, опираясь на научные положения Т. Зехни и других ученых, выделяет три способа заимствования слов – фонетический, графический и грамматический [66, с.28-31].

Также в 2006 г. М.Д. Рахмони представил результаты своего диссертационного исследования – «Лексико-семантическая классификация арабизмов в таджикском и русском языках (сопоставительно-сравнительное исследование)» [112]. В 2009 г. М.И. Гозиев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Арабские заимствования в таджикской печати периода независимости: 1991-2008» [109]. В 2010 г. М.Н. Насруллоев осуществил диссертационное исследование по вопросам арабских заимствований в прозе Убайда Закони [96]. В том же году А.Дж. Саломов представил диссертационное исследование на тему – «Адаптация арабских

заимствований в таджикском языке» на примере «Воспоминаний» Садриддина Айни [72]. Сведения об употреблении арабизмов в поэзии Манучехра Домгони приводятся и в трех параграфах одного из разделов первой главы диссертационной работы Х. Муслимова [62, с.48-66]. Следует отметить, что в данном исследовании наблюдается противоречие во взглядах ученого. Так, в одном из разделов, исследователь, подчеркивая «значение знаний и опыта в употреблении поэтами слов и выражений иностранного языка, в особенности арабского языка» [62, с.53], в другом месте, цитируя стихотворения, содержащие арабские заимствования, отмечает, что «еще во времена Манучехра Домгони арабские заимствования считались наиболее употребляемыми словами таджикского языка» [62, с.56] и тем самым опровергает свою первую точку зрения. На наш взгляд, если во времена поэта арабские заимствования находились в активном употреблении, то для поэта овладение специальными знаниями и опытом для их использования не являлось обязательным условием, поскольку многоупотребительность слов предусматривает их широкое использование во всех слоях общества, в особенности среди таких известных поэтов и ораторов, как Манучехри, поскольку литераторы, сочиняя стихотворение, автоматически, без долгих раздумий берут слова и выражения из своей памяти, а не подбирают их специальными усилиями.

Вопросам арабских заимствований посвящены и отдельные научные статьи ряда ученых, в частности статьи ученого Н.Гиясова «Размышления о связях персидско-таджикского языка с арабским языком», «Арабские заимствования в персидско-таджикском языке», «Арабизмы в стихах Шейха Камола Худжанди» [43, с.49-59, с.68-77, с.78-88], «Арабские элементы в построении таджикских словосочетаний», М. Ходжаевой [134], С. Расулова «Некоторые особенности заимствования арабских слов в поэзии Туграла», [130], М. Джумаева «Факторы взаимодействия таджикского (персидского) и арабского языков», «О вхождении арабских заимствований в таджикский (персидский) язык после возникновения ислама», «О месте арабских

заимствований в таджикском языке IX – X вв.» [135; 136; 137], Н. Кузиевой «Арабские слова в «Полутолковом таджикском словаре для таджикского литературного языка» Айни» [126].

В таджикском литературоведении сведения о некоторых особенностях языка «Хамсы» Хаджу, приведены в предисловии к книге – «О Хаджу и его «Хамсе» [4, с.3-24], принадлежащей перу Б. Рахматова. В этом русле написана и статья литературоведа М.М. Ашурова «Некоторые замечания об истоках поэмы «Хумай и Хумаюн» Хаджу Кирмани» [122], в которой автор подвергает научному осмыслению литературные и культурные ценности персоязычных народов, в том числе таджиков.

Азербайджанский исследователь Захра Аллахвердиева в статье «Вопросы тематики и структуры в «Хамсе» Хаджу Кирмани» в ходе освещения вопросов подражания поэтом «Хамсе» Низами, допускает в некоторой степени однобокое освещение творчества этого поэта, поскольку находит в нем лишь отражение этапов развития тюркской исламской культуры [151, с.40], и на этой почве выдвигает предположение о том, что масневи «Хумай и Хумаюн» создан на основе тюркских народных преданий [151, с.39-44]. Доводы исследователя основаны на том, что оба произведения созданы в период сельджуков, потомков тюркских племен. В действительности, такой научный подход является неверным, однобоким, и не соответствует исторической правде. Следует подчеркнуть, что невозможно разделить исламскую культуру на иранскую, турецкую и арабскую. Лишь объективный и беспристрастный подход к изучению и научному осмыслению вклада языка и литературы этих народов в развитие исламской культуры позволит прийти к научной истине. Более того, Хаджу создал свое масневи «Хумай и Хумаюн» как на основе тюркских преданий, так и иранской и арабской мифологии, то есть соединив их воедино [145, с.37]. По мнению З. Аллахвердиевой, слово или же термин «Хумай», являющееся пехлевийской лексемой «*humāk*» (крупная птица из семейства птиц падальщиков, напоминающая сокола; в старину считали, что она

питается костями, и делает счастливым каждого, на которого бросает свою тень) [29, с.1975] обозначает историко- мифологический образ тюркских преданий [151, с.39-44]. Однако это неверное предположение автора статьи опровергнуто исследователем М. Ашуровой [122, с.79-85].

Несмотря на широкие научные дискуссии по исследуемой теме в области прикладного литературоведения, данная проблема также стала предметом изучения языковедов, поскольку литературные произведения являются основным источником исследования отдельных лингвистических направлений, в том числе прикладного языкознания. Таким образом, можно констатировать, что лингвоспецифический подход к изучению и научной интерпретации лексического состава наследия Хаджу, в частности его «Хамсы», позволит дать справедливую научную оценку значению таджикского языка и литературы в развитии общечеловеческой культуры, в которую входит и исламская культура.

Несмотря на большое количество исследований, проведенных иранскими учеными по проблеме арабских заимствований в персидском языке, языковые особенности произведений Хаджу Кирмани, в частности место арабских заимствований в «Хамсе» поэта, не подвергнуты специальному монографическому исследованию. Лишь некоторые аспекты специфики языка произведений Хаджу затронуты в статьях З. Тураджа и З. Манучехри «Воспроизведение джахилийской поэзии в поэзии Хаджу Кирмани» [140, с.117-146], М. Обиди «Хаджу Кирмани в своих произведениях» [145, с.31-46], Х. Хотами и З. Амирахмади «Нравственные аспекты праздничных поэм Хаджу Кирмани» [149, с.87-112], М. Сарфи «Астрологические верования в «Хамсе» Хаджу Кирмани» [144, с.53-76].

Объектом исследования является «Хамса» Хаджу Кирмани, в которую входят масневи «Равзат уль-анвар» («Лучистый сад») (в размере саре' матви макшуф), «Камал-наме» (в размере хафиф мусаддас махбун), «Гавхар-наме» («Сокровищница тайн») и «Гуль и Навруз» («Цветок и

Навруз») (в размере хазадж мусаддас махбун (максур), «Хумай и Хумаюн» (в размере мутакориб мусамман махзуф (максур).

Предметом исследования являются арабские заимствования в конструкции лексических единиц и синтаксически свободных словосочетаний, а также арабские двустишия и полустистишия, коранические аяты и пророческие хадисы, известные высказывания суфиев «Хамсы» Хаджу Кирмани.

Цель и задачи исследования. Основной целью исследования является выявление арабских заимствований и их лексико-семантический анализ, для достижения которой намечены следующие задачи:

- исследование степени, способов и целей использования арабских бейтов и полустистиший, коранических аятов и пророческих хадисов, известных высказываний суфиев и определение их места в сопоставлении с другим арабскими элементами текста;

- анализ простых арабских заимствований, гипотетический подсчет их употребления, частеречная классификация (существительное, прилагательное, наречие), а также лексико-семантический анализ арабских заимствований и определение их функции в тексте в качестве частей речи;

- определение роли простых арабских заимствований в образовании производных лексем с помощью словообразовательных приставок и суффиксов имен существительных и прилагательных, определение степени их соответствия словообразовательным правилам и моделям персидско-таджикского языка и определение факторов их субстантивации и адъективации в тексте, обусловившие их усвоение и переход в разряд таджикских лексем;

- классификация сложных лексем по моделям «арабская лексема +таджикская лексема», «таджикская лексема + арабская лексема», «арабская лексема + арабская лексема» и по частеречной принадлежности (сложные существительные и прилагательные);

- семантический анализ сложных слов, определение степени их употребления по моделям и способам образования;

- сбор, отбор, вычленение и исследование простых субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами, компонентный анализ их структуры с точки зрения частеречной принадлежности;

- определение степени, способов и приемов употребления простых изафетных субстантивных словосочетаний, образованных из двух имен существительных, простых изафетных субстантивных словосочетаний с компонентами из имени существительного и имени прилагательного, простых изафетных субстантивных словосочетаний с компонентами из имени существительного и наречия;

- анализ простых изафетных субстантивных словосочетаний с точки зрения выражения прямого и переносного значения в тексте и факторов их преимущественного употребления поэтом Хаджу Кирмани в переносном значении;

- сбор, отбор, вычленение и анализ сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами по способам и подтипам их образования;

- постановка проблем определения границ синтаксических и фразеологических сложных словосочетаний, состоящих из двух простых словосочетаний с арабскими компонентами или из одного простого словосочетания с арабскими компонентами и одного простого арабского слова;

- определение факторов и предпосылок парного употребления в «Хамсе» Хаджу Кирмани простых и сложных слов, а также простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами, то есть исследование явления парного употребления арабских заимствований в пределах одного бейта или стихотворной строки;

- вычленение, анализ и сравнение сложных слов с арабскими компонентами, а также простых и сложных изафетных субстантивных

словосочетаний с арабскими компонентами, принадлежащие перу Хаджу Кирмани.

Источники исследования. В диссертации основным источником исследования послужило таджикское издание «Хамсы» Хаджу Кирмани [4]. Также с целью проведения сопоставительного анализа подвергнуты изучению поэтические сочинения Низами Гянджеви, Санаи Газнави, Аттара Нишопури, Мавлана Джалаладдина Балхи, Саади Ширази, Хакани Шарвани, Шахнематуллоха Вали.

Методы исследования. В ходе исследования преимущественно использованы методы компонентного и семантического анализа, а также статистического подсчета. В ряде случаев применялся и сравнительно-исторический метод.

Методологическая база исследования. Методологической базой исследования послужили труды и научные положения отечественных и зарубежных ученых, таких как В.В. Виноградов, В.С. Расторгуева, Л.С. Пейсиков, А. Шахоби, Х. Фаршедвард, М. Обиди, Ш. Рустамов, Б. Ниязмухаммадов, М. Косимова, А. Мирзоев, Т. Бердиева, Н. Гиясов, К. Абдуллаев, Х. Раупов и др., представляющие самостоятельный интерес для специалистов в области лингвистики

Теоретическая значимость диссертации. Диапазон арабских заимствований в средневековых произведениях, в особенности в суфийских масневи, достаточно широк и многообразен. Исследование данной проблемы на примере простых, производных и сложных заимствований с одним или двумя арабскими компонентами, а также простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний «Хамсы» Хаджу Кирмани представляется весьма сложной задачей, как в теоретическом, так и практическом плане. В частности, исследование моделей образования сложных слов с одним или двумя арабскими компонентами и их компонентный анализ по частеречному признаку, а также влияния метрической системы стиха и роли произведений классиков литературы в образовании сложных слов, ставшие впервые в

настоящей диссертации предметом специального изучения, имеют особое научное и прикладное значение. Следует подчеркнуть, что исследовании проблем, связанных с особенностями моделей образования сложных слов под влиянием метрической системы поэтического слога, проводилось исключительно с лингвистической точки зрения. Вместе с тем, в некоторых местах диссертации возникла необходимость использования терминов, являющихся общими как для литературоведения, так и лингвистики, в частности в названии первого раздела первой главы и его подразделов, что свидетельствует о тесной взаимосвязи этих двух больших областей филологии. Например, термин «бейт» в литературоведении обозначает наименьшую единицу поэзии, а в языкознании его можно назвать «поэтическим предложением», которое вне стихотворной строфы тематической и лирической, становится «прозаическим предложением», то есть простым предложением.

Вместе с тем, сопоставительное изучение определений термина «словосочетание», в частности с учетом их конструкций и способов образования, т.е. особенностей производных и сложных словосочетаний с точки зрения моделей и форм, функции, а также определение некоторых теоретических аспектов этой дефиниции и выявление на этой основе новых форм и моделей образования сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами, неотмеченных в трудах и научных изысканиях других языковедов, повышает теоретическую значимость диссертации.

Практическая значимость диссертации. Методы компонентного анализа и вычленения сложных слов, простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний, в частности на примере произведения Хаджу Кирмани – «Хамса», считаются одним из эффективных методов анализа, применение которых в ходе исследования проблем арабских заимствований в художественных произведениях, в особенности суфийских масневи, способствует повышению научного уровня исследований в области

лингвистики. В целом результаты и материалы диссертационного исследования могут быть использованы при проведении лекционных и практических занятиях, проведении диссертационных исследований, написании магистерских, дипломных и курсовых работ.

Новизна исследования. В диссертации впервые в таджикском языкознании подвергнуты статистическому исследованию и компонентному анализу арабские заимствования произведения «Хамса» Хаджу Кирмани с точки зрения словообразования и образования словосочетаний, являющиеся одним из специфических особенностей жанра масневи. Новизна исследования подтверждается следующими научными результатами:

- определено количественное соотношение простых арабских заимствований в «Хамсе», их место и способы употребления в стихотворном отрезке;

- установлена степень употребления производных лексем, образованных от арабских основ и словообразовательных префиксов и суффиксов имен существительных и прилагательных, а также осуществлен сравнительный анализ существительных, образованных посредством присоединения приставки «хам-» в «Хамсе» Хаджу Кирмани и в поэтических сочинениях Хафиза Ширази и Камола Худжанди;

- определены модели и способы классификации сложных слов по составу, способам образования, этимологии и частеречной принадлежности, обеспечивающие перспективность их применения в дальнейших разработках в ходе компонентного анализа сложных слов;

- применены специальные методы компонентного анализа при исследовании конструкций простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами, эффективность которых подтверждена научными результатами;

- осуществлен семантический анализ каждого компонента сложных слов, а также простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний в ходе компонентного анализа их структурных особенностей.

Основные положения, выносимые на защиту:

Анализ особенностей использования арабских заимствований в «Хамсе» Хаджу Кирмани, в частности арабских стихотворных отрывков, аятов и хадисов, высказываний мистиков, а также простых, производных и сложных слов, простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний составляют основную проблему исследования. В результате проведенного исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие основные положения:

- в соотношении с общим объемом слов и выражений, используемых в «Хамсе» Хаджу Кирмани, арабские бейты и полустишия, коранические аяты, хадисы пророка Мухаммада, известные изречения суфиев, признанные наиболее употребительными элементами средневековых мистических масневи, использованы в основном с целью восхваления Всевышнего и пророка Мухаммада (с.а.с.), государственных деятелей, правителей и суфиев, то есть в соответствии с художественными целями и задачами;

- важнейшими арабскими заимствованиями «Хамсы» Хаджу, являются простые слова, пятнадцать процентов которых выражены существительными, прилагательными и наречиями, характеризующимися мелодичностью и созвучием как в составе словосочетаний, так и в свободной форме;

- преимущественным употреблением характеризуются простые арабизмы, выраженные именами существительными, составляющие 95% простых арабских заимствований «Хамсы», большая часть которых выступают в качестве термина или же парных существительных;

- констатируется усвояемость простых арабских заимствований, их адаптация к закономерностям заимствующего языка и активное участие в словообразовании производных слов, в особенности в сочетании с приставкой «бе-» и словообразовательным суффиксом имен существительных «-й»), характеризующиеся своей продуктивностью;

- на основе компонентного анализа словосочетаний выявлено и проанализировано около 200 сложных слов модели «арабская лексема + таджикская лексема» и ее подтипы: «арабское существительное + таджикский глагол», «арабское существительное + таджикское существительное», «арабское прилагательное + таджикское существительное», «арабское существительное + таджикское прилагательное», а также около 100 сложных слов модели «таджикская лексема + арабская лексема» и ее подтипы: «таджикское числительное + арабское существительное», «таджикское существительное + арабское существительное», «таджикское прилагательное + арабское существительное», около 59 сложных слов модели «арабская лексема + арабская лексема» и ее подтипы «арабское существительное + арабское существительное», «арабское прилагательное + арабское существительное», «арабское существительное + арабское прилагательное»;

- обильное употребление арабских заимствований, в особенности сложных слов с одним или двумя арабскими компонентами признано одной из важнейших характеристик языка литературных произведений конца XIII и первой половины XIV вв.;

- классификация, компонентный анализ и исследование 568 синтаксических словосочетаний, образованных исключительно от арабских заимствований в «Хамсы» Хаджу и их подразделение на простые и сложные изафетные субстантивные словосочетания;

- из 498 простых изафетных субстантивных словосочетаний многоупотребительностью характеризуются простые изафетные субстантивные словосочетания, состоящие из двух имен существительных (449 словосочетаний) в соотношении с простыми изафетными субстантивными словосочетаниями, состоящими из имен существительных и прилагательных (49 словосочетаний), имен существительных и наречия (2 словосочетания);

- исследование 65 сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами и их компонентно- семантический анализ с точки зрения моделей образования «простое изафетное субстантивное словосочетание + лексема», «простое словосочетание + простое словосочетание», «сложное словосочетание + лексема» удостоверяет наибольшую продуктивность конструкции «простое субстантивное словосочетание + лексема»;

- уникальными моделями образования сложных изафетных субстантивных словосочетаний в «Хамсе» признаны словосочетания, состоящие из двух простых словосочетаний («простое словосочетание + простое словосочетание»), а также из одного сложного словосочетания и одной лексемы («сложное словосочетание + лексема»), условно названные в диссертации «устойчивыми изафетными поэтическими контекстными словосочетаниями»;

- определение места изафетной связки «-и» в синтаксисе простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с одним или двумя арабскими компонентами;

- характеристика специфики парного употребления арабских лексем, в особенности простых и сложных слов, а также простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу Кирмани и определение художественных целей их применения поэтом;

- одной из особенностей поэтического стиля Хаджу Кирмани в масневи «Хамса» является использование арабизмов – сложных слов и словосочетаний с одним или двумя арабскими компонентами, а также простых и сложных словосочетаний с арабскими компонентами;

- установление влияния текстологии классического произведения и стихотворного размера «Хамсы» на образование сложных слов и словосочетаний с одним или двумя арабскими компонентами, простых и сложных изафетных словосочетаний с арабскими компонентами.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертация соответствует специальности 5.9.6 Языки народов зарубежных стран (таджикский язык) (языки народов Европы, Азии, Африки, Австралии, Америки) (филологические науки). Диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности: *пункт 1* – основные этапы и направления становления и развития конкретного языка или языковой семьи; *пункт 4* – общие и индивидуальные тенденции развития языка или языковой семьи; *пункт 5* – слово как основная единица языка, типы лексических единиц, структура словарного состава, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая действительность, лексикологические категории, фразеология, синтаксический строй, особенности стилистической роли и экспрессивных средств языка или языковой семьи; *пункт 9* – исследование особенностей использования сопоставлений на разных уровнях, выявление особенностей восприятия, употребления, типичных лингвокультурных ошибок и особенностей использования в разных языковых общностях; *пункт 10* – проблемы передачи различных языковых явлений в разных языках.

Личный вклад соискателя заключается в том, что впервые в таджикской лингвистике специальному диссертационному исследованию подвергается крупное поэтическое сочинение – «Хамса» Хаджу Кирмани (изданное в Таджикистане пять лет тому назад) с точки зрения лексического состава и особенностей употребления арабских заимствований. Автором лично осуществлено всестороннее исследование факторов и предпосылок освоения арабских заимствований в персидско-таджикской поэзии XIV, в частности простых и сложных слов, синтаксических словосочетаний и арабских предложений из аятов, пророческих хадисов и изречений мистиков.

Степень достоверности результатов проведённых исследований, выводов и рекомендации, сформулированных в диссертации, заключается в систематической и четкой структуре диссертации, обеспечивающие единство

и взаимосвязанность ее научного содержания и формы, в правильном и соответствующем применении научных методов при исследовании арабских заимствований и определении этимологии арабизированных слов, обобщении лингвистических и литературоведческих источников по вопросам лексикологии и поэтики с целью определения особенностей образования сложных слов, словосочетаний с одним или двумя арабскими компонентами.

Апробация результатов исследования. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедр грамматики арабского языка и таджикского языка и литературы факультета восточных языков ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бабаджана Гафурова» 23.05.2022 года (протокол №9) и рекомендована к защите. По теме диссертации опубликовано 5 статьи в журналах, зарегистрированных Министерством образования и науки Российской Федерации и 13 статей в сборниках статей и научных журналах Таджикистана и России.

Основные положения диссертации изложены на научных семинарах кафедр грамматики арабского языка и таджикского языка и литературы факультета восточных языков, а также в виде докладов на республиканских и международных конференциях, а также ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бабаджана Гафурова» и молодых ученых Согдийской области (2018-2023 гг.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, девяти разделов, заключения, списка использованной литературы и приложений. Общий объем диссертации составляет 205 страниц. С целью соблюдения требований по объему диссертации и максимального использования примеров (иллюстраций) в ходе обоснования той или иной лингвистической теории, в диссертации стихотворные строки приводятся один за другим, между которыми ставится разделительный знак «/», указывающий на границу строк.

ГЛАВА I. УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОСТЫХ И ПРОИЗВОДНЫХ АРАБИЗМОВ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ

I.1. Употребление простых арабизмов в «Хамсе» Хаджу Кирмани

В процессе заимствования языками лексических единиц, большей частью процессу усвоения подвергаются простые слова, которые, проникнув в лексический состав заимствующего языка, способствуют его обогащению и совершенствованию. Другой особенностью заимствованных простых слов является их активное участие в словообразовании и создании словосочетаний, которую они приобретают в результате адаптации и укоренения в словарном фонде принимающего языка.

Некоторые арабизмы в составе персидско-таджикского языка претерпели такие формально-семантические изменения, которые нельзя встретить в диалектах, говорах и словарях исходного языка. Примером чему могут послужить слова «ирода» (намерение) и «иродат» (чистосердечность, дружба), «мурочиа» (обращение) и «мурочиат» (возвращение), вторичные формы которых в арабском языке не пользуются известностью [30, ҳаи хутӣ]. Как отмечает известный языковед Б.Камолиддинова, С.Айни также выступал за правильное употребление арабских заимствований, давно усвоившихся и ставших употребительными в таджикском языке. В ответ на замечания А. Мунзима, в том числе по поводу употребления производного слова «боғайрат» (усердный), ученый подчеркивает: «если таджики арабское слово «ғайрат» стали использовать в другом значении, то есть вытеснив его первоначальное значение, к чему нам избегать этого...?» [54, с.59-60].

Таким образом, именно в результате проникновения и усвоения простых слов получил развитие языковой феномен образования производных и сложных слов и словосочетаний. Ярким доказательством этого феномена являются простые заимствованные слова «Хамсы» Хаджу Кирмани, активное

участие которых в образовании сложных слов и словосочетаний подтверждается научными методами.

Следует отметить, что в некоторых случаях доказать арабское происхождение определенных слов не представляется возможным. Об этом свидетельствует и тот факт, что некоторые арабские слова, исследователи относят к арабизированной форме персидской лексемы.

Вместе с тем, в ходе выборочного подсчета пяти страниц «Хамсы» установлено, что из 1004 лексем, использованных поэтом, 899 лексем независимо от конструкции относятся к исконно таджикским словам и к словам неарабского происхождения, и только 150 слов являются простыми арабизмами. В соответствии с проведенным статистическим исследованием, с целью соблюдения рамок диссертационной работы, ограничимся лишь перечислением простых арабских слов без приведения их русского перевода:

1) 182 слов = 148 таджикских + 34 арабских: ходим, райҳон, қалб, Асад, диръ, бақо, канаф, ҳаво, румх, асо, роят, Аҳмад, фалак, даврон, ҳад, табъ, аркон, чихат, ҳис, хотам, мутриб, шамъ, чуръа, фарах, дур(р), ёкут, офок, анҷум, манзара, ақл, инъом, сахн, самар, чайб [4, с.29].

2) 199 слов = 161 таджикских + 38 арабских: мол, ҳалол, лаҳза, лутф, ҳол, назар, муршид, солик, тобеъ, аҳком, зоеъ, Хизир, аввал, зулмат, ҳайвон, зан(н), зулмот, начот, ҳаёт, тамом, хилъат, сихҳат, уд, субх, сидк, нафас, мамлакат, шарқ, курса, шамъ, нур, манзил, қурб, баид, ақиб, ид, дурр, баҳр [4, с.93].

3) 181 слов = 153 таджикских + 28 арабских: зулм, адл, ҳикоят, чуз, ривоят, яқин, таярон, Чаъфари Тайёр, роят, рой, давр, ҳариф, иқомат, фарқ, Хизр, даҳр, Чайхун, чафо, иртиҳол, ҳол, авоқиб, умур, вақт, субх, нафас, чарас, аҳд, реҳлат [4, с.218].

4) 223 слов = 205 таджикских + 18 арабских: ҳай, хотам, адам, буқъа, чуз, дор, маҷол, мақом, соқӣ, халос, сақф, қадах, оқил, хаммор, дайр, фарах, фано, бақо [4, с.350].

5) 218 слов = 184 таджикских + 33 арабских: сабо, губор, зарра, халк, васл, мехнат, чавр, табассум, сафха, чадвал, охир, муайян, аввал, кадам, марказ, тимсол, мухталиф, тарф, тароиф, махзан, хазоин, сало, ишорат, форат, мавозеъ, равза, хавдач, қаср, ёкут, дурч, толеъ, бурч, маъмура [4, с.797].

Если в среднем на 5 страницах «Хамсы» использовано 1000 слов, из которых 150 слов относятся к простым арабизмам, то, по нашему подсчету, в целом в произведении, состоящем из 824 страниц, использовано приблизительно 164 800 арабизмов. Из этого числа 140 080 слов относятся к исконно таджикским, неарабским словам, а 24 720 слов являются простыми арабизмами. Разумеется, в ходе статистического подсчета учитывалось и повторное употребление слов, поскольку в «Хамсе» некоторые слова используются вторично. Так, на пяти выборочных страницах, где поэт употребил ровно 150 простых арабских слов, всего семь слов, то есть слова роят/знамя [4, с.29, 218], шамъ /свеча [4, с.29, 93], ёкут /рубин [4, 29, 797], хол /состояние [4, с.93, 218], аввал /сначала [4, с.93, 797], субх /утро [4, с.93, 218], нафас /дыхание [4, с.93, 218] употреблены дважды. С учетом этого фактора, можно подсчитать, что из 150 арабизмов 143 арабских слов используются однократно.

Таким образом, руководствуясь данной статистикой, можно предположить об использовании Хаджу Кирмани 24 720 простых арабизмов и следует признать, что в рамках одной диссертационной работы невозможно провести анализ такого количества слов или даже его третьей части. Следует подчеркнуть, что подсчет простых арабских слов «Хамсы» Хаджу Кирмани основан на математической гипотезе и вероятнее всего, он может варьировать в фактических пределах существующих слов, поскольку согласно сведениям ученого Н.Гиясова, так как «процесс заимствования арабских слов в творчестве того или иного писателя неодинаков», «количество арабских слов в произведениях писателей XII-XIV веков достигает 70- 80% (лексический состав произведений - Д.П.)» [43, с.53-53]. «Хамса» Хаджу Кирмани также относится, к указанному этим

исследователем периоду, о чем свидетельствует приведенная выше статистика, то есть присутствие большого количества арабизмов в лексическом составе произведения.

В «Хамсе» Хаджу арабские заимствования используются в основном для мистического изображения событий и реалий жизни. Например, в истории «Рассказ набожного странника, спустившегося с караваном на владения Хотамы Тоя и попросившего у него пропитания и великодушия Хотамы» из поэмы «Равзат уль-анвар» приведено в общей сложности 599 слов, из которых 79 лексем относятся к арабизмам: хикоят, мусофир, соҳиб, нузул, изҳор, карам, ҳай, умр, қазо, тай, маҳмил, турбат, чилва, қофила, аҳл, мудхил, матбах, ҳосил, маъкул, матъум, нафас, муштаҳӣ, ҳад, сабр, марқад, доира, марказ, мадор, дуо, тазарруъ, тамаъ, чуд, сахо, ато, нукта, даъвӣ, сурат, маънӣ, фоқа, фақир, ғариб, инъом, ом, моида, манзил, маҳрум, таманно, бухтӣ, бисмил, қисмат, лаҳза, шайх, шоб, табл, азимат, мақом, машрик, тараф, шарқ, ғубор, фалак, марҳала, барқ, бодия, ҳаром, ноқа, маҳомил, лавҳ, уҳда, ворис, аъён, бан, базл, узр, қавм, сано, зимом, қадам, бақо [4, с.118-119], посредством которых поэту удалось создать простые и сложные слова, а также словосочетания, позволившие ему в образной форме выразить свои сакральные мысли в символической форме.

Далее осуществлен систематический анализ 150 заимствованных слов, извлеченных из пяти выборочных страниц «Хамсы» Хаджу Кирмани.

1.1.1. Имя существительное

Следует отметить, что большинство простых арабских заимствований «Хамсы» относятся к именам существительным. Этот факт подтверждается тем, что из 150 упомянутых простых арабизмов только одно слово — «мухталиф» (различный, разный) относится к прилагательному.

Простые арабские существительные, употребляемые Хаджу, как и другие простые существительные, делятся по категориальным признакам:

личные и безличные, собственные и нарицательные, конкретные и абстрактные, определенные и неопределенные, одушевленные и неодушевленные, единственного и множественное число.

Нарицательные существительные, обозначающие обобщенные названия однородных предметов и явлений, также встречаются в тексте «Хамсы» Хаджу [47, 104]. В качестве примера проанализируем пять заимствованных нарицательных существительных исследуемого произведения: «субх» — утро, рассвет, время суток, которое наступает после рассвета [14, с.268], «нафас» - дыхание, вздох, вдох, миг когда человек или животное вдыхает или выдыхает ртом или носом воздух [13, с.838] «чарас» - танец с колокольчиками, колокольчик или бубенчик на шее верблюда и других животных [14, с.774] представляющие собой обобщенные названия однородных предметов и явлений: Субх дам зад, ту хам барор нафас, / Ки ба гардун расид бонги чарас // Утро настало, и ты дыши, / До неба дошел звон колокольчика* [4, с.219]. В данном отрывке два нарицательных существительных «нафас» и «чарас» употреблены автором с целью рифмовки стиха.

В следующем примере простые арабизмы «манзил», обозначающие – 1. место остановки, стоянка, привал. 2. Караван-сарай, постоянный двор для караванов на торговом пути [15, с.754], «курб» – близость, соседство; прот. «буьд» [16, с.705], «баид» - далеко; прот. близко [13, с.132], «акиб» - 1. зад, тыл, задняя часть чего-л. 2. после, позади [15, с.50], «ид» - торжество, день торжества, день радости и торжества по случаю какого-либо исторического или национального знаменательного события [15, с.535] и относящиеся к существительным, также использованы для создания созвучия в окончании строк и свидетельствуют о том, что поэт в ходе создания рифм активно пользовался простыми арабизмами: Манзили курб аз ту набошад баид, / К-аз акиби рӯза бувад рӯзи ид // Привал курб не далек от тебя, После поста наступит праздник.

* Здесь и далее, стихотворные примеры приводятся в подстрочном переводе автора

Такой же способ употреблени арабизмов простой формы можно увидеть на примере существительных «қадах» - бокал, чаша, кубок, миска [15, с.655] и «фарах» - радоваться, быть счастливым; радость, счастье, веселье [16, с.385]: Бидех, соқӣ он хусравонӣ қадах, / Ки дилро бияфзояд аз вай фарах // Подай, кравчий, тот царственный кубок, / Что сердцу приумножит радость [4, с.350]. В этом бейте присутствует арабское существительное «соқӣ» - 1. виночерпий, кравчий, 2. тамада [14, с.256], относящийся по грамматическому признаку к группе личных имен существительных единственного числа.

Еще со времен Рудаки арабские заимствования простой формы использовались поэтами в качестве рифмующихся слов. Об этом ученый Кутбиддин Мухтори в ходе комментирования одной из касыд Рудаки высказывается следующим образом: «Кроме слов *нузҳат, шабоб, наффот, хайл, ошиқ, соқӣ* остальные лексемы использованы в качестве рифмующих. Эта особенность также свидетельствует об использовании поэтом арабизмов в художественных целях и указывают на то, что употребление арабских слов, словосочетаний и даже предложений, считавшееся в последующем в персидско-таджикской литературе и науке признаком мастерства, начинается с Рудаки» [63, с.41].

Употребление простых арабских существительных можно увидеть не только в конце, но и в начале строф. Например, в следующем стихе нарицательное существительное «сабо» – ветер, дующий с востока; зефир, утренний прохладный ветерок [14, с.164] и «ғубор» – пыль, мгла, дымка [14, с.656] находятся в начале строф. Сабо чун бодпо берун чаҳонад, / Ғубори хок чун бар чо бимонад? // Ветерок улетит на коне как ветер, / Останется ли прах на земле? [4, с.797]. Использование арабизма «сабо» вначале строфы обусловлено стремлением поэта достичь созвучия в первых слогах строфы. Из чего следует, что поэт в ходе заимствования и употребления арабизмов в своем стихотворении обращает внимание не только на благозвучие слов, но и на их фонетическое соответствие.

В некоторых случаях, в исследуемом произведении арабские заимствования, выраженные нарицательными существительными, употребляются вместе с антонимичной парой. Как показывает анализ текстологии стихотворных отрывков, антонимичные пары существительных, заимствованные Хаджу с целью выражения своих поэтических сентенций, служат для ритмического построения стихотворения. Наричательные существительные «сафха» - страница, первый лист книги или тетради, одна сторона листа бумаги [14, с.219] и «чадвал» – строка в книге [14, 767] относятся к простым арабизмам, используемые поэтом для создания силлаботонической системы стихотворения: Бидид он сафхаро чадвал ба чадвал, / Ҳамаш охир муайян шуд, ҳам аввал // Прочитал эту страницу строку за строкой, / Все в конце прояснилось, как и начало [4, с.797]. Несомненно, анализируемые простые арабизмы, еще до времен Хаджу находились в употреблении и встречались как в языке поэзии, так и в разговорной речи, и Хаджу не является одним из первых, кто заимствовал эти слова из арабского языка и использовал в своей поэзии. Определение факторов проникновения простых арабизмов в словарный фонд персидско-таджикского языка является отдельной проблемой, исследование которой требует проведение специальных научных разработок.

В «Хамсе» арабизмы, относящиеся к собственным именам существительным, в сравнении с нарицательными арабизмами встречаются в малом количестве, однако особенности их использования заслуживают внимания. Как было отмечено ранее, из 154 зафиксированных простых арабизмов только пять лексем относятся к собственным именам существительным: Ахмад, Хизр, Асад, Джайхун, Джафари Тайёр.

Собственное существительное «Ахмад», употребляется в двух значениях: 1. Прославленный, достойный похвалы, досточтимый «а во втором значении «уважительное имя пророка Мухаммеда» [27, с.110-111]. В следующем стихе Хаджу данное существительное употреблено во втором значении: Румҳи асо дар раҳи Одам бидошт, / Рояти Аҳмад ба фалак

барфарошт // Он сделал крепким жезл Адама, / Слава Ахмада поднял до небес [4, с.29]. В арабском языке в первом значении слово «ахмад» является прилагательным, однако в большинстве случаев как в арабском, так и в таджикском языке оно выступает в роли существительного. В произведении Хаджу употребление этого существительного наблюдается в нескольких бейтах [4, с.153, 222, 274, 572]. Употребление же данной лексемы в первом значении в исследуемом произведении не зафиксировано.

Собственное существительное «Хизр», встречающееся в поэме в вариациях «Хазир», «Хизир», в арабском языке означает «зеленый, свежая зелень, зеленая ветвь, зеленый луг, цветущее и радостное место». Также оно употребляется для обозначения имени одного из пророков, т.е. выступает в роли собственного существительного [28, с.1026-1027]. В следующем бейте «Хамсы» наблюдается употребление этого простого арабизма в качестве собственного существительного, а не прилагательного: Гар Хизир аввал раҳи зулмат бурид, / Боз ба сарчашмаи ҳайвон расид // Хотя Хизр сначала пресек дорогу тьме, / Лишь потом пришел к живой воде [4, с.93]. Статистический анализ показал, что этот простой арабизм в «Хамсе» Хаджу в 36 случаях употреблен в качестве собственного существительного [4, с.30, 37, 44, 104, 153, 157, 163, 173, 179, 187, 190, 219, 250, 251, 252, 273, 305, 312, 315, 345, 573, 596, 599, 603, 622, 656, 693, 694, 720, 748, 795, 798, 807, 819, 845], также использован для образования одного производного слова «хизрваш» [4, с.840] и трех сложных слова – «хизркудум», «хизркадам», «хизрном» [4, с.54, 176, 574]. Многократное употребление в «Хамсе» этого существительного обусловлено стремлением поэта использовать его в качестве мистического термина.

Существительное «Асад», относящееся к арабизмам и обозначающее в первом значении «лев, хищный лев, самец или самка льва», а во втором – «зодиакальное созвездие, расположение ярких звёзд которого напоминает лежащего льва» [27, с.184] в следующем бейте «Хамсы» употреблено во втором значении в качестве собственного существительного: Теғи хур аз

калби Асад барфарохт, / Синаи Чавзо сипари Тир сохт // Лезвие луча поднялось из сердца Асада, / Грудь Джавзы стала щитом для стрел [4, с.29]. В произведении Хаджу данный простой арабизм использован в нескольких случаях в качестве астрологического термина [4, с.337, 453, 725]. В другом бейте этот термин использован поэтом в поэтическом выражении «Шери гардун», свидетельствующее о том, что это данный арабизм относится к специальной терминологии: Гар намудй бар осмон ханчар / Шери гардун бичастй аз чанбар // Если поднимешь на небо кинжал / Небесный лев выпрыгнет с оков [4, с.217]. Следует отметить, что в «Хамсе» наблюдается также употребление собственного существительного «Асад» в первом значении: Дар раҳи Яъчучи ҳавас гашта сад, / Бар гузари сайди чинойт асад // На пути Яджуджа желаний стал препятствием / На пути жертвы преступления львом осады [4, с.104].

Собственное существительное «Чайхун», являющееся по словам некоторых языковедов архаизированной формой библейского слова «Гихун», в арабском языке означает «быстрый, горячий», качество присущее реке названной этим словом [143]. Собственное существительное «Чайхун», являющееся другим названием реки Амударьи, поэт Хаджу в 23 случаях употребляет обобщенно, то есть в значении реки [4, с.96, 119, 146, 200, 219, 269, 274, 314, 324, 346, 479, 597, 600, 618, 620, 647, 682, 730, 778, 835, 837, 864], а не гидронима, в чем можно убедиться из содержания бейтов с использованием указанных существительных. В следующем стихе поэт уподобляет свои глаза «Джайхуну», т.е. «реке», однако в данном случае он имеет ввиду не гидроним Джайхун, а его природные качества: Чашми Хочу агарчи Чайхун аст, / Дилаш аз ташнагй пур аз хун аст // Глаза Хаджу хоть и как Джайхун, / Его сердце от жажды истекает кровью [4, с.200]. Текстологический анализ этого слова убеждает в том, что в большинстве случаев арабизм «Чайхун» выступает в качестве простого собственного существительного поскольку в тексте «Хамсы», подготовленном на кириллице, оно приводится с большой буквой, за исключением одного бейта:

Зи кулла кӯхпайкар дарчаҳонданд, / Зи хуни корвон чайхун биронданд // На
вершине гор подобно исполинам, / Проливает кровь каравану рекой [4,
с.730]. В указанном бейте лексема «чайхун» приводится со строчной буквой
и это указывает на то, что оно используется в значении реки, а не гидронима
«Чайхун». Ф. Кодирова в ходе исследования лингвоспецифических
особенностей географического труда «Джахон-наме» Мухаммада Бакрона
приходит к заключению, что «...лексема «Джейхун» использовалось не
только в его топонимическом значении, но и в обобщённом значении
«большая река» [57, с.75-76]. Однако в современном литературном
таджикском языке эта лексема сохранила лишь свое топонимическое
значение.

Собственное существительное «Чаъфари Тайёр» состоит из двух
простых слов, образующих субстантивное словосочетание. Простое
существительное «Чаъфар», еще до того, как употреблялось в качестве
собственного существительного, в словарях комментировалось как «река,
речка», «молочная верблюдица» [23, с.1230]. Слово Тайёр, являющееся
прозвищем Джафара, означает «летун, птица, быстрый, скорый,
быстроходный» [14, с.308].

В «Хамсе» Хаджу наряду с названными собственными
существительными встречаются и такие лексемы данной лексико-
грамматической категории как «Адҳам» - Ибрагим Адхам; черный, темный,
тусклый; вороной [4, с.129, 202, 588], «Махмуд» - Султан Махмуд Газневи;
прославленный, хваленный; одно из имен Творца [4, 227, 260, 360], «Ҳасан» -
Хасан Басри; хороший, добрый [4, с.68, 100, 197, 198], «Ҳабиб» - Хабиб
Аджами; друг, приятель [4, с.68], «Робиа» - Робиа Адвия; четыре [4, 100],
«Каъба» – четырехугольная комната; Кааба (главная святыня ислама,
находящаяся в Мекке) [4, с.142, 151, 170, 583, 661, 695, 729, 744, 786, 790,
807], «Музаффар» - Мубариз ад-дин Мухаммад ибн Музаффар (718/1318-
759/1358) основатель Дома Музаффаридов; победный, победоносный, Фируз,
победитель [4, с.274, 320, 322] и др.

Из числа простых арабизмов **конкретные существительные**, обозначающие отдельные или единичные предметы, явления, живые существа, которые можно сосчитать, [47, с.105], в «Хамсе» Хаджу представлены сравнительно больше. К примеру, из 152 простых арабских заимствований существительные: райхон, румх, асо, роят, хотам, мутриб, шамъ, чуръа, дур(р), ёкут, анчум, манзара, сахн, самар, чайб [4, с.29], муршид, солик, тобеъ, хилъат, бахр [4, с.93], чом [4, с.219], ҳариф, соқӣ, сақф, қадах, оқил, хаммор, дайр [4, с.350], сабо, ғубор, зарра, халқ, сафха, чадвал, хавдач, қаср, бурч, маъмура [4, с.797] относятся к конкретным существительным.

Конкретное существительное «чуръа», обозначающее в арабском языке «глоток воды» [25, с.809-810], использовано Хаджу в приведенном ниже бейте в значении вина, которое также является своего рода жидкостью: Чуръа чашу санг бар ин чом зан, / Дона кашу рахна дар ин дом зан! // Сделай глоток и брось в камень эту чашу, / Возьми зернышко и оставь брешь в этой западне! [4, с.127]. Названный простой арабизм, выраженный конкретным существительным, в исследуемом произведении находит широкое употребление [4, с.169, 195, 202, 248, 288, 295, 325, 354, 385, 536, 537, 556, 602, 635, 689, 764, 814, 847, 861], а также участвует в образовании сложных слов [4, с.131, 168, 230, 236, 573, 701, 738, 756]. Вместе с тем, в современном персидско-таджикском литературном языке это слово сохранило лишь свое топонимическое значение.

Простая лексема «қадах», заимствованная из арабского языка, также относится к лексико-грамматической категории конкретных существительных и означает «сосуд, в котором что-то хранится, бокал» [29, 1788]. В «Хамсе» оно употребляется достаточно широко [4, с.28, 31, 41, 42, 43, 44, 45, 56, 67...]. В следующем стихе это арабское существительное употребляется в прямом смысле: Хуни суроҳӣ зи қадах чустама, / Рӯй ба хуноби қадах шустама // Кровь вина искал я чаше, / Лицо омыл горькими слезами чаши [4, с.124].

Простой арабизм «соқй» также относится к конкретным существительным и означает: «виночерпий, кравчий, тамада» [28, с.1364]: Дили соғар зи бода бигруфта, / Мутрибон рафта, соқиён хуфта // Сердце кравчего замерло от вина, / Певцы ушли, а кравчие уснули [4, с.169]. В данном стихе это существительное употреблено во множественном числе и создает созвучие с другим простым арабизмом во множественном числе – «мутриб», означающим «веселящий, музыкант» [29, 2265]. Простой арабизм «соқй» выступает также в качестве суфийского термина, в значении «духовного наставника, ведущего по пути к мистическому озарению, старец» [28, с.1364]: Хезу кунун мулкати боқй талаб, / Май чй кунй, тальати соқй талаб! Проснись и помолись теперь о вечности, / Что тебе вино, проси о лике Божества! [4, с.91]. В исследуемом произведении это слова характеризуется широким применением в обоих значениях.

Конкретное существительное «хаммор», выступающее в некоторых случаях, в особенности в качестве мистического термина, синонимом простого арабизма «соқй», комментируется в словарях следующим образом: «виноторговец, винодел, продавец вина; в терминологии суфизма старец, предводитель суфиев» [28, с.1038]. В приведенном ниже бейте названное конкретное существительное также означает «виноторговец, винодел»: Чома ба хаммор деху чом чўй, / Дар дили танг ою дилором чўй // Отдай чашу виноделу и ищи усладу / Приди печальным и ищи успокоительное [4, с.81]. Лексема «хаммор» в «Хамсе» Хаджу не характеризуется высокой частотностью и употребляется лишь 8 случаях [4, с.42, 56, 81, 135, 291, 326, 350, 815]. Синонимичные отношения простых арабизмов «соқй» и «хаммор» в «Хамсе» свидетельствует о том, что терминологическое значение ряда лексем позволяют им вступать в синонимичные отношения и тем самым обеспечить образное выражение тонких мистических мыслей.

В «Хамсе» Хаджу используется также большое количество арабизмов категории **абстрактных существительных**, часть которых во времена поэта употреблялись в качестве мистических и философских терминов. Из 151

простых арабизмов к абстрактным существительным можно отнести следующие лексемы: бақо, табъ, чихат, ҳис, фарах, ақл [4, с.29], ҳалол, лаҳза, лутф, ҳол, назар, аҳком, зоеъ, занн, тамом, сихҳат, ид [4, с.93], зулм, адл, ҳикоят, чуз, ривоят, яқин, рой, давр, чафо, иртиҳол, ҳол, авоқиб, умур, вақт, аҳд, реҳлат, [4, с.219], адам, маҷол, ҳалос, фано [4, с.350], васл, меҳнат, чавр, табассум, муайян, марказ, тимсол, ишорат, ғорат, толеъ, [4, с.797].

Часть из перечисленных абстрактных существительных вступают в антонимичные отношения. К примеру: «фано»/ «небытие» и «бақо»/ «вечность», «зулм» / «угнетение» и «адл»/ «справедливость», «занн»/ «предположение» и «яқин» / «достоверность», а другая часть проявляют синонимичность, в частности «ривоят» / «предание» и «ҳикоят»/ «рассказ», «лаҳза»/ «миг» и «вақт» / «время», «риҳлат»/ «кончина» и «иртиҳол»/ «кончина», «чавр»/ «притеснение» и «чафо»/ «страдание». В «Хамсе» явление антонимии и синонимии проявляются как в пределах одного бейта, так и в различных фрагментах, что свидетельствует о сохранении лексемами синонимичных и антонимичных отношений независимо от художественных задач, которые они решают.

Далее компонентный анализ слов будет осуществлен на основе указанных групп лексем. Антонимичные пары, представленные абстрактными существительными «фано» и «бақо», относятся к суфийской терминологии. Простой арабизм «фано» комментируется как: «небытие, тленность, бренность, исчезнуть, кануть в вечность; в суфийской терминологии – растворение индивидуального бытия в Боге» [29, с.1854]. Абстрактное существительное «бақо» означает «вечность, бессмертие, долговечность, длительность, постоянство, незыблемость, бытие, существование, жизнь» [27, с.426-427]. В следующем бейте эти два антонимичные пары расположены рядом: Фарқи фано гарду бақоро талаб, / Даргузар аз хешу Худоро талаб // Погрузись в небытие и молись о вечности / Откажись от собственного я и ищи Бога [4, с.75].

Абстрактное существительное «зулм» в словарях комментируется как «гнет, угнетение, насилие, притеснение, несправедливость; прот. адл» [13, с.460], а его антоним «адл» – «справедливость, поступать по справедливости, правосудие; прот. зло» [13, с.40]. Именно в этом значении эти слова используются в следующем бейте: Гар нашавад *адли* ту фарёдрас, / *Зулми* туро ин хама фарёд бас // Если твоя справедливость не найдет поддержки, / Твоему угнетению достаточны все эти вопли [4, с.110].

В «Хамсе» Хаджу наряду с употреблением антонимичных пар простых арабизмов категории абстрактных существительных, наблюдается и широкое употребление синонимичных пар, в частности синонимичных лексем ««ривоят» ва «ҳикоят»: Қиссаи ақл чуз *ҳикоят* нест / В-ояти ишкро *ривоят* нест // Рассказ ума не что иное, как повествование / Стих о любви не просто предание [4, с.198].

Заимствованное из арабского языка абстрактное существительное «ривоят» в «Толковом словаре таджикского языка» комментируется следующим образом: «1. рассказ, рассказ очевидца о происшествии, повествование. 2. ист. документ, заключение написанный муфтием на основании конов шариата по любому процессуальному вопросу, по которому выносятся решение судьи; заключение муфтия, служившее казию основанием для вынесения решения; рассказывать; а) рассказывать историю или новость из чьих-либо уст; б) предоставление заключения в соответствии с законами шариата; предание, содержащее сведения о реальных лицах прошлого; предание о делах и жизни пророка Мухаммада и его суннах, расследование» [16, с.164]. В этом же словаре абстрактное существительное «ҳикоят» имеет следующее толкование: «рассказ о какой-либо истории. 2. небольшое прозаическое произведение в основном повествовательного характера; рассказ, курьёз; рассказать историю» [15, с.505]. Из чего следует, что первое значение вышеуказанных слов близки по значению.

Широкое употребление поэтом целого ряда простых арабизмов, обусловлено их созвучием, то есть рифмообразующими факторами. Например,

слова «мутабассим» - «улыбающийся» и «мутаранним» - «поющий» созданы по арабской модели словообразования, то есть по форме действительного залога причастия – «мутафа'ил» [47, с.29]. Принимая во внимание эти лингвистические особенности лексем, Хаджу употребляет их в качестве рифмующихся элементов стиха: Гунчаи фитрат *мутабассим* нагашт, / Булбули хилкат *мутаранним* нагашт // Бутоны разума не стали улыбаться, / Соловей вдохновения не стал напевать [4, с.83]. Таким образом, анализ показывает, что в поэме Хаджу использовано большое количество рифмующихся словоформ, выраженных простыми арабизмами. Ввиду многочисленности таких словоформ мы ограничимся их перечислением без приведения иллюстрирующих бейтов и перевода: айб, райб [4, с.157], итлоф, инсоф [4, с.147], кавокиб, савоиб [4, с.214], қадар, хабар [4, с.143], маввоч, ваҳҳоч [4, с.271], мазбала, марҳала [4, с.89], манбаъ, мазраъ [4, с.127], махрур, махмур [4, с.200], марғуб, матлуб [4, с.209], матмура, маъмура [4, с.130], мукаддар, мушаммар [4, с.90], мураввақ, мураббақ [4, с.87], мусаддас, мутаввас [4, с.242], мусаффо, мутарро [4, с.130], мусаххар, муяссар [4, 161], ҳадоик, суродиқ [4, 147], садаф, шараф [4, 142], сафир, сарир [4, с.100], табак, шафақ [4, с.148], таҳашшум, тараххум [4, с.150], тарик, рафиқ [4, с.185], тасаввуф, тааффуф [4, с.147], тасаллуф, такаллуф [4, с.147], тафаззул, таваккул [4, с.147], тутук, уфуқ [4, с.158], укул, фузул [4, с.142], фаррош, наққош [4, с.179].

В качестве примера рассмотрим рифмующиеся арабизмы «марғуб» и «матлуб», приведенные в следующем бейте: Адаби дарс агарчи *марғуб* аст, / Адаби нафс кун, ки *матлуб* аст // Поучение знаний хотя и желанны / Усмиряй свои страсти, что более желанно [4, с.209]. Заимствованное слово «марғуб» имеет следующее толкование: «приходящийся по вкусу, нравящийся; привлекательный, желанный, привлекательный пейзаж, привлекательная музыка и т.д.» [15, с.760]. Слово «матлуб» интерпретируется как: «1. желаемый, просимый, желанный, искомый. 2. подходящий, желательный; прот. нежеланный; нужный урок, необходимый,

нужный; желаемый человек, подходящий человек, то, что нужно и др.» [15, с.772].

В поэме Хаджу такое употребление рифмующихся заимствованных арабизмов наблюдается как в конце, так и в начале строф. Например, в следующем бейте слова «сафир» в значении «чтение и пение птиц; звук свистка» [16, с. 224] и «нафир» в значении «воплъ, стон, крик» [15, с.901] употреблены поэтом в начале строф в составе именных глаголов: Сафир афканд дар пирӯзатаргох, / Нафир андохт дар шашрӯзахиргох // Издал свист в победном чертоге / Издал крик в шестидневном шатре [4, с.309]. Анализ показывает, что названные лексемы в приведенном бейте послужили не только для создания рифм, но и в качестве простого существительного в образовании составных именных глаголов. Следует отметить, что слово «нафир», первым значением которого является медная труба, горн, карнай, а вторым вопль, стон, крик [14, с.839] по сути не является арабской лексемой. Согласно Аддо Шеру, сложное слово «напур» в значении рожок или труба, горн, соотносится с арамейским словом Šeipoua [20, с.231]. То есть слово «нафир» перешло с арамейского на арабский, а затем с арабского на персидско-таджикский язык.

Одной из особенностей арабских существительных в «Хамсе» является их употребление в форме разбитого множественного числа. Некоторые арабизмы разбитого множественного числа использованы поэтом для образного выражения мысли и красочности художественного слова. Например, в следующем бейте Хаджу неоднократно употребляет слова «анодил» (соловей) и «балобил» (соловьи): Анодил бо балобил роз гуфта, / Балобил аз анодил боз гуфта // Соловей поведал тайну соловьям, / Соловьи раскрыли тайну соловья [4, с. 725].

В целом можно утверждать, что в «Хамсе» широким употреблением характеризуются простые заимствованные слова, выраженные существительным. В целом общее количество простых арабизмов «Хамсы» составляют около 24720 лексических единиц. Ввиду этого в исследуемом

произведении встречаются существительные всех лексико-грамматических форм.

Большинство арабских слов, в особенности существительные, после заимствования персидско-таджикским языком, в частности в языке поэмы Хаджу, подверглись семантическим изменениям и стали употребляться в прямом, переносном и метафоричном значении.

I.1.2. Имя прилагательное

Несмотря на то, что в «Хамсе» Хаджу Кирмани простые арабские прилагательные по сравнению с простыми арабскими существительными не характеризуются многоупотребительностью, в целом они встречаются в достаточном количестве. Определить их категориальные признаки без обращения к толковым словарям представляет большую сложность, поскольку большинство прилагательных, заимствованных из арабского языка, пользовались большой популярностью именно в период жизни самого поэта.

Количество простых арабских прилагательных в «Хамсе» достигает около 100 лексических единиц. В качестве примера приведем лишь третью часть арабских заимствований, выраженных прилагательным: одно [4, с.235], акбар [4, с.583], ачиб [4, с.52], аммора [4, с.207], аъло [4, с.235], борик [4, с.183], ғанӣ [4, с.162], ғариб [4, с.67], котеъ [4, с.340], маймун [4, с.40], махчур [4, с.180], махмуд [4, с.229], марғул [4, с.611], марфуъ [4, с.187], масъуд [4, с.228], матин [4, с.164], маъдум [4, с.738], маъмур [4, с.765], мозӣ [4, с.823], муаззам [4, с.355], муаллақ [4, с.833], муанбар [4, с.126], муарбид [4, с.72], музоб [4, с.541], муқаддас [4, с.111], муқаъбар [4, с.122], мулавван [4, с.147], мумаррад [4, с.776], мунаққат [4, с.98], мунаъбал [4, с.151], мунханӣ [4, с.92], мураввақ [4, с.541], мураввах [4, с.64], мутаббақ [4, с.57, с.833], мутлақ [4, с.136], мухталиф [4, с.54], мучассам [4, с.738], мушаъшаъ

[4, с.254], олі [4, с.91], самин [4, с.494], сиххат [4, с.93], соро [4, с.663], хазро [4, с.172], ҳалол [4, с.93].

Среди названных прилагательных для современного читателя наиболее знакомыми являются арабизмы: муқаддас/ святой, аҷиб/удивительный, ғариб/чужеземец, ҳалол/дозволенный, аъло/высший, муаллак/подвешенный, масъуд/счастливый, матин/прочный, олі/ высший, имеющие высокую частотность употребления в современном таджикском литературном языке. С точки зрения структурных особенностей арабские прилагательные, заимствованные персидско-таджикским языком, относятся к простым лексемам.

Простые арабизмы, выраженные прилагательным. *Басит* (широкий, обширный, просторный; пер. бескрайний, необозримый); *чарх* (небесный свод, вселенная); *чархи басит* – бескрайний небосвод: Чархи басит аз хадамаш нозиле, / Баҳри муҳит аз ҳашамаш соиле // Бескрайний небосвод как лестница для него, / Вселенная от его вельможи как неимущий [4, с.38].

Аъло (превосходный, высший, величайший); *ҷад(д)* (дед, предок); *ҷадди аъло* – самый величайший предок: Низомулмулки Тӯсаш ҷадди аълост, / Шавад кори низоми мулк аз ӯ рост // Низамулмулк Тус - самый величайший предок, / От него дела страны станут правильными [4, с.280].

Мозӣ (бывший, прежний); *девон* (административно-руководящий аппарата, власти); На охир соҳиби девони мозӣ, / Ки Яздон бод аз ӯ хушнуду розӣ // *девони мозӣ* – прежние власти: Ведь даже не владеет прежними властями, / Чтоб доволен стал им Господь [4, с.318].

Соро (настоящий, чистый); *анбар* (лекарство, мускус); *анбари соро*-чистым мускусом: Ҳама дар хайриву хоро гирифта, / Ҳама дар анбари соро гирифта // Все наполнено цветком мальвы и муаром, / Все наполнено чистым мускусом [4, с.663].

Матин (прочный, крепкий, устойчивый, непоколебимый); *ҳабл* (веревка, канат, шнур); *ҳабли матин* – неразрывная нить, прочная нить: Равзаат ошиёни Руҳи амин, / Рӯҳро домани ту ҳабли матин // Цветник твой в

мире Корана, / Душа твоя связана неразрывными нитями [4, с.164]. Следует отметить, что словосочетание «*хабли матин*» известно и как кораническое выражение, обладающее метафоричным значением. Во второй главе диссертации мы подробно остановимся на этом вопросе.

«*Забарчад*» (род драгоценного камня, изумруд; изумрудный); *равоқ* (навес, свод); *равоқи забарчад* – изумрудный свод: Алам бар равоқи забарчад задй, / Сари тоҷ бар фарқи Фарқад задй // Стяг водрузил над изумрудным сводом, / Возложил корону на голову Фаркада [4, с.382].

«*Самин*» (драгоценный, ценный); *дурр* (самоцвет, драгоценный камень) *дурри самин* – драгоценное сокровище; Ба даст орад маҳи хиргаҳнишинро, / Барорад аз садаф дурри саминро // Достигнешь убывающую луну / Вынешь из раковины драгоценное сокровище [4, с.667].

«*Халол*» (дозволенный, чистый, прот. запретный, нечистый) - *луқма* (еда и пища, кусочек хлеба, пища, еда); *луқмаи ҳалол* - пища, честно добытая самим человеком: Луқма, ки дар асл набошад ҳалол, / 3-ӯ нафитад мард, магар дар залол //Еда, что на самом деле запретна и не чиста, / Человеку не годится, если не по ошибке [4, с.131].

Маймун (счастливый, благоденствующий); *рӯз*; *рӯзи маймун* – счастливый день: Дар он рӯзи маймун шаҳи бахтиёр, / Ки будаш фалак бандаву бахт ёр // В тот благоденствующий день – счастливый шах, / Которому небеса были услужливы и удача улыбалась [4, с.558].

Анализ показывает, что некоторые арабизмы, выполняющие функции прилагательного в «Хамсе» Хаджу, вне контекста поэмы не относятся к прилагательными. Например, слово «забарчад» - относится к конкретным существительным, перешедшим в результате адъективации [10, с.13] в разряд прилагательных.

Парное употребление арабизмов, выраженных простым прилагательными. В «Хамсе» Хаджу простые арабизмы, выраженные прилагательным, как и простые арабские существительные употреблены в качестве рифмующихся слов, то есть и в данном случае наблюдается явление

парного употребления слов в пределах одного бейта. Далее приводятся толкования пар прилагательных в соответствии с порядком их употребления в бейте:

1. *Мушаъбид* (фокусник, трюкач, пер. хитрец, обманщик); *чарх* (небесный свод, вселенная); *чархи мушаъбид* – обманчивые небеса, колесо фортуны. 2. *Муарбид* (скандальный, затевающий ссору, враждебный, спорщик, интриган); *дахр* (мир, вселенная); *дахри муарбид* – разъяренный мир:

Шуъбада бо чархи мушаъбид мабоз, / Арбада бо дахри муарбид мабоз
// Обманом не играй с колесом фортуны, / Скандалом не враждуй с враждебным миром [4, с.72].

1. *Ациб* (удивительный, завораживающий; увлекательный и зрелищный) - *чой* и *манзил* (место, место проживания, место остановки); *чойи ациб* – удивительное и очаровательное место. 2. *Фариб* (новый, редкий, странный); *мақом* (место, положения); *мақоми гариб* - редкое и новое место:

Манзили худ дид ба чое ациб, / Дар қафасе тангу мақоме гариб // Он увидел свое жилище в удивительном месте, / В тесной клетке и в странном месте [4, с.52].

1. *Мураввақ* (ясный, сияющий, светлый, блестящий); солнца (Солнце, Шамс); хуршеди мураввақ – яркое солнце; 2. *Мураббақ* (устойчивый, крепкий, вечный); чарх (небесный свод, вселенная, мир); чархи мураббақ - вечный мир: Чашмаи хуршеди мураввақ бихоҳ, / Хуни дил аз чархи мураббақ бихоҳ // Об источнике яркого солнца пожелай, / Великого сердца у вечного мира попроси [4, с.87].

1. *Содиқ* (верный, преданный, беззаветный, правдивый, искренний, чистосердечный); *субҳ* (утро); *субҳи содиқ* – утренняя заря, рассвет. 2. *Бориқ* (блестящий, яркий); барқ (молния, природное явление, наблюдаемое на небе вследствие столкновения облаков и положительных и отрицательных электрических веществ) *барқи бориқ* – яркая молния; Барафрӯзад равони

субҳи содик, / Барангезад буроки барқи борик // Озариться восход утренней зари / Засверкает яркая молния [4, с.580].

1. *Мукаддар* (темный, тусклый, печальный); *чашмаи айш* (пер. о покое и досуге); *чашмаи айши мукаддар* – прекратившийся отдых, встревожанность. 2. *Мушаммар* (собираться на работу в спешке, торопливый, поспешный) – *мулки нишот* (радость. веселье); *мулки нишоти мушаммар* (пер. торопливый радостный край); Чашмаи айши ту мукаддар чарост? / Мулки нишоти ту мушаммар чарост?! // Отчего источник твоего счастья встревожан? / Отчего твой радостный край тороплив?! [4, с.90].

Правильный подбор и употребление парных арабских прилагательных позволили поэту достичь в своих стихотворениях изящество языка и выразить свои тончайшие мысли.

1.1.3. Наречие

Ряд заимствованных арабских слов, использованных поэтом в «Хамсе», относятся к наречиям. Следует отметить, что еще до времен Хаджу использование арабских наречий было присуще поэтическому стилю многих поэтов, и в этом деле Хаджу не является новатором. Важным представляется то, что эти исконно арабские наречия употреблялись в языке его поэзии в соответствии с канонами персидско-таджикского языка.

Наречия времени, выраженные арабизмами. Большинство простых арабских слов, такие как «аввал», «охир», «ибтидо», «интиҳо», «азал», «абад», «ниҳоят», «бидоят», «доим», «мудом» относятся к разряду наречия времени. Эти простые арабизмы используются как наречия в следующих бейтах:

Доим – «постоянно, всегда» [13, с.384]: Кист он кас, ки *доим* он беҳтар,
/ Ки зи зиндон бурун наёрад сар // Кто тот, кто всегда превосходит / Кто не может выйти из тюрьмы [4, с.212].

Мудом - «постоянно, всегда, непрерывно» [13, с.718]: Кй сазовори он бувад, ки *мудом*, / Ҳамчу Юсуф кунад ба ҳабс мақом // Кто достоин быть постоянно, / Подобно Юсуфу, заключенным в тюрьме [4, с.212].

Аввал - «начало, сначала, сперва; прот. конец» [13, 33]: Гар Хизир *аввал* раҳи зулмат бурид, / Боз ба сарчашмаи хайвон расид // Хотя Хизр сначала пресек дорогу тьме, / Лишь потом пришел к живой воде [4, 93].

Азал - «извечность, изначальность; против. конец; собир. начало, вечно, постоянно» [13, 44]: Чун ба *азал* қолабат ангехтанд, / Қалби ту бар қолаби ғам рехтанд // Как только в начале создали тело твою, / Твое сердце излили в тело скорби [4, 66].

Абад – «вечность, быть вечным; время, которому нет конца; прот. смерть» [13, 25]: Субҳи азал то ба абад як дам аст, / Файзи бақо то ба фано як нам аст // Утро смерти – это миг от вечности, / Благо бытия – это слеза смерти [4, с.142].

Анализ показал, что все простые арабизмы в иллюстрирующих стихах, отвечающие на вопрос «когда?», являются наречиями времени [47, с.361].

Наречие места, выраженные простыми арабизмами. Анализ текстологии избранных бейтов «Хамсы» показал, что поэтом употреблено лишь один арабизм, выраженный наречием места – «чавф», характеризующийся многозначностью, первым значением которого является «полость, пустота», а вторым – «внутренность, середина» [14, с.766]: Зи рухсори рангини ӯ рафта ранг, / Чу зар гашта дар *чавфи* он хорасанг // Цвет исчезает с ее румяных ланит, / Как золото в том огранённом камне [4, с.526]. Из чего следует, что арабизм «чавф» является существительным, а в исследуемом нами бейте подверглось адвербиализации [10, с.12-13].

Субстантивация арабских наречий. В «Хамса» Хаджу наблюдается и явление субстантивации арабских наречий. Например, арабское наречие меры и степени «*гоят*» в следующем примере выполняет функции существительного: Бехудӣ аз ғояти огоҳӣ аст, / Гулбуни фақр аз чамани шоҳӣ аст // Самоотречение – от совершенства познаний, / Куст нищеты от царского

сада [4, с.75]. В вышеприведенном бейте многозначное арабское наречие меры и степени, первым значением которого является «предел, крайняя степень чего-л., крайность, конец, завершённость», а вторым - «мера, степень, предел» [14, с.655], подвергается субстантивации [10, с.288]. Вместе с тем, следует отметить, что в арабском языке, согласно научным положениям ученого Н.Гиясова, частеречная принадлежность лексем определяется в контексте предложения, поскольку большинство лексических единиц, относящиеся к именам существительным, в зависимости от контекста предложений могут выступать, в одном случае, в функции прилагательного, а в другом – в роли числительного [43, с.58].

Антонимичные пары «аввал» - начало, первоначальный, начальный; прот. *охир* [13, с.33] и «охир» – конец, окончание, в итоге; завершение; прот. *аввал* [14, с.940], выступающие в следующем бейте в качестве абстрактных антонимичных существительных, вне контекста являются арабскими наречиями: Бидид он сафхаро чадвал ба чадвал, / Ҳамаш *охир* муайян шуд, ҳам *аввал* // Просмотрел ту страницу стол за столом, / В итоге все стало ясным, и начало [4, с.797]. Следует отметить, что антонимичные наречия «аввал» и «охир», заимствованные из арабского языка, относятся к суфийской терминологии, характеризующие божественную суть Всевышнего. Простые арабизмы, использованные в «Хамсе» в качестве наречий, и претерпели явление адвербиализации и субстантивации арабских наречий.

I.2. Роль арабизмов в создании производных слов в «Хамсе» Хаджу Кирмани

I.2.1. Образование существительных посредством префиксации арабских заимствований

В современном таджикском литературном языке выделяют четыре способа словообразования: морфологический, морфолого-синтаксический,

лексико-синтаксический, лексико-семантический. Морфологический способ словообразования имен существительных является наиболее продуктивным и осуществляется посредством аффиксации слов [47, с.12; 69, 12-14].

Перед тем как приступить к анализу производных и сложных лексем языка поэм Хаджу, необходимо подчеркнуть, что лексические единицы, образованные путем аффиксации, относятся к исконно персидско-таджикским лексемам, поскольку принадлежность каждой новой лексемы к тому или иному языку определяется по модели словообразования. Иными словами, принадлежность корневого слова к исконному или же арабскому языку в данном случае не представляет значение. В большинстве случаев эти слова взяты из словарного фонда персидско-таджикского языка и образованы по распространенным моделям словообразования этого языка. Более того, новообразованные слова совершенным образом отличаются от корневых элементов как с точки зрения фонетического оформления, семантики, частеречной принадлежности, так и с точки зрения деривационной и синтаксической функций. Термин «арабские заимствования» использованы нами с целью выявления особенностей лексического состава словарного фонда языка XIII-XIV веков, и определения в некоторый степени периода, места и факторов проникновения арабизмов в лексический пласт персидско-таджикского языка, а также степени усвояемости заимствованных арабизмов путем установления их роли в образовании новых лексем, а также вклада таких художников слова как Хаджу Кирмани в обогащение арабского языка своего времени и расширение возможностей персидско-таджикского языка на разных языковых уровнях.

Образование слов с помощью аффиксов также зависит от их функций и позиции по отношению к основе производных слов (префиксы занимают предкорневую позицию *хам* + *роҳ*; суффиксы посткорневую позицию *дониш* + *зоҳ*; инфиксы межкорневую позицию - *сар* + *о* + *сар*). Роль префиксов в словообразовании имен существительных велика. В таджикском языке префикс *хам*- как словообразовательная морфема обладает следующими

качествами: участвует только в образовании существительных, для обозначения понятий товарищества, соучастия лиц, двусторонних связей лица и предмета, образует от глагольных основ личные имена существительные [40, с.119; 47, 152, 153]. В «Хамсе» префикс *хам* – соединяясь с арабизмами «инон», «нафас», «сухбат», «сабақ» и «қарин» участвует в образовании новых слов.

Хам- + *инон* - «узда, поводок, вожжи» [15, с.548]: Сити ту бо боди сабо *хаминон*, / Килки ту бо мурғи сахар хамзабон // Слава твоя спутник утреннего ветра, / Перо твое созвучно утренней птицы [4, с.39]. В этом бейте префикс «хам», соединяясь с лексемой «инон», образует личное производное существительное «хаминон», относящееся к личным существительным и близкое по значению со словами спутник, попутчик.

Хам- + *нафас* – «дыхание, вздох и вдох» [15, с.900]: Бӯи гулу боди сахар *хамнафас*, / Мурғ бароварда хурӯши чарас // Аромат цветов рассеивается утренним зефиром, / Птица испускает звуки колокольчика [4, с.45]. В данном бейте префикс *хам*, соединяясь с арабизмом «нафас», образует производное слова «хамнафас», обозначающее «развеивание», «рассеивание аромата цветов утренним зефиром».

Хам- + *сухбат* – «беседа, разговор, собеседование» [16, с.282]: Хоки ту *хамсухбати* оташ набуд, / Лавҳи вучуди ту мунаққаш набуд // Глина, из которой ты сотворен, не смешена с огнем, / Твоя внешность не была красочной [4, с.137]. В этом бейте производная лексема «хамсухбат» употреблена в значении «смешивание», а не «собеседник».

Хам- + *сабақ* - «урок, количество книг, которые нужно прочесть за один урок» [14, с.183]: Муътакифи сахни гулистон шуда, / *Хамсабақи* булбули хушхон шуда // Став затворником цветника, / Спев в один голос с певчим соловьем [4, с.139]. Здесь производное слово «хамсабақ» интерпретируется как «созвучный, в один голос».

Хам- + *қарин* – «1. близкий, близкий друг. 2. Собеседник. сотоварищ, наперсник. 3. книж. подобие, сходство, подобный; равный» [15, с.669]:

Дилаш ҳамдилу сояш ҳамнишин, / Ғамаш ҳамраҳу ғуссааш *ҳамқарин* //
Сердце его разделяет чувства, а тень сотоварищ, / Горе его попутчик, а
печаль похожа [4, с.517]. Семантический анализ лексемы «*ҳамқарин*»
показывает, что в данном случае арабизм «*қарин*», являющийся
прилагательным, связываясь в третьем значении с префиксом «*ҳам-*»,
участвует в образовании производного существительного «*ҳамқарин*» в
значении «подобный», «похожий». В поэзии современников Хаджу, в
частности с стихов Хафиза Ширази и Камола Худжанди также наблюдается
словообразование лексем посредством арабизмов и приставки «*ҳам-*». Если в
поэзии Хафиза Ширази из 17 слов, образованных посредством приставки
«*ҳам-*», лишь в 6 производных лексемах участвуют арабские заимствования
(дарс, суҳбат, манзил, қирон, нафас, инон) [92, с.24], то в поэзии Камала
Худжанди из 20 лексем, 5 производных слов образованы посредством
арабизмов (инон, нафас, сафар, коса, суҳбат) [19, с.644-646].

Сопоставительный анализ поэтических сочинений названных поэтов с
точки зрения употребления простых арабизмов, участвовавших в
образовании производных слов с помощью приставки «*ҳам-*», выявляет
родство и тождественность в языке их поэзии и в особенностях употребления
арабских заимствований.

1.2.2. Образование существительных посредством суффиксации арабских заимствований

Словообразование имен существительных посредством суффиксации
считается наиболее продуктивным способом морфологического
словообразования. Посредством суффиксов, классификация которых
осуществляется в зависимости от способа их связи с корнем и
деривационного значения, образуются существительные, обозначающие
человека, предметы, названия мест и абстрактные понятия [70, с.138]. По
степени употребления в современном таджикском литературном языке

суффиксы подразделяются на продуктивные, малопродуктивные и непродуктивные.

Суффикс *-ī* (*-zī*) является наиболее продуктивным словообразовательным суффиксом имен существительных и выполняет следующие функции: образует от существительных новые существительные, обозначающие назначения, отношение и принадлежность [47, с.145], образует от простых, производных и сложных прилагательных существительные, обозначающие род занятий, возраст и различные отношения [47, с.146, с.151], образует существительные из основы прошедшего времени глагола [46, с.153]. В «Хамсе» Хаджу этот суффикс проявляет также продуктивность в образовании производных слов с арабскими заимствованиями и используется в образовании большого количества слов, в том числе: *мастурī* [4, с.201, 627, 687, 688], *сабу̇хī* [4, с.45, 83, 100, 127, 195, 261 и др.), *ошиқī* [4, с.260, 389, 405, 620, 630, 632, 658, 688], *ғуломī*/ рабство [4, с.228, 645, 763, 842], *мусалмонī* / мусульманство [4, с.102, 157, 199], *кофарī* / неверность [4, с.199], *султонī* [4, с.228, 289, 305, 587, 589, 605, 696, 723, 736, 747, 841, 855], *таррорī* [4, с.287, 446, 469, 470, 773], *азалī* // 4, с.83, 200, 203, 258], *абадī*/ вечное [4, с.83], *сабурī* / терпение [4, с.341, 401, 406, 477, 623, 654], *ғарибī*/ странное [4, с.560, 721], *оқилī* / рациональное [4, с.243], *шайдой* [4, с.143, 160, 284, 507, 610, 619, 665, 682], *фузулī* [4, с.826], *укулī* [4, с.826], *муршидī* [4, с.136, 166, 842], *самовī* [4, с.854], *фалақī*[4, с.242], *малақī* [4, с.242], *амонī* [4, с.50, 161, 243, 264, 274, 720, 760], *қудсī* [4, с.265, 293, 585, 764, 840, 854]. Далее приводятся некоторые примеры производных слов и их компонентный анализ.

Мастур (скрытый) + *ī* = *мастурī* (скрытый, тайный): *Ба дастурī ба даст оварда шахро, / Ба мастурī ба поён бурда рахро // По наставлению завладел сердцем короля, / Тайно завершил путь* [4, с.627].

Сабӯх (все, что едят утром) + *ī* = *сабу̇хī* (опохмеляться): *Лолаузорон ба чаман тохта, / Барги сабу̇хī ба чаман сохта // Краснолицые побежали на лужайку, / Траву похмелья нашли в лужайке* [4, с.45]

Ошиқ (влюбленный) + *ӣ* = *ошиқӣ* (влюбленность): Дар ин айвон, ки чои сарфарозист, / Чӣ чои *ошиқиву* ишқбозист. // В этих чертогах, что является местом благодати, / Нет место для любовных утех. [4, с.630].

Ғулом (пленник; приверженный; слуга) + *ӣ* = *ғуломӣ* (неволя; приверженность; служение): Хабар дорӣ, ки Фаррухрӯзи Шомӣ, / Ки шохонаш кунанд аз чон ғуломӣ // Знаете ли вы, что Фаррухруз Шами, / Что шахом сделают его от души рабство [4, с.763].

Мусалмон (последователь религии Ислама) + *ӣ* = *мусалмонӣ* (религия мусульманства): Рӯҳ дар кеши Ёст қурбонӣ, / Куфр дар дини Ё *мусалмонӣ* // Душа в его вере жертвоприношение, / Безбожие в его религии мусульманство [4, 157].

Кофар (безбожник) + *ӣ* = *кофарӣ* (безбожие, неверие в Бога): Бандағи пеши банда султонист, / *Кофарӣ* ғояти мусалмонист // Смиренность в лице человека достойно короля, / Безбожие конец мусульманства [4, с.199].

Султан (шах, султан, правитель) + *ӣ* = *султонӣ* (султанский, царствование, управление государством): Зи дарвешон талаб кун подшой, / Ки *султонӣ* набошад чуз гадоӣ // Ищи от дервишей царство, / Ведь нет царствования без поклонения [4, с.289].

Таррор (вор, разбойник) + *ӣ* = *таррорӣ* (воровство, грабительство, обман): Буто, аз турра *таррорӣ* маёмӯз, / Зи ғамза мардумозорӣ маёмӯз // Красавица, не учись у локон обману/ Не учись у кокеток жестокости [4, с.287].

Азал (извечность) + *ӣ* = *азалиӣ* (извечный) + *ӣ*; абад (вечный, нетленный) + *ӣ* = *абадӣ* (вечный, бессмертный): Ишқ шароби *азалиӣ* х(в)арда буд, / Рӯй ба базми *абадӣ* карда буд //Любовь выпила вино вечности, / Обратила взор к пиру вечности [4, с.83]

Сабур (терпеливый, выносливый) + *ӣ* = *сабурӣ* (терпеливость, выносливость): Маро аз турунчи ту дурӣ беҳ аст, / Зи себат диламро *сабурӣ* беҳ аст // Мне лучше быть подальше от твоей груши, / Вместо твоих яблок, сердцу моему лучше терпеливость [4, с.401].

Суффикс *-гӣ* является инвариантом суффикса *-ӣ*, и большинство образованных с ним абстрактные существительные выражают состояние или род занятий [46, с.153]. В «Хамсе» этот постфикс также участвует в образовании производных слов с арабским корневым словом. Суффикс *-а* считается одним из продуктивных суффиксов персидско-таджикского языка, однако в «Хамсе» Хаджу нами не выявлены производные слова, образованные посредством этого суффикса.

Суффикс *-гарӣ*, широко используемый в современном таджикском литературном языке, служит для образования абстрактных существительных, выражающих постоянный и непрерывный характер действий и состояний [47, 147] и относится к разговорному стилю. Несмотря на отличие от суффикса *-ӣ// -гӣ*, этот аффикс выполняет те же функции [40, с.116]. В «Хамсе» этот суффикс лишь с арабскими лексемами «сурат» [4, с.123, 322, 749, 761, 799] и «кубок» [4, с.169] образует новые производные слова:

Сурат (рисунок, живописец) + *гарӣ* = *суратгарӣ* (живопись, рисование; пере. ханжество): Каъба, ки шуд хонаи *суратгарӣ*, / Буткада бошад, чу накӯ бингарӣ // Кааба, что стала местом ханжества, / Станет храмом идолопоклонников, если правильно посмотреть [4, с.123].

Коса (сосуд для питья и еды) + *гарӣ* = *косагарӣ* (гончарное дело): То ба кай хуни хум ба коса х(в)арӣ, / Чӣ барӣ оби рух ба *косагарӣ* // Доколе кровь из кувшина будешь пить чашами, / Зачем преподносишь воду ланит для изготовления чаши [4, с.169].

В современном таджикском литературном языке существует ряд суффиксов, служащих для образования топонимов, такие как: *-гоҳ* // *-гаҳ*, *-зор*, *-истон*, *-сор* ва *-дон*.

Изначально суффикс *-гоҳ* // *-гаҳ* относился к знаменательным словам, однако сегодня большей частью выступает только в составе производного слова как постфикс с деривационным значением места, и служит, как и лексема «чой», для выражения обобщенного значения места. При помощи этого суффикса и конкретных и абстрактных существительных,

прилагательных и глаголов образуются производные существительные [47, с.147-149]. В «Хамсе» суффикс *-гоҳ // -гаҳ* весьма продуктивен и участвует в образовании таких производных слов с арабским компонентом как «сиёсатгаҳ» [4, с.78], «ибодатгаҳ» [4, с.104], «тамошогаҳ» [4, с.111], «чилвагаҳ» [4, с.111, 118, 152, 293, 482], «хилватгаҳ» [4, с.117, 204, 326, 338, 377, 573, 583], «манзилгаҳ» [4, с.149, 349, 353, 354, 366, 407, 549], «мавчгаҳ» [4, с.196], «нахчиргаҳ» [4, с.363, 371, 377, 561], «арзгаҳ» [4, с.438], «нузҳатгаҳ» [4, с.297, 439], «чавлонгаҳ» [4, с.164, 491], «навбатгаҳ» [4, с.617], «меодгаҳ» [4, с.667], «сачдагоҳ» [4, с.79, 132, 239, 575], «кадамгоҳ [4, с.711], назаргоҳ [4, с.48, 534].

Далее осуществлен компонентный анализ некоторых из них:

Сиёсат (политика, наказание, власти) + *гаҳ*= *сиёсатгаҳ* (место наказания, устрашения, место исполнения смертной казни): Дор зи хунаш шуда уннобгун, / Хоки *сиёсатгаҳи* ӯ фарқи хун // Виселица от крови его стала пурпурной/ Устрашающие земли его погрязли в крови [4, с.78].

Ибодат (поклонение, служение Богу) + *гаҳ*= *ибодатгаҳ* (место поклонения, мечеть): Мӯбади оташкадаи ҳафт шох, Пири *ибодатгаҳи* шаш хонақоҳ // Жрец храма идолов семи царей/ Настоятель молелен шести обителей дервишей [4, с.104].

Тамошо (обозревание, осмотр, рассматривание) + *гаҳ*= *тамошогаҳ* (место зрелища, место представления): Эй ки *тамошогаҳи* ин гулшанӣ, / Сӯхтаи оташи ин гулханӣ // Эй, что стал местом представления этого цветника, / Сгорел от пламени этого костра [4, с.111].

Чилва (показ, проявление, показывание) + *гаҳ*= *чилвагаҳ* (место зрелища, место представления, арена): Базми парӣ *чилвагаҳи* аҳриман, / Байти муқаддас ватани барҳаман //Пир гурий место зрелища Ахримана, / Святой Храм родина бахраман [4, с.111].

Хилват (уединённое место; безлюдное место, затворничество) + *гаҳ* = *хилватгаҳ* (пристанище, монастырь дервишей, молельня, келья): Хилватии

хонагии чуд бош, / Ходими *хилватгаҳи* максуд бош! // Будь домашним затворником великодушия, / Будь слугой желанного пристанища! [4, с.117].

Манзил (место остановки; дом, жильё) + *гаҳ* = *манзилгаҳ* (перен. о месте совершения преступления): Буд ба Бағдод яке чурмкор, / Карда ба *манзилгаҳи* исён карор // Один был багдадским преступником / Остановившимся в греховном месте [4, с.149].

Мавҷ (движение водной глади, волна) + *гаҳ* = *мавҷгаҳ* (перен. тленный мир): Рахт аз ин *мавҷгаҳ* бурун андоз, / Хона бар раҳгузори сел масоз // Выведи из этого тленного мира свое имущество, / Не строй дом на пути потопа [4, с.196].

Нахҷир (дичь, охота; горный козел) + *гаҳ* = *нахҷиргаҳ* (место охоты горного козла, место охоты на оленей): Ба *нахҷиргаҳ* чон ба Яздон супурд, / Зи чанги ҳаводис, вале чон набурд // На охоте отдал душу господу, / Однако во время войны, сохранил себе жизнь [4, с.377].

Арз (заявление, прошение) + *гаҳ* = *арзгаҳ* (место для подачи прошения; перен. двор): Ки аз раҳ бурун шав, ки роҳи ту нест, / Бар ин *арзгаҳ* чойгоҳи ту нест // Уйди с дороги, ибо нет тебе пути, / Тебе нет места в этом прошении [4, с.438].

Нузҳат (чистота, свежесть) + *гаҳ* = *нузҳатгаҳ* (место отдыха; перен. степь, равнина): Ба хилватгаҳе азми саҳбо кунанд, / Ба *нузҳатгаҳе* тавфи саҳро кунанд // Им следует пить вино в укромное место, / Им следует совершать паломничество в пустыне [4, с.439].

Чавлон (кружение, вращение, скачки) + *гаҳ* = *чавлонгаҳ* (арена действий, поле деятельности, уст. ристалище, ипподром): Чу он болзан бози товуспар, / Ба чавлонгаҳи Чин баровард сар // Как тот сокол с перьями как у павлина / Поднял голову на ристалище Китая [4, с.491].

Навбат (очередь; возможность, удобный случай) + *гаҳ* = *навбатгаҳ* (перен. мир): Ки чун байрақ зи *навбатгаҳ* барафрохт, / Наванди навбатӣ бар боргаҳ тохт // Тот, что как флаг возвысился над миром, / Как очередной конь вскочил на царский шатер [4, с.617].

Меод (место обещания, место свидания) + *гаҳ* = *меодгаҳ* (место встречи, место свидания): *Меҳрубон омад ба парвоз, / Нишеман кард дар меодгаҳ боз // Меҳрубан прилетел, / Свил гнездо в месте свидания вновь* [4, с.667]. Как явствует из толкования слов, арабизм «меод» и в обоих случаях, то есть с суффиксом *-гаҳ* и без него комментируется одинаково. Употребление же поэтом суффиксальной формы, обусловлено силлаботоническим строением стиха.

Следует отметить, что морфема *-гаҳ* в сочетании с существительными участвует не только в образовании топонимии, но в сочетании с арабизмами «сахар» и «субҳ» в образовании существительных, с временным значением «сахаргаҳ» [4, с.266, 294, 300, 575, 640] и «субҳгоҳ» [4, с.585]. Однако в этом случае «-гоҳ//гаҳ» в составе этих слов и некоторых других слов выступает не как словообразовательный суффикс, а как самостоятельное слово, образуя сложное слово по модели «существительное + существительное».

Саҳар (утро, заря) + *гаҳ* = *сахаргаҳ* (утреннее время, утро, ранее утро): *Саҳаргаҳ нолаи шабгири мо бин, / Нафири зору охи зери мо бин // На рассвете узри наш ранний плач, / Печальную мольбу и воздыхания наши* [4, с.276-277].

Субҳ (рассвет, утро) + *гаҳ* = *субҳгоҳ* (утреннее время, заря, утро): *Чу мастони сабӯҳӣ субҳгоҳе / Бисӯзон ҳафт дӯзахро ба оҳе // Как опохмелевшие пьяные ранним утром / Сожги семь адов одним вздохом* [4, с.585].

Суффикс *-дон* считается наиболее продуктивным [40, с.113; 47, 151] и за исключением существительных, основой которых является наречие, образует конкретные существительные со значением места. Этот суффикс только с арабизмами «Ғолия» [4, с.152], «чурья» [4, с.168], «нуқл» [4, с.427], «шамъ» [4, с.437], «қалам» [4, с.551] участвует в образовании производных слов:

Ғолия (ароматическая смесь, благовония) + *дон* = *чурьадон* (сосуд, в котором получают аромат, благовония): *Сабзасори фалак пур аз гул шуд, /*

Чуръадони уфук пур аз мул шуд // Зеленые луга небосвода наполнились цветами, / Наполнились цветами поля горизонта [4, с.152].

Чуръа (глоток воды, капля) + *дон* = *чуръадон* (перен. запад, место, захода солнца): *Сабзасори фалак пур аз гул шуд*, / *Чуръадони* уфук пур аз мул шуд // Зелень неба наполнилась цветами, / Сосуд горизонта наполнился вином [4, с.168]. Слово «чуръадон» в отдельности может интерпретироваться как «место захода солнца». Лишь в сочетании с поэтическим выражением «чуръадони уфук» оно может иметь такое толкование.

Нуқл (сласти, сладости, закуска, употребляемая после вина) + *дон* = *нуқлдон* (емкость, ваза для закуски): *Шуда тӯда дар нуқлдонҳои сим*, / *Ба чои шакар лаълу дурри ятим* // Собравшись в серебрянных вазах закусок, / Вместо сахара, рубина и редчайшего жемчуга [4, с.427].

Шамъ (свеча) + *дон* = *шамъдон* (подсвечник): *Дар ин буд, к-аз гавҳарин шамъдон*, / *Забона зад ин шамъ оташфишон* // Дело в том, что из самого драгоценного подсвечника, / Воспламенилась эта свеча огнедышаще [4, с.437].

Қалам (карандаш, перо) + *дон* = *қаламдон* (пенал для карандаша, пер): *Зи нӯки қалам иқди гавҳар кушод*, / *Пас он гаҳ қалам дар қаламдон ниҳод* // Кончиком пера он открыл ожерелье жемчужных слов, / Затем положил перо в пенал [4, с.551].

Выше нами осуществлен анализ особенностей и степени образования производных лексем в современном таджикском литературном языке посредством продуктивных суффиксов и арабских заимствований. Далее предметом исследования стали особенности образования производных слов посредством малоупотребительных суффиксов.

В «Современном таджикском литературном языке» суффиксы *-гар*, *-гор*, *-ор* отмечены как малопродуктивные суффиксы [46, с.139-150], однако ученый Шарафиддин Рустамов подчеркивает их активное участие в образовании существительных [69, с.38]. Изучение и анализ «Хамсы» показывает, что этот суффикс в словообразовании лексем с участием

арабизмов проявляет меньшую продуктивность. С данным суффиксом нами зафиксированы лишь несколько производных слов с арабскими компонентами, такими как «чилва» [4, с.276, 277, 456, 545, 663, 782, 804], «сурат» [4, с.720], «коса» [4, с.147-148], «кимийё» [4, 173].

Чилва (показ, проявление, показывание) + *гар* = *чилвагар* (видимый, показываться, блеснуть): Зи пешаш *чилвагар* товуси икбол, / Ба гардун дарфиканда бонги халхол // Перед ним блестит павлин удачи, / Разнеся по миру звон браслета [4, с.276].

Сурат (изображение, рисунок) + *гар* = *суратгар* (художник, живописец): Ба лаб *суратгари* рӯи замин шуд, / Ба маънӣ ранги наққошони Чин шуд // В описании губ стал живописцем мировым, / Поистине стал подобно китайским художникам [4, с.720]. Производное слово «*суратгар*» относится к терминам живописи, эквивалентом которым в арабском языке является слово «наққош». Доктор М. Обиди, подчеркивая значимость слов, относящихся к живописи, в творчестве Хаджу, в частности в его поэмах и газелях, называет поэта «Художником из Кирмана» [145, с.33-34].

Коса (чаша для воды и еды) + *гар* = *косагар* (изготовитель чаши, гончар; способность вселенной преобразовать одно в другое. Например, превращает человека после смерти в глину, а затем из глины руками гончара создает чашу: Курсафурӯши фалаки *косагар* / Субҳ ба як курс, ки додаш, ки х(в)ар // Продавец дисков небесный гончар / Утром тем диском, что дал пить [4, с.147-148]. В приведенном бейте слово *коса* употреблено в качестве арабского заимствования, хотя *каъс* – является арабизированной формой слова *коса*, и по сути относится к семитскому языку слово, а в арамейском языке оно встречается в форме *kassa*, в вавилонском языке в форме – *kossa* и *kassa*, в иврите в форме– *kos*. Согласно Аддо Шеру это семитское слово произошло от слова *kes-a*, означающего *бадр* (четырнадцатый месяц, полнолуние), а «причиной наименования чаши *бадром* является сходство между этими двумя словами» [20, с.198].

Суффикс *-гор* относится к менее продуктивным суффиксам и используется для образования личных существительных от существительных и глагольных основ. По нашим наблюдениям в «Хамсе» этот суффикс также проявляет малоупотребительность и лишь, присоединяясь к арабизму «талаб» [4, с.476, 493, 614, 741], участвует в образовании производного слова «талабгор»:

Талаб (желание) + *гор* = *талабгор* (желание, поклонник): Дигар ин, к-аз он сон *талабгори* туст, / Бурид аз ту мехр, ар хаводори туст // Более, с тех пор он твой поклонник, / Отсек от тебя любовь, если не твой поклонник [4, с.476].

Суффикс *-истон*, соединяясь с конкретными существительными, участвует в образовании производных существительных. В поэтических сочинениях данный суффикс встречается также в форме *-стон* и как и суффикс *-зор* образует с существительными слова, обозначающие местонахождение и обилие предмета. В «Грамматике современного таджикского литературного языка» [40, с.114-115] и «Современный таджикский литературный язык» (1973) [46, с.150] степень употребления суффикса *-истон* не уточняется. С этим суффикс в «Хамсе» нами не выявлено ни одно производное слово с арабским компонентом.

В «Хамсе» непродуктивный суффикс *-бон* лишь в одном случае участвует в словообразовании лексемы с арабским компонентом: *Нахчир* (горный козел, олень) + *бон* = *нахчирбон* (человек, устраивающий засаду на оленя с целью охоты, охотник): *Ҳамоно, асири шубонон бувад / Ва ё сайди нахчирбонон бувад // Должно быть, он пленник пастухов / Или добычей охотников оленей* [4, с.522].

Исследование и анализ производных существительных в исследуемых бейтах показывает, что арабские заимствования, встречающиеся в «Хамсе», адаптируясь к закономерностям персидско-таджикского языка, активно участвуют в качестве исходных лексем в образовании существительных с большинством префиксов и суффиксов, в особенности производных слов.

I.2.3. Образование прилагательных посредством префиксации арабских заимствований

В современном таджикском литературном языке, кроме префикса *то-*, по поводу принадлежности которого к предкорневым аффиксам среди ученых существует различные мнения [52, с.72], имеется также шесть префиксов, образующих имя прилагательное: *бо-*, *ба-*, *бар-*, *бэ-*, *но-*, *дар-*. Степень их употребления в современном таджикском литературном языке неодинаков.

Префиксы *ба-*, *бо-* продуктивны и образуют от существительного качественные прилагательные, указывающие на качество или признак предмета [47, с.198]. Однако, как показало текстологическое исследование поэм «Хамсы», названные аффиксы не участвовали в образовании производных прилагательных с арабским корневым словом.

Приставка *бе-* в современном таджикском литературном языке считается наиболее продуктивным аффиксом, при помощи которого образуются большое количество качественных прилагательных, указывающих на отсутствие признака, указанного в основе [47, с.198]. В «Хамсе» с этим предлогом, по сравнению с префиксом *бо-* зафиксировано большое количество производных прилагательных с арабским компонентом, в частности с такими арабизмами как «адл» [4, с.117], «базл» [4, с.117], «виқор» [4, с.174], «қарор» [4, с.836], «қут» [4, с.665], «нур» [4, с.777], «нутк» [4, с.212], «такаллум» [4, с.213], «самар» [4, с.247], «суфра» [4, с.247], «ҳикоят» [4, с.679], «ҳисоб» [4, с.497], «ҳосил» [4, с.169], «хур» [4, с.777]. Далее осуществлен компонентный анализ некоторых из них:

Бе + виқор (великолепие, величие, величественность) = *бевиқор* (скромный, смиренный): Хоки роҳам, зи ман канор магир, / Тарки ин хоки *бевиқор* магир // Земля моей дороги, не оставляй меня, / Не оставляй эту смиренную землю [4, с.174].

Бе + *базл* (прощение, щедрость, великодушие) = *бебазл* (скупой, жадный, низкий) и *бе* + *адл* (правосудие, справедливый) = *беадл* (несправедливый, деспотичный, тиранический): Раҳрави *бебазл*, зи роҳаш бирон, / Хусрави *беадл*, ба шоҳаш махон // Жадного путника, прогони с пути / Несправедливого Хусрава, не называй шахом [4, 117]. Употребив указанные прилагательные, поэт тем самым хочет сказать, что, на пути к постижению Божества человеку необходимо проявляет великодушие, а правителям – справедливость и правосудие.

Бе + *нутқ* (речь) = *бенутқ* (безмолвный, молчаливый): Найи хомӯшро шакар бахшанд, / Санги *бенутқро* гуҳар бахшанд // Немую свирель именуют сахаром, / Безмолвный камень драгоценным даром [4, с.212].

Бе + *такаллум* (говорить, разговор) = *бетакаллум* (лишенный дара речи, объяснение слов жестами): *Бетакаллум* сухан адо мекун, / Бигзар аз пардаву наво мекун // Не изъясняйся жестами, / Пройди сквозь завесу, но не напевай [4, с.213].

Бе + *суфра* (скатерть, стол) = *бесуфра* (без стола; перен. скупой) и *бэ* + *самар* (плоды, урожай) = бесплодный (бесплодный, напрасный): Кохи *бесуфра* хоки роҳ арзад, / Шачари *бесамар* гиёҳ арзад // Дворец без стола, что пыль дороги, / Бесплодное дерево, что растение [4, с.247].

Бе + *қут* (пища, пропитание) = *беқут* (несчастный, лишенный пропитания, обездоленный): Намудаш лаъл, к-аз ин қут баргир, / Дили *беқут* аз ёқут баргир // Похож на рубин, спроси из этой пищи, / Сердце несчастное спроси у вина [4, с.665].

Бе + *хур* (гурия, райская красавица) = *беҳур* (лишенный райской красавицы) и *бе* + *нур* (свет, яркость) = *бенур* (тусклый, слабый свет): Ин ҳама равзаҳои *беҳур* аст / В-он ҳама чашмҳои *бенур* аст // Эти все окна лишены гурий / Все эти очи лишены света [4, с.246]. В «Хамсе» можно наблюдается также парное употребление и рифмовка арабизмов, подвергшихся префиксации, в частности с префиксом *бе* -.

Бе + ҳисоб (число, подсчет) = *беҳисоб* (бесчисленное количество): Сипоҳе чу мӯру малах *беҳисоб*, / Сабук-шон инону гарон-шон рикоб // Армия, бесчисленная как несметное множество муравьёв и саранчи, / Легкие узда, тяжелые стремя [4, с.497].

Бе + ҳикоят = *беҳикоят* (без слов, безмолвный, молча): Ҳикоят бошад ин маънӣ ба гӯшам, / Ки ман худ *беҳикоят* дар хурӯшам // Если рассказ, то эти слова для моих ушей, / Ведь я сам без слов в волнении [4, с.679].

Бе + ҳосил (урожай, результат, продукт) = *беҳосил* (бесплодный беспечный, напрасный): Чун маро дид масту ло яъқил, / Гуфт, к- «Эй беҳифози *беҳосил* // Когда увидел меня пьяным и беспечным, / Сказал: «Эй, беззащитный и беспечный [4, с.169]. Слово «*беҳосил*», основа которого происходит от арабского слова, употребляется поэтом для характеристики беспечного человека.

Бе + қарор (терпение, хладнокровие, уравновешенность) = *беқарор* (неустроенный, непостоянный, растерянный): Туӣ бустони ҷони беқарорам, / Туро бо Гул ба Яздон месупорам // Ты цветник моего беспокойного сердца/ Я вручаю тебя вместе с Гуль Всевышнему. [4, с.836].

В современном таджикском литературном языке префикс *но-* в отличие от других префиксальных морфем характеризуется продуктивностью и образует от различных частей речи качественные прилагательные, обозначающие признак или состояние противоположные значению основы. [40, с.144]. С участием этого префикса и производной основы «*махрам*», выраженной существительным [4, с.630], образуется прилагательное. По мнению лексикографа Хасана Амида, слово «*номахрам*» является прилагательным [29, с.2375]. Однако следует отметить, что в следующей строфе это производное прилагательное сначала подвергается субстантивации, а затем принимает участие в образовании составного именного глагола *номахрам шудан*: *Но + махрам* (близкий родственник, не имеющий права вступать в брак с кем-либо из этой семьи; близкий друг) = *номахрам* (чужой, посторонний, перен. ненадежный): Бирав, боз ову тарки ин

кадам гир, / Машав *номахраму* роҳи ҳарам гир //Иди, приди вновь и оставь этот шаг, / Не становись посторонним и иди в святилище [4, с.630].

Префикс *бар-* в современном таджикском литературном языке не характеризуется продуктивностью, и эта ее особенность прослеживается в исследуемом произведении. С этой приставкой в «Хамсе» встречается лишь одно прилагательное «барқарор»: *Бар + қарор* (покой, спокойствие) = барқарор (твердый, стойкий, устойчивый): На роҳе падида на раҳбар ба даст, На дил *барқарору* на дилбар ба даст // И дорога не видна, и наставника нет / И сердце не успокоилось, и возлюбленной нет [4, с.368].

Арабские заимствования текста «Хамсы», как следует из содержания анализируемого материала, в большей степени образуют прилагательные с продуктивной приставкой *бе-*. Таким образом, Хаджу, как и его современники, употребляя арабские заимствования, а также персидско-таджикские слова в образовании прилагательных, создал с большинством приставок и суффиксов производные слова.

1.2.4. Образование прилагательных посредством суффиксации арабских заимствований

Согласно исследованиям лингвистов, словообразующие суффиксы прилагательных по моделям словообразования и степени употребления бывают трех видов: а) *продуктивные*: *-ӣ/-гӣ, -она, -гона, -нок*; б) *малопродуктивные*: *-онӣ, -ак, -гун, -ин, -гин*; в) *непродуктивные*: *-осо, -ваш, -фом* [47, с.184-185].

Из продуктивных суффиксов в «Хамсе» лишь суффикс *-нок* проявляет активность. С остальными же суффиксами в исследуемом произведении нами не выявлены сложные прилагательные с арабскими компонентами. Суффикс *-нок* присоединяясь к существительным, образует качественные прилагательные, обозначающее обладание основным признаком слова [46, с.194]. Посредством этого суффикса и арабизмов ««Ғам» [4, с.29], «хатар» [4,

с.66], «шағаб» [4, с.276], «тараб» [4, с.613], образованы следующие производные прилагательные:

Ғам (печаль, гнев) + нок = ғамнок (печальный, подавленный, несчастный): Чуръаи чон бар гили намнок рехт, / Чони фараҳ бар дили ғамнок рехт // Глоток души пролился на мокрую глину, / Веселая душа излилась на грустное сердце [4, с.29]

Хатар (опасность, риск) + нок = хатарнок (опасный, рискованный, опасный): Ҳозири ин хоки хатарнок бош, / Заҳр нигар в-аз пайи тарёк бош // Будь готов к этой опасной земли / Смотри на яд и ищи противоядие [4, с.66].

Шағаб (шум, волнение, сумятица) + нок=шағабнок (тревожный, волнующийся, гневный): Даромад шоҳ чун шери шағабнок, / Ба дасташ найзае чун мори Заҳҳок //Царь вошел, как гневный лев, / В руках с копьем, подобное змее Заххака, [4, с.276].

Тараб (радость, счастье) + нок = тарабнок (радость, веселье, восторг): Ҳар он к-ӯ бинад он рӯи тарабнок, / Агар хокаш нагардад, бар сараш хок!// Каждый кто увидит то радостное лицо, / Если не обернется в прах, на голову его прах! [4, с.613].

Из менее продуктивных суффиксов в «Хамсе» наблюдается употребление суффиксов *-ин*, *-гин* и *-гун*.

С суффиксом *-ин* выявлено лишь одно производное прилагательное с арабским компонентом: *Анбар* (душистое вещество. амбра) + *ин* = *анбарин* (душистый, благоухающий амброй): Барошuftа з-он сунбули *анбарин*, / Бунафшафурӯшони бозори Чин // Влюбившись в те душистые локоны, / Продавцы фиалок на китайском базаре [4, с.548].

Из непродуктивных суффиксов современного таджикского литературного языка в «Хамсе» с суффиксами *-фом* и *-ваиш* встречаются следующие производные прилагательные с арабскими компонентами:

Ёқут (Рубин, драгоценный камень красного, желтого, синего цвета) + *фом* = *ёқутфом* (красное вино рубинового цвета): Дода ба хуршедпарастони

бом, / Дар қадахи зар майи ёқутфом// Отдав поклонникам солнца крыши, / Рубиновое вино в золотой чаше [4, с.28].

Суффикс *-ваш* по сравнению с суффиксом *-фом* проявляет большую активность и участвует в «Хамсе» Хаджу в образовании пяти производных прилагательных со следующими арабскими лексемами – «мафраиш», «суббон», «хур», «Хизр», «хукқа»:

Мафраиш (то что расстилается, например, палас, домотканый палас из грубой шерсти, войлок и т. д.) + *ваш* = *мафраишваш* (похожее на палас; перен. мягкое): Боргохи ту хоки *мафраишваш*, / Боргири ту боди *мафраишваш* // Твое жилище - мягкая земля, / Твое выючное животное -расстилающий ветер [4, с.175].

Суббон (большой змей, дракон) + *ваш* = *суббонваш* (драконоподобный): Ба чочи чарх курбонкаш даромад, / Хурӯш аз чархи *суббонваш* даромад // Жертвенным вошел в небеса, / Шум и гам вошли из драконового неба [4, с.746].

Хур (гурия, райская красавица) + *ваш* = *хурваш* (похожая на гурию, красивая как гурия) и *нур* (свет. луч) + *ваш* = *нурваш* (как свет, лучистый): Паривор девафкани *хурваш*, / Мунаввардили нории *нурваш* // Похожая на пери низвергающая дива, прекрасная гурия/ С ясным сердцем, пламенный и лучистый [4, с.542].

Хизр (зеленый, свежая зелень, зеленая ветвь, зеленый луг, цветущее и радостное место) + *ваш* = *хизрваш* (как хизр, благодатный, радостная весть; перен. одно из качеств Суруш): Даромад ногаҳон аз байти маъмур, / Суруши хизрваш дар куббаи нур // Пришла вдруг из молельни, / Радостная весть из купола света [4, с.840].

Хукқа (шкатулка, ларчик драгоценностей) + *-ваш* = *хукқаваш* (похожий на шкатулку драгоценностей): Дар садафи *хукқаваш*и чанбарӣ, / Ҳамчу ту набвад гуҳаре гавҳарӣ // В раковине похожей на шкатулку драгоценностей, / Нет драгоценного камня подобно тебе [4, с.61].

Таким образом, в тексте «Хамсы» арабские заимствования посредством префиксации и суффиксации активно участвуют в образовании производных прилагательных, исследование которых расширяют представление о степени употребления аффиксов в образовании прилагательных в конце XIII - первой половине XIV веков.

О повышенном внимании Хаджу к словообразованию, в особенности к образованию производных лексем с арабскими компонентами можно убедиться на примере производных прилагательных «хурваш» и «нурваш» [4, с.542], «бехур» и «бенур» [4, с.246], с которыми поэт создает новые лексемы посредством префиксации и суффиксации.

ГЛАВА II. МЕСТО СЛОЖНЫХ СЛОВ С АРАБСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ

II.1. Образование сложных слов по модели «арабская лексема + таджикская лексема»

В «Хамсе» выявлено более 200 сложных слов, в которых первый компонент представлен арабским заимствованием, а второй – таджикской лексемой. В качестве примера приведем некоторых из них, без определения их частеречной принадлежности: **А:** адхамсавор [4, с.841], аламдор [4, с.841], алином [4, с.627], анбарбез [4, с.720], анбарсиришт [4, с.429], анбарфурӯш [4, с.444], анкошикор [4, с.707]. **Б:** бурқаъкушо [4, с.822]. **В:** вилодатнома [4, с.605]. **Д:** давосоз [4, с.661], дахрпаймой [4, с.818]. **И:** ишқнома [4, с.596]. **Қ:** қалъакан [4, с.753], қамарсой [4, с.657]. **Л:** лӯъбатбоз [4, с.657], лӯъбатсоз [4, с.657]. **М:** мадҳпардоз [4, с.802], маҷлисфурӯз [4, с.425], маслиҳатбин [4, с.597], миннаткаш [4, с.860], мушаъбадбоз [4, с.734], муштарифарсо [4, с.639]. **Н:** нағмасоз [4, с.443], насиҳатнома [4, с.678], нузҳатсаро [4, с.796], нуқрапӯш [4, с.721]. **О:** оламбин [4, с.724], офоқсӯз [4, с.780]. **Р:** раёҳинбахш [4, с.597], расадбанд [4, с.801]. **С:** саҳархон [4, с.424]. **Т:** таърихгӯ [4, с.756]. **У:** удсӯз [4, с.449]. **Х:** ҳаёбор [4, с.721], ҳарзагӯ [4, с.626], ҳасанхӯй [4, с.627], хурпайкар [4, с.643]. **Ч:** чарасчунбон [4, с.653]. **Ш:** шақоикчин [4, с.597], шарафном [4, с.681], шикоятнома [4, с.600].

В исследуемом произведении все 200 сложных слов, образованные по этой модели, выступают в качестве существительных и прилагательных. В следующем разделе сложные существительные, модели «арабская лексема + таджикская лексема» подвергаются анализу с точки зрения частеречной принадлежности.

II.1.1. Сложные существительные модели «арабская лексема + таджикская лексема»

Арабское существительное + таджикский глагол. Некоторые сложные существительные состоят из арабского существительного и таджикского глагола: **А:** ақолимгир [4, с.339], аршфарсой [4, с.310], атобахш [4, с.355]. **Ғ:** ғамгусор [4, с.94], ғампараст [48, с.200], ғолиясо [4, с.80], ғуборафшон [4, с.320]. **И:** ибратгир [4, с.251], иморикаш [4, с.327, 504]. **К:** кавокибшинос [4, с.339, 557]. **Қ:** қалъагир [4, с.230]. **М:** маҷмарасӯз [4, с.117], мамоликбахш [4, с.269], манзарасоз [4, с.117], манозилшинос [4, с.340], марҳалапаймо [4, с.79], машъалаафрӯз [4, с.103], маъдалатомӯз [4, с.103], моликхар [4, с.141], мулкситон [4, с.55], мулкфурӯш [4, с.141]. **Н:** нақшбанд [4, с.236], нақшнигор [4, с.102], нотиқагӯ [4, с.53], нусхашӯ [4, с.236]. **Р:** рӯҳафрӯз [4, с.320], рӯҳбахш [4, с.218]. **С:** санохон [4, с.82], сарирафрӯз [4, с.270], сафдар [4, с.290], сафоро [4, с.335], сафшикоф [4, с.236], сиккадор [4, с.190, 211], субҳдам [4, с.95]. **Т:** табассумнамой [4, с.333], тавҳидгӯй [4, с.139], тараннумнавоз [4, с.340], тараннумсарой [4, с.53, 337, 428, 499, 508-509, 525], тараннумсоз [4, с.296], тутуқбанд [4, с.179]. **У:** узорафрӯз [4, с.269]. **Ҳ:** ҳақиқатнигар [4, с.121], ҳалқанишин [4, с.70], ҳикматомӯз [4, 277-278], хирқагир [4, с.102]. **Ҷ:** ҷавохирфурӯш [4, с.339], ҷанибатрон [4, с.270, 579], ҷарасчунбон [4, с.296], ҷонафзой [4, с.320], ҷуръакаш [4, с.79], ҷуръачаш [4, с.56]. **Ш:** шақоикчин [4, с.270], шамъфурӯз [4, с.102].

Названные сложные слова созданы по IV способу образования сложных существительных, то есть из имен существительных и основы настоящего времени глагола [47, с.165]. Например, в сложном слове *ҷуръачаш* [4, с.56] арабское существительное «*ҷуръа*» - «количество воды или другой жидкости, которое можно выпить за один глоток» [27, с.809-810] находится в подчинении основы настоящего времени глагола -«*чаш*»: *Мевакашони сари бозори ишқ, / Ҷуръачашони дари хаммори ишқ //Плодоносцы на базаре любви, / Любители вина у двери винодела любви* [4,

56]. В этом бейте сложное существительное «*чуръачаи*», синонимом которого является лексема «*чуръанӯи*», употреблено не в прямом, а в переносном значении и обозначает суфия [27, с.810]. Арабское слово «*чуръа*» как суфийский термин символизирует «качества, присущие проявлению Бытия в каждом атоме» [19, с.697]. Исходя из этого, можно сказать, что сложное существительное «*чуръанӯи*» обозначает познавшего явление божественного бытия, т.е. путника, идущего по мистическому пути. Такое метафорическое значение этого сложного существительного связано с терминологическим значением производного арабского слова «*чуръа*», а не с основой настоящего времени таджикского глагола. Метафоричными значениями обладают и сложные существительные «*чуръакаи*» [4, с.79], «*ҳалқанишин*» [4, с.70], «*мулкситон*» [4, с.55], «*марҳалапаймо*» [4, с.79], «*голиясо*» [4, с.80], являющиеся по значению контекстными синонимами (в сочетании с последующими словами), поскольку обозначают суфия, находящегося на пути духовного усовершенствования, богопознания и постижения истины. Например, сложное слово «*голиясо*», состоящее из арабского существительного «*голия*» и основы настоящего времени «*со//сой*» в словосочетании «*голиясои садафи курбат*», означает суфия, а не парфюмера, создающего ароматы. Роҳбари бодияи ғурбатем, / *Ғолиясои садафи курбатем* // Мы вожди пустынь на чужбине / Парфюмеры жемчужин гармонии [4, 80]. Слово «*голиясо*» лексикологом А.Суруш в поэзии Камола Худжанди комментируется как: парфюмер; собир. ароматный, благоухающий. Сунбули *голиясоят* чу сабо шона зада, / Шуда бар хирмани гул мушкфишон // Благоухающие локоны твои подобно зефиру стала поглаживать, / Став на гумне цветов распространяющим запах мускуса [19, 145]. Однако, как явствует из содержания этого бейта слово «*голиясо*» употреблено и в переносном значении и обозначает аромат локонов красавицы. По мнению этого известного составителя словарей, арабское существительное «*голия*» в поэзии Камола Худжанди употреблено в четырех значениях, из которых 1-ое и 2-ое значение являются прямыми (1. ароматное

лекарство, используемое в древней медицине и содержащее такие специи, как мускус, амбра и ладан, полезные для снятия головной боли и укрепления сердца и ума. 2. Галия, ароматическая смесь для волос из мускуса и амбры), а 3-е и 4-ое значение – метафоричное (благоухающие локоны возлюбленной) [19, с.145]. Основа же настоящего времени «со», согласно толкованию Хасана Амида в «Толковом словаре Амида», является сокращенной формой слова «сов» [28, с.1351] от инфинитива «совидан» («тереть, растирать»).

Из чего следует, что сложное существительное «*голиясо*» несмотря на то, что его первоначальным значением является «создающий галия», «парфюмер», в сочетании со словосочетанием «*голиясои садафи курбат*» приобретает мистическое значение, обозначающие понимание суфием-путником «*садафи курбат*» (перен. печаль и боль, которые испытывает суфий на пути к истине и познания божественной сути) как «благоухающий аромат».

Если сложное существительное «*голиясо*» и его контекстными синонимы рассматривать как слова, обозначающие «суфия» или «мистика», то можно прийти к заключению, что в совокупности все эти лексемы служат для обозначения лица. Такая особенность присуща всем сложным существительным, образованным от существительного (независимо от того, относятся они к заимствованиям или же к исходным лексемам) и основы настоящего времени глагола [47, с.165].

Одной из особенностей употребления таких сложных существительных является их парное употребление в контексте одного бейта. В качестве примера приведем два бейта с парными сложными существительными:

Шамъфуруз и нақинигор: Шамъфуруз - «зажигаящий свечи»; перен. «проводник, наставник» и *нақинигор* - «художник, живописец»; перен. «творец, создатель»: *Шамъфурузи* тутуқи цону дил, / *Нақинигори* ҳарами обу гил // Зажигающие свечи в шатре души и сердца, / Художник святилища воды и глины [4, с.102].

Маҷмарасӯз и *манзарасоз*: *маҷмарасӯз* - «тот, кто выкуривает благовония в курильнице, кадильница» и *манзарасоз* - «тот, кто рисует, художник»: *Маҷмарасӯзон*, ки дар ин хиргаҳанд, / *Манзарасозон*, ки бар ин даргаҳанд //Выкуривальщик благовоний этого шатра / Живописцы этого двора [4, с.117].

Арабское существительное + таджикское существительное. В «Хамсе» Хаджу сложные существительные модели «арабская лексема + таджикская лексема», образованные из арабского существительного и таджикского существительного, встречаются в небольшом количестве: *қофиласолор* [4, с.120], *чурмкор* [4, с.149], *хилватсаро* [4, с.277], *тараннумсарой* [4, с.27, 384, 420], *ғарқоб* [4, с.55, 177, 195, 202, 247, 299, 596, 658, 660, 667], *узлатхона* [4, с.278], *ишратхона* [4, с.327], *салотиннишон* [4, с.339]. В соответствии с первым подтипом (А) первого способа (I) образования сложных существительных [47, с.156], арабские заимствования этих сложных существительных, находясь в препозиции, подчиняются второму компоненту – таджикским лексемам, находящимся в постпозиции. Такие «сложные существительные... в зависимых существительных занимают основное место. Значение и функция сложного существительного, и значение, которое оно выражает, зависит в основном от главного компонента» [47, с.156]. Например, в сложном существительном «*ноқасавор*» - «ездок на верблюде; тот, кто едет на верблюдице» слово «савор» - «человек, который едет на лошади или другом транспортном средстве, всадник» [14, с.171] подчиняет себе арабизм «*ноқа*» / «верблюдица» [13, с.875]: *Ноқасаворе* бадар омад зи гард, / Рӯй дар он қофиласолор кард //Один ездок на верблюде став злосчастливым от пыли / Обратился к тому предводителю каравана [4, с.120].

В этом бейте сложное слово «*қофиласолор*» / «сорбон» также образовано по этому подтипу и способу словообразования. К этому способу образования относятся и сложные существительные «*салотиннишон*», «*чурмкор*», «*соҳибхунар*». Все названные сложные существительные служат

для обозначения лица, однако среди сложных существительных этой группы существуют и сложные лексемы, обозначающие место или жилище. Примером может послужить, сложное существительное «*гарқоб*» [4, с.55, 177, 195, 202, 247, 299, 596, 658, 660, 667], означающее «глубокое место реки и т.п., омут» [29, с.1760]: Рахт бароварда зи *гарқоби* гил, Рӯй бароварда ба меҳроби дил // Вытащив вещи из дна глины, Обратился к алтарю сердца» [4, 247]. Сложные существительные «*хилватсаро*» [4, с.277], «*иширатхона*» [4, 327], «*узлатхона*» [4, с.278] также служат для выражения места.

Иширатхона – дом наслаждений, увеселительное заведение: Дари маъмураи дил баркушодам, / Ба *иширатхонаи* чон уфтодам // Отворил благоустроенную дверь своего сердца, / Свалился в дом наслаждений души [4, с.327].

Узлатхона - «комната уединения, место затворничества»: Қазоро шохбози тезпарвоз / Ба *узлатхонаам* гашт ошёнсоз // Судьбой быстрокрылый сокол / В комнате уединения построил лоно [4, с.278].

Хилватсаро - «глухое, уединенное место; перен. место затворничества, дервишская обитель, келья отшельника, келья»: Чу ганче рафта дар кунче нишаста, / Дари *хилватсаро* бар халқ баста // Пришел как сокровище и сел в углу, / Закрыв пред людьми дверь обители [4, с.227].

Из этих трех сложных существительных, обозначающих место, последние два в «Хамсе» являются контекстными синонимами, однако вне текста они проявляют антонимичность.

Арабское существительное + таджикское прилагательное. В современном таджикском литературном языке в сложных существительных, состоящих из существительного и прилагательного, основным компонентом является существительное, а прилагательное определяет его признак [47, с.163]. В «Хамсе» по этому способу, т. е. второму способу (II) образования сложных существительных, по модели «арабская лексема + таджикская лексема» зафиксировано всего четыре слова, из которых «*меҳнатобод*» образовано по первому подтипу (1) второго способа (II) образования, то есть

при помощи существительного и прилагательного [47, с.164], а остальные три - «мусаввардеба», «мураввахбӯстон», «олигуҳар» образованы по второму подтипу (2) второго способа образования, то есть из прилагательного и существительного [47, с.163].

Меҳнатобод – «обитель скорби; перен. о мире, являющемся местом печали и горести»: «Бирав, тарки ин *меҳнатобод* гир, / Лаби Дачлаву роҳи Бағдод гир // Иди, оставь эту обитель скорби / Отправляйся к берегу Даджлава и Багдаду» [4, с.406]. Как явствует из приведенного примера, это сложное слово, образованное от арабского существительного «меҳнат» - «печаль, горесть; трудности и страдания» и таджикского прилагательного «обод» служит для выражения абстрактного понятия.

Арабское прилагательное + таджикское существительное. Эта модель образования сложных существительных в классификации лингвистов определена как второй подтип второго способа образования сложных существительных, [47, с.163], о которой мы упоминали выше. Здесь следует добавить, что такие сложные существительные служат для выражения лица, предмета, понятия [47, с.163] и места. Например, сложное слово «*мусаввардеба*» - «драгоценная ткань с рисунком», происходящее от арабского слова «*мусавар*» - «изображенный, нарисованный, запечатленный, воплощенный» [13, с.748] и таджикского существительного «*деба*» - «текст. газ, дорогая тонкая ткань, шелк» [13, с.360], служит для обозначения предмета: Хати анбарнасим аз хиттаи Тӯс, / Мусаввардебае чун парри товус // Почерк с благоухающей линией из страны Тус, / Драгоценная ткань как павлинье перо [4, с.390].

Или же сложные существительные «Мураввахбӯстон» – употреблены для обозначения места, а «олигуҳар» - для обозначения лица:

Мураввахбӯстон – «красивый сад, свежий и чарующий сад»: Мураввахбӯстони бостонӣ, / Хато гуфтам, ки ганче шойгонӣ // Древний чарующий сад, / Сказал неправильно, что это огромное сокровище [4, с.309].

Олигуҳар - «знатного рода, благородного рода»: Гуҳар гӯй, чу ӯ олигуҳар кист? / Ҳунар гӯй, чу ӯ соҳибҳунар кист? // Благородство скажи, кто может стать таким благородным как он? / Искусство скажи, кто может быть таким мастером как он? [4, с.380].

Среди сложных существительных, первая компонент которых выражен арабским заимствованием, а вторая – таджикской лексемой, лексемы «чурмкор» [4, с.149], «мусаввардеба» [4, с.390], «мураввахбустон» [4, с.309] принадлежат перу самого Хаджу. Следует подчеркнуть, что последние два сложных слова по сути являются словосочетаниями, которые в соответствии с метрической системой поэтического сочинения употреблены в форме сложного слова. Следует отметить, что в некоторых случаях особенность метрической системы стихотворений обуславливает употребление сложного слова вместо словосочетания. Из чего следует, что роль стихотворных размеров, в особенности мистических масневи в образовании сложных слов представляется значимой.

II.1.2. Сложные прилагательные модели «арабская лексема + таджикская лексема»

В «Хамсе» Хаджу сложные прилагательные, образованные по модели «арабская лексема + таджикская лексема», с точки зрения способа образования мало отличаются от сложных существительных. Как и сложные существительные модели «арабская лексема + таджикская лексема», которые образуются четырьмя способами (арабское существительное + таджикский глагол; арабское существительное + таджикское существительное; арабское прилагательное + таджикское существительное; арабское существительное + таджикское прилагательное), сложные прилагательные также создаются четырьмя способами (арабское существительное + таджикский глагол; арабское существительное + таджикское существительное; арабское прилагательное + таджикский глагол; арабское прилагательное + таджикское

существительное). Следует отметить, что, однако среди моделей образования сложных прилагательных модель «арабское прилагательное + таджикский глагол» характерна лишь сложным прилагательным, и не применяется в тексте В «Хамсы» для образования сложных существительных.

Арабское существительное + таджикский глагол. Из четырех указанных моделей в большей степени сложные прилагательные образуются по способу «арабское существительное + таджикский глагол», то есть по способу присоединения существительного к основе настоящего времени глагола, который лингвисты относят к четвертому и наиболее продуктивному способу образования сложных прилагательных [47, с.193]. В «Хамсе» сложные прилагательные образованные по этому способу также проявляют продуктивность: анбарсой [4, с.263], тутукнамой [4, с.55], заркфурӯш [4, с.241], қалъакушой [4, с.255], маҷлисафрӯз [4, с.286], машъаладор [4, с.255], маъниоро [4, 285], мидҳатсаро [4, с.282], мулкатпаноҳ [4, с.345], мулкбахш [4, с.255], мулкорой [4, с.255], нағмапардоз [4, с.280, 298], нофакушой [4, с.263], рикобафшон [4, с.279], рӯҳбахш [4, с.181], рӯҳгазой [4, с.240], рӯҳфизой [4, с.240], садрнишин [4, с.237], сиккадор [4, с.190], синаафроз [4, с.237], тараннумсарой [4, с.96, 333], узлатнишин [4, с.339], хилватнишин [4, с.339], ҳикматафрӯз [4, с.285], ҳикоятсарой [4, с.55], ҳуллапӯш [4, с.363, 538], шӯбадабоз [4, с.214]. Названные сложные прилагательные в исследуемом тексте выступают в качестве качественных прилагательных, и обозначают признак предметов, понятия и характер героев, описанных в поэмах «Хамсы». Например, в следующем бейте сложное прилагательное «рӯҳбахш» является признаком абстрактного существительного «нафас»: Дилу чонам нисори мақдами туст, / Нафаси рӯҳбахшам аз дами туст // Свою сердцу и душу принесу в жертву к твоим ногам, / Так как мое живительное дыхание от твоего дыхания [4, с.181].

Сложное существительное «*тараннумсарой*», образованное от арабского существительного (тараннум/восхваление) и таджикского глагола (саро//петь), в «Хамсе» употребляется и как сложное существительное,

состоящее из арабского существительного (тараннум) и таджикского существительного (сарой – дворец; перен. вселенная), и как составное прилагательное, образованное от арабского существительного и таджикского глагола. Этот вопрос будет подробно рассмотрен в разделе, посвященном сложным прилагательным.

Следует отметить, что все сложные прилагательные данной модели вне контекста являются сложными существительными, обозначающими определенное лицо. Например, слово «*маъниоро*» вне контекста следующего бейта является сложным существительным, обозначающим мудреца, однако в бейте оно определяет существительное «*хаким*»: *Ҳаками маъниоро, муъбади пир, / Бад-ин сурат суханро кард тафсир // Мудрый хаким, старый жрец, / После чего прокомментировал слова* [4, с.285].

Из чего следует, что сложные существительные этой группы подверглись явлению адъективации, которое характеризуется в «Словаре лингвистических терминов» как переход других частей речи в прилагательное, и относится к морфолого- синтаксическому способу словообразования [10, с.13]. Согласно толкованиям предложенным в этом словаре, в таджикском языке в основном причастия настоящего и прошедшего времени и основы глаголов подвергаются адъективации: *моҳи тобон, реги равон, гули хандон, гови зананда, саги газанда, гули шукуфта, меҳмони нохонда; офтобаи мис, соати тилло, деги мис, хонаи нишаст, дари кушод, теги бурранда* [10, с.13]. Из чего можно заключить, что именно второй компонент сложных прилагательных (по сути, являющиеся сложными существительными), выраженный основой настоящего времени глагола, обуславливает их переход в разряд прилагательных, то есть адъективацию сложных существительных.

О принадлежности сложных прилагательных, являющихся в исходной форме сложными существительными, к адъективированным лексемам, свидетельствует и тот факт, что в исследуемом произведении названные сложные прилагательные, употребляются в одном бейте, то есть в одном

простом предложении или в одном сложном предложении, в качестве определения и выполняют адъективную функцию. Примером чему являются следующие бейты:

Чумла хамӯшони ҳикоятсарой, / Мулкситонони вилоятнамой // Все безмолвные сказители, / Захватчики имуществ, притворяющиеся святыми [4, с.55].

Синаафрозӯ қалбу садрнишин, / Дил ба дунёву ғарра гашта ба дин //Озаряющий сердце, правитель, / Сердце надменно к миру и к религии [4, с.237].

К-аз чӣ рӯй ин баҳори рӯҳфизой, / Дорад ин рангу бӯи рӯҳгазой?! Отчего эта живительная весна, / Имеет такой неприятный цвет и аромат?! [4, с.240].

Малики мулкбахши мулкорой, / Хусрави девбанди қалъакушой // Правитель, одаривающий владениями и украшающий страну / Царь могучий и покоряющий крепость [4, с.255].

Сложные слова «*ҳикоятсарой*» и «*вилоятнамой*» в первой строфе [4, с.55], «*синафароз*» и «*садрнишин*» во второй строфе [4, с.237], «*рӯҳфизой*» и «*рӯҳгазой*» в третьей строфе [4, с.240], «*мулкбахши*», «*мулкорой*» и «*қалъакушой*» в четвертой строфе [4, с.255] употреблены в качестве сложных прилагательных в пределах одного бейта или одной строфы, и такое сочетание прилагательных называется искусством тансик ас-сифот – перечисление однородных качеств [51, с.69].

В «Хамсе» сложная лексема «тараннумсарой» употреблена как в качестве сложного существительного, так и сложного прилагательного, в чем можно убедиться на примере следующего бейта: *Тараннумсароён тараннумсарой, / Хурӯшон суроҳӣ ба пардасарой //*Восхвалители поют хвалебные песни, / Бурлящий графин поющим в тон [4, с.425]. В первом случае лексема «тараннумсарой» является сложным личным существительным (множественного числа), т. е. «певец», а во втором – сложным относительным прилагательным, т. е. «благозвучный, напевный».

Следующие два бейта, относящиеся к одному поэтическому отрезку (второй бейт приведен после шести бейтов первого примера, на той же странице), также являются подтверждением вышесказанного:

Тараннумсарой - сложное личное существительное: певец: Хушсухане ёфт *тараннумсарой* / В-омада дар оина суратнамой // Краснослов нашел певца / И показался в зеркале как изображение [4, с.53].

В следующем бейте Хаджу эта лексема, можно считать наречием образа действия: Якояк тааччубнамой омаданд, / Ба тахсин *тараннумсарой* омаданд // Один за другим с удивлением пришли, / С похвалой распевая дифирамбы пришли [4, с.573-574].

Слово «тараннумсарой», являющееся сложным существительным и обозначающее место: место, где звучит поэзия и музыка, место для пиршества, вечер музыки, принимает участие в образовании именного составного существительного: Шуд чамани табъ *тараннумсарой*, / «Равзаи анвор» ба номи Худой // Цветник души стал певучим/ «Райский свет» посвящено Всевышнему [4, с.27]; Даровард шахро ба бустонсарой, / *Тараннумсаро* гашта дастонсарой // Присоединил город ко дворцу/ Стал певучим певец дастанов [4, с.420]; Чу дар торам афканд созаш хурӯш, / *Тараннумсарои* саро шуд хамӯш // Как только в моих струнах стала звучать его мелодия/ Певец дворца умолк [4, с.443].

Таруннумсарой - сложное существительное, обозначающее лицо: певец, автор песен, музыкант: Хушсухане ёфт *тараннумсарой* / В-омада дар оина суратнамой // Краснослов нашел певца / Краснослов нашел певца / И показался в зеркале как изображение [4, с.53]; Табиразани корвони қидам, / *Тараннумсарои* чаҳони қидам// Барабанщик древнего каравана/ Певец древнего мира [4, с.337]; Май аз чанги нӯшинлабон карда нӯш, / Ба чанги *тараннумсаро* дода хуш// Выпив вино из рук красавиц с сладким губами / Изумившись чангу певца [4, с.428]; *Тараннумсарои* сароро бихон, / Мае дар қадах резу моро бихон // Призови дворцового певца / налей вино в бокал позови меня [4, с.499]; *Тараннумсароёни* дастоннавоз, / Чунин сохтанд ин

пуровоза соз // Певцы поющие поэмы/ Таким образом создали этот прославленный инструмент [4, с.508-509]; *Тараннумсарои* гулистони кист, / Фурӯзандаи коху айвони кист? // Это певец чьего цветника / Светоч чьего дворца и чертога [4, с.525].

Анализ вышеприведенных бейтов, содержащих лексему «тараннумсарой», показывает, что Хаджу был не только мастером словосложения, но и великим лингвистом, сумевшим правильно и уместно употребить слова, которые он создавал с большим мастерством.

Арабское существительное + таджикское существительное. Образование сложных прилагательных из двух существительных является распространенным способом словообразования сложных прилагательных [40, с.192]. Согласно научным положениям ряда лингвистов, прилагательные этой группы служат для обозначения признака и свойств предмета, его внешних и внутренних характеристик [40, с.192]. Таким образом, в «Хамсе» по этой модели словообразования зафиксировано всего пять сложных слов, использованные поэтом в качестве прилагательных для обозначения признака предметов и качеств личности: соҳибдил [4, 118], кофаркеш [4, с.182], алитеғ [4, с.274], кавкабсипоҳ [4, с.345] ёкутранг [4, 349]. Сложное прилагательное «соҳибдил» - «чистый сердцем, набожный; качество человека, равнодушного к горестям и радостям других» [19, с.533] использовано поэтом в следующем заглавии для характеристики личного существительного «мусофир»: «Рассказ набожного странника, спустившегося с караваном на владения Хотама Тоя и попросившего у него пропитания и великодушия Хотама» [4, с.118]. Сложные прилагательные «кавкабсипоҳ» [4, с.345] и «алитеғ» [4, с.274] в исследуемом произведении, как и сложное прилагательное «соҳибдил» [4, с.118], служат с целью описания человеческих качеств, однако сложное прилагательное «кофаркеш» - «тот, кто отрицает религию ислам; безбожник, вероотступник; жестокий, бездушный человек; перен. жестокая возлюбленная [13, с.567]: Кунам аз дасти нафси кофаркеш, / Бар сари хок, хок бар сари хеш // Рукою страстей

этого безбожника / Посыплю на могиле прах на свою голову [4, с.182]. Или же в следующем бейте сложное прилагательное «ёкутранг» – «рубиново-красный» [13, с.418] употреблено с целью точного описания конкретного существительного «лаъл»: Бидех, соқй, он лаъли ёкутранг, / Ки бурд аз рухи лаълу ёкут ранг // Дай, виночерпий, тот рубин рубиново-красного цвета, / Что похитил из ланит рубин и яхонт [4, с.349].

Среди этих сложных прилагательных два прилагательные – «кавкабсипоҳ» и «алитеғ» относятся к перу самого Хаджу, другие же примеры находят употребление в поэтических сочинениях других поэтов.

Арабское прилагательное + таджикское существительное. Образование сложного прилагательного посредством прилагательного и существительного является третьим способом образования сложных прилагательных, в таджикском языке наиболее часто применяемыми компонентами являются лексические единицы *хуш, пур, сер, бад, ранг, сар, дил* [47, с.193]. Однако в рассматриваемом произведении эта форма образования сложных прилагательных с арабским компонентом, относящихся к имени прилагательному, встречается крайне редко. Сложные прилагательные «муламмаъбол» [4, с.277] и «муртафеъдаргоҳ» [4, с.172] являются сложными словами, в которых арабский компонент находится в препозиции, и в отдельности (вне состава сложных слов) является частью речи – прилагательным:

Муламмаъбол – «пёстрый, птица или насекомое, у которого разноцветные крылья»: Чу товуси *муламмаъболи* хуршед, / Хиромон гашт дар гулзори Чамшед // Как павлин с пестрыми перьями солнца / Грациозной походкой гулял в цветнике Джамшеда [4, с.277].

Слово «муламмаъ» в словарях истолковано как «двухцветный и красочный» [30, с.183] «цветной, цветастый; многоцветный; разукрашенный» [13, с.725]. Из толкований и пояснений исходит, что это арабское слово является именем прилагательным.

Муртафедаргоҳ – «дворец, замок»: Хишти шашсӯи *муртафедаргоҳ*, / Фарши ғаброи чанбари хиргоҳ // Шестигранный кирпич дворца/ Слой земли круга шатра [4, с.172]. При исследовании персидско-таджикских словарей выяснилось, что арабское слово «муртафе'» в «Персидском словаре Амида» истолковано как «возвышающийся; высокий» [29, с.2213] в «Словаре таджикского языка» приводится во втором значении, в переносном значении означает «высший, превосходный» [13, с.747]. Это сложное прилагательное, обозначающее признак абстрактного существительного «шашсӯ», придает ему качество превосходства, широты и величия.

Арабское прилагательное + таджикский глагол. Эта форма словообразования является шестым способом образования сложных прилагательных, то есть состоит из прилагательного и основы настоящего времени глагола, а также прилагательного и причастия [47, с.194]. Образование сложных прилагательных по указанному способу редко встречается в «Хамсе». Сложное слово «азрақпӯш», арабский компонент которого является прилагательным, относится к лексическим единицам, которые мы в ходе компонентного анализа и классификации сложных слов с одним или двумя компонентами арабского происхождения отнесли к сложным прилагательным.

Азрақпӯш: Бирав, эй зардгӯши *азрақпӯш*, / Шайхи зарроку шӯхи зарқфурӯш // Иди, эй плут с желтым одеянием / Двуличный шейх, баловник и лицемер [4, с.241]. Сложное слово «азрақпӯш» встречается не только в «Хамсе» Хаджу [4, с.241], но и намного раньше – в поэзии Низами и позднее в творчестве Хафиза. Для подтверждения этого стоит лишь обратиться к толкованию этого слова в «Словаре таджикского языка»: 1. *одетый в синюю одежду*, Субҳидам з-осмони *азрақпӯш* / Чун ҳаво баст азрақӣ бар дӯш // Ранним утром из голубого неба/ Как только воздух облачился в синюю одежду (Низами). 2. перенос. *суфий, двуличный, хвастливый суфий, суфий обманщик*: Пири гулранги ман андар ҳақи *азрақпӯшон* / Рухсати хубс надод, арна ҳикоятҳо буд (Хафиз) // Вино не учит злу! Ругать аскетов, Напившись, я

не стану все равно [13, с.47]. Сложное слово «азрақпӯш» в бейте Хаджу тождественно второму значению, приведенному выше.

II.2 Образование сложных слов по модели «таджикская лексема +арабская лексема»

Статистический анализ показал, что в «Хамсе» количество сложных слов с таджикским компонентом в первой позиции и арабским – во второй в сравнении с обратной моделью составляет на порядок меньше, то есть приблизительно 100 слов:

Б: биҳиштилиқо [4, с.517], бумчаал [4, с.89], бунчуръа [4, с.701]. **Г:** гармсайр [4, с.174], гиромидур [4, с.619], гулузор [4, с.518]. **Д:** дарёмавч [4, 217, 255], деринадайр [4, с.282], дорофавч [4, с.217, 255], дурафшонақиқ [4, с.422]. **З:** зарринакос [4, с.556], зарринамахд [4, с.419, 514], зарринахалхол [4, с.813], зарриндаф [4, с.818], зарриниморӣ [4, с.418], зарринчалочил [4, с.418, с.618], зарринҳамоил [4, с.805], зарринсинон [4, с.352]. **К:** кабудҳисор [4, с.210], каёнибисот [4, с.440], каёнисарир [4, с.419], кайнисбат [4, с.605], коннавол [4, с.355], кошономахд [4, с.438]. **М:** майгуншафақ [4, с.542], маҳманзил [4, с.459], маҳталъат [4, с.391], мушкиннафас [4, с.140, 398], мушкинниқоб [4, с.400], мушкинҳамоил [4, с.618], мушкиншамоил [4, с.805], мушкиншамома [4, с.309]. **Н:** наварӯс [4, с.179], насринузор [4, с.456], нилитутуқ [4, с.373], нимбисмил [4, с.647], нозукмизоч [4, с.178], нухғурфа [4, с.338], нухҷадвал [4, с.852], нуххучра [4, 338]. **О:** осмонқадр [4, с.336], оташинливо [4, с.158], оташузор [4, с.219, 387], офтобэҳтишом [4, с.356], ошуфтаҳол [4, с.445]. **П:** парокандааҳвол [4, с.470], пирӯзаманзар [4, с.304], пирӯзамафрaш [4, с.618], Покмаъбуд [4, с.480], пурарқам [4, с.778], пурваъз [4, с.601], пурзайғам [4, с.778], пурқатра [4, с.363]. **Р:** равшанзамир [4, с.384], рахшонсухайл [4, с.429], рӯинҳисор [4, с.634]. **С:** сабзароик [4, с.57], сабзмаҳмил [4, с.513], сабзмаснад [4, с.608], сабзхат [4, с.798], сабукрӯх [4, с.179], сабуксайр [4, с.181], санавбарқад [4, с.538], сарвқад [4, с.798],

сарҳалқа [4, с.547], сархайл [4, с.270], симинтабақ [4, с.311], симинузор [4, с.837], сипехринтиком [4, с.356], сумананбар [4, с.325], суманораз [4, с.352, 444], суманхатт [4, с.543], сустрой [4, с.98]. **Т:** таковарбурак [4, с.529]. **Ф:** фаррухназар [4, с.715], фурузандарой [4, с.517], фурузандатабъ [4, с.354], фурузонмашъал [4, с.300]. **Х:** хиромонқад [4, с.398], хучастахисол [4, с.250], хушалхон [4, с.354], хушнағма [4, с.263]. **Ч:** чамонатутук [4, с.542]. **Ў:** чавонқад [4, с.541], чамшедмиқдор [4, с.310], чаҳандабарқ [4, с.780]. **Ш:** шабгунсалосил [4, с.413], шашравок [4, с.844], шикантурра [4, с.403], шикастақадам [4, с.55], шириннафас [4, с.349], шириншамоил [4, с.728], шӯридаҳол [4, с.283].

Таджикский компонент сложных слов, образованных по этой модели, по принадлежности к частям речи является в большинстве случаев качественным прилагательным, например: сабз [4, с.57], сушт [4, с.98], гарм [4, с.174], нозук [4, с.178], нав [4, с.179], сабук [4, с.179, 181], кабуд [4, с.210], доро, пур [4, с.363], пок [4, с.480], равшан [4, с.384], чавон [4, с.541].

II.2.1. Сложные существительные модели «таджикская лексема +арабская лексема»

В результате классификации арабского компонента указанных сложных слов по частеречной принадлежности установлено, что большинство их них заимствованные арабские существительные единственного числа. Среди этих существительных иногда встречаются также существительные в разбитом множественном числе (чам' таксир), однако в малом количестве: *ароик* – мн.ч арика; *арика* – престол [13, 84, 85], *хисол* – мн.ч. хислат; *хислат* – свойство, характер [14, 468, 481], *салосил* – мн.ч. сисила; *силсила* – все, что находится в виде цепи, цепь, оковы [14, 181, 237], *чалочил* – мн.ч. чулчул; *чулчул* – 1. маленький колокольчик, привязываемый к дойре, барабану или шее животного; 2. бубен [14, 770, 793],

хамоил – мн.ч. *химола*, *химола* – рукоять меча [28, с.957], *шамоил* – мн.ч. *шамила*; *шамила* – естество, натура [28, с.1576].

Таджикское числительное + арабское существительное.

Образование слов посредством числительного и имени существительного является третьим способом образования сложных слов. В сложных существительных, состоящих их числительного и существительного, основным компонентом является существительное, которое всегда находится в постпозиции, количественные числительные, служат для указания количества предметов, а также количества и признаков или его частей [47, с.194]. В «Хамсе» среди количественных числительных таджикского языка часто встречаются количественные числительные «шаш»//шесть, «нӯх»//девять, образовавшие вместе с простыми существительными такие сложные существительные как «шашмураққаъ» [4, с.171], «нуҳчадвал» [4, с.852], «нуҳғурфа» [4, с.338], «нуҳхучра»-ро [4, с.338]. Эти сложные существительные в приведенных ниже бейтах использованы в переносном, иносказательном значении:

Нуҳчадвал – в переносном значении *девять планет; мир космоса*: Дар ин *нуҳчадвали* пирӯзапаргор, / Набинӣ нуқтае, к-он нест бар кор // В этом космическом мире благоденствия/ Не увидешь не одной точки без действия [4, с.852]. Количественное числительное «нӯх» в указанном сложном существительном подчинило себе простое арабское существительное «чадвал» – 1. *ручеек*. 2. *линия письма в книгах* [14, с.767].

Шашмураққаъ – в переносном значении «материальный мир или бранный мир, который имеет шесть сторон (восток, запад, юг, север, верх и низ): Манзили корвони олами ғайб, / Домани *шашмураққаи* нуҳчайб// Стоянка каравана сокровенного мира, / Подол бранный мира с девятью воротами [4, с.171]. В этом слове арабское слово «мураққа'», являющееся существительным, в словарях толкуется в значении «*защитанный, одежда суфиев* [30, с.168], «*рубашка, власьяница, одежда дервишей, лоскутная одежда, сшитая из разных лоскутов*» [19, с.338].

Также сложные существительные «нухгурфа» [4, с.338] и «нуххучра» [4, с.338] имеют одинаковое значение с вышеприведенным словом «нухчадвал»: Алам бар нухум торам афрохта, / Зи *нухгурфа нуххучра* барсохта // Водрузив стяг на мою девятую вершину/ Поднявшись из девяти веранд, девяти келий [4, с.338]. Эти сложные слова являются лексическими синонимами, которые Хаджу использовал во избежание повтора.

Таджикское существительное + арабское существительное. Образование сложных слов из двух имен существительных является первым способом словообразования [47, с.158]. Посредством данного способа в «Хамсе» зафиксированы три лексические единицы, относящиеся к имени существительного: *пирӯзаманзар* [4, с.304], *сархайл* [4, с.270, 337, 844], *оташузор* [4, с.719, 798].

Оташ (пламя, жар) + *узор* (лицо, лик) = *оташузор* – в переносном значении означает *красавица, прекрасная ликом*: Ишорат кард, то *оташузорон* / Ба хоки ташна баррезанд борон // Дал знак, чтоб красавицы, прекрасные ликом/ Полили дождем на жаждущую землю [4, с.719, 798].

Сар (орган тела) + *хайл* (группа) = *сархайл* – означает *предводитель племени, народа, руководитель*: Шаҳаншоҳи русул, *сархайли* даргоҳ, / Сарирафрӯзи мулки «лӣ маъаллоҳ» // Шахиншах пророков, предводитель дворца/ Озаряющий трон страны «ли ма'аллоҳ» [4, с.270, 337, 844].

Пирӯза (синий; бирюзовый цвет) + *манзар* (вид, панорама, горизонт, охватываемый одним взглядом) = *пирӯзаманзар* – в переносном значении означает *красивый, цветущий чарующий глаз край*: Туӣ гулчеҳри оташрӯи ховар, / Бизан авранг бар *пирӯзаманзар*// Ты восточная красавица с огненным лицом / Надень венец на цветущий край [4, с.304].

Таджикское прилагательное + арабское существительное. Количество сложных существительных, образованных по этой модели в «Хамсе», относительно больше. В большинстве случаев арабский компонент подчиняет себе качественные имена прилагательные: *кабудҳисор* [4, с.210], *наварӯс* [4, с.179], *Покмаъбуд* [4, с.480], *сабзароик* [4, с.57], *сабзманзар* [4,

с.349], сабзмаснад [4, с.608], сабзмахмил [4, с.516], сабзхат [4, с.798], хушалхон [4, с.354], чавонтабъ [4, с.541], шириншамоил [4, с.728]. Большинство из сложных существительных по существу являются прилагательными, однако в исследуемом тексте они подвергаются субстантивации [10, с.288].

Из качественных прилагательных, участвующих в создании сложных существительных посредством арабской лексики, (точнее – сложных прилагательных) проявляет большую валентность слово «сабз» (зеленый, отчасти бирюзовый) – «все, что тождественно цвету листьев дерева, свежей травы и растений» [28, с.1377]:

Сабз + ароук (мн.ч. от арика - престол, трон) = *сабзароук* – в переносном значении означает *небесный престол*: Рафта зи айвони малоик бадар, / Карда дар ин сабзароук назар // Покинув веранду красавиц/ Взглянув на этот небесный престол [4, с.57].

Сабз + манзар (вид, панорама, открывающаяся перед взором) = *сабзманзар* – *цветущий вид*: Бар айвони ин сабзманзар нишин, / Ба манзилгаҳи чон нишеман гузин // Останься на этой цветущей веранде/ Для жилища души выбери лоно [4, с.349].

Сабз + маснад (трон, престол) = *сабзмаснад* – 1. *красиво украшенный престол* 2. в переносном значении - *цветник и поле под цветами*: Бисот афкандаву маснад ниҳода, / Чу гул бар сабзмаснад такя дода // Расстелив ковер и возложив трон/ Как будто приютив цветок в цветнике [4, с.608]. В ходе исследования наблюдается, что указанное сложное слово «сабзмаснад» обладает двумя значениями – прямым и переносным. Это отчасти зависит от субъекта, по отношению к которому поэт употребляет это слово. Если оно относится к «шахзаде Наврузу», то названное слово употребляется в прямом значении, а если субъектом является «гул» - цветок, то преобладает его переносное значение.

Простые арабизмы, выраженные существительными также, подчинив себе качественные прилагательные –«нав», «кабуд», «хуш», «пок», «чавон»,

образуют сложные слова, такие как «наварӯс» [4, с.179], «кабудхисор» [4, с.210], «хушалхон» [4, с.354], «шириншамойл» [4, с.728], «Покмаъбуд» [4, с.480], «чавонтабъ» [4, с.541], которые в тексте «Хамсы» выполняют функцию существительного. Например: *Пок* (чистый, незапятнанный) + *маъбуд* (почитаемый, Господь) = *Покмаъбуд* – *Господь, чистый от всего нечистого*: Зи мижгон биборид хунобу гуфт, / Ки «эй *Покмаъбуд*и беёру чуфт// Пролитшись с глаз горячая слеза, сказала/ Что, о Господь, чистый от всего нечистого, одинокий, без пары [4, с.480]. Согласно текстологическим принципам чтения классических произведений, слово «Покмаъбуд» можно прочитать и в варианте «пок Маъбуд». Однако, это не является целью нашего исследования, но при наличии такого свойства как вариативность прочтения бейтов – поэтических полустихий это принимается как норма, и нам не следует оставлять этот вопрос без внимания.

II.2.2. Сложные прилагательные модели «таджикская лексема + арабская лексема»

Таджикское числительное + арабское существительное. По этой модели выявленные в тексте «Хамсе» сложные прилагательные образованы посредством девятого способа словообразования современного таджикского языка [47, с.195]. Однако их отличие состоит в том, что данные сложные прилагательные не имеют в своем составе суффикса *-а*:

Ҳафт + *ҷайб* (ворот, ворота) = *Ҳафтҷайб* – в переносном значении означает *семь пластов небес и земли*: Агар барфишондем доман, чӣ айб, / Бар ин далқи шашдомани *Ҳафтҷайб*?! // Если стряхнули подол, в чем здесь вина/ На эту рясу дервиша с шестью подолам и семью воротами [4, с.500].

Ҳафт + *ашқар* (красно-белый; пегая лошадь) = *Ҳафташқар* – в переносном значении означает *Солнце*: Роизи *Ҳафташқари* гетинавард, / Маркази нух доираи лочвард // Искусный наездник пегой лошади, странник/ Центр девяти небесных кругов [4, с.37].

Шаш + *равоқ* (терраса, навес перед домом) = *шашравоқ*: в переносном значении означает бранный мир, обладающий шестью сторонами: Бар ин сакфи нухпояи *шашравоқ*, / Тавон зад ба як чоми май чортоқ // На этот потолок с девятью колоннами и шестью куполами/ Смог ударить на одну чашу вина гробницу [4, с.350].

Можно сделать заключение, что указанные сложные прилагательные близки по смыслу, заимствованные слова – арабский компонент в его составе состоит в подчинительной связи к таджикскому компоненту.

Таджикское существительное + арабское существительное. Сложные прилагательные этой модели, состоящие из двух существительных образованы посредством первого способа словообразования прилагательных [47, с.192]. В «Хамсе» прилагательные, образованные по этой модели, встречаются редко: дарёмавч [4, с.217, 255], коннавол [4, 355], лоласифат [4, с.97], оташузур [4, с.223, 387, 427, 664], теҒсифат [4, с.132]. Арабские существительные, участвующие в образовании сложных прилагательных, являются абстрактными (*сифат*) и конкретными (*мавч, навол, узор*).

ТеҒ (все, что режет, острое) + *сифат* (подобный) = *теҒсифат* – подобно острию: *ТеҒсифат* кори ту хунрезӣ аст, / Мӯйшикофиву забонтезӣ аст // Подобно острию твое дело кровопролитие / Пытливость и язвительность [4, с.132].

Лола (тюльпан, мак, красный весенний цветок, цветочное ложе которого чёрного цвета) + *сифат* (подобный) = лоласифат – *словно пятнистый мак*; в переносном значении означает *обиду, огорчение*: Хотири Хочу, ки гули боғи туст, / *Лоласифат* сӯхтаи доғи туст// Мысли Хаджу о цветах твоего сада/ Подобная тюльпану сожжен твоей печалью [4, с.97].

Дарё (море, океан) + *мавч* (движение верхнего слоя морской глади) = дарёмавч – в переносном значении означает *несметное войско*: Шаҳи кишваркушои дорофавч, / Бурда берун сипоҳи *дарёмавч*// Покоритель земель и могучий шах / Вывел несметное войско [4, с.217, 255].

Оташ (пламя и тепло, исходящее от горения чего-либо) + *узор* (лицо, лик) = *оташузор* – красавица, прекрасная ликом: Бути *оташузор* кард суол, / К- «эй мани ташнаро ту оби зулол // Красавица с прекрасным ликом задала вопрос/ Что «эй, ты ли для меня прозрачная вода» [4, с. 223, 387, 427, 664].

Кон (рудник) + *навол* (благоволение) = *конनावол* – рудник, полный залежей руды; в переносном значении означает *огромное благоволение, щедрость*: Атобахши дарёдили *конनावол*, / Чаҳонҷӯи маҳмуди масъудфол // Благоденствующий, великодушный, благоуханный / Искатель мира, прославляемый, благословенный [4, с.355].

Таджикское прилагательное + арабское существительное. В тексте «Хамсы» по этой модели образования сложных прилагательных арабская лексика, преимущественно подчиняет себе качественные прилагательные: гармсайр [4, с.174], дорофавч [4, с.217-218], нозукмизоч [4, с.178], пураркам [4, с.778], пурзайғам [4, с.778], равшанзамир [4, 384], сабзхат [4, 798], сабуксайр [4, с.181], сустрой [4, с.98], хушнағма [4, 52], шириннафас [4, с.398]. Например:

Гарм (горячий, противоположный холоду) + *сайр* (движение) = *гармсайр* – *очень горячий, очень быстрый, свойство Солнца*: Хезу 3-ин курси *гармсайр* барой, / Рӯзро беш аз ин ба гил м-андой// Встань и выйди из этого горячего круга/День более этой глиной не обмазывай [4, с.174].

Доро (имя одного из ахеменидских царей, в классических произведениях чаще упоминается Дарий, то есть Дарий III) + *фавч* (группа; армия, войско) = *дорофавч* – обладающий огромным и мощным: Шахи кишваркушой *дорофавч*, / Бурда берун сипохи дарёмавч // Покоритель земель и могучий шах / Вывел несметное войско [4, с.217-218].

Сабз (все, что сходно с цветом листьев дерева и растений) + *хатт* (пушинка над губой) = *сабхат* – «в переносном значении пушок на скулах и над губой возлюбленной» [19, с.608]: Бисот афканда бар он сабзгулшан, / Чавони *сабзхат* чун рӯзи равшан // Расстелив ковер на это зеленый цветник, / Молодой человек с пушинкой над губой как ясный день [4, с.798].

В «Хамсе» Хаджу в образовании сложной лексики арабский компонент подчиняет не только качественные, но и относительные имена прилагательные. Например, заимствованные слова «нафас», «дам», «ниқоб», «шамома», «хол», «хамоил» подчинили слово «мушкин» и образовали сложные имена прилагательные «мушкиндам» [4, с.210], «мушкиннафас» [4, с.210], «мушкинниқоб» [4, с.400], «мушкиншамома» [4, с.309], «мушкинхол» [4, с.613], «мушкинхамоил» [4, с.618].

Мушкин (мускусный, благовонный) + *дам* (дыхание) = *мушкиндам* – в переносном значении означает «мускусный, благовонный ветер», а *мушкин* + *нафас* (воздух, вдыхаемый в легкие, вдох) *мушкиннафас* – в переносном значении означает –*сладкоголосая птица* или же *птица с благой вестью*: Боди *мушкиндам* аз Хито мезад, / Мурғи *мушкиннафас* наво мезад // Благовонный ветер шел из Китая/ Сладкоголосая птица пела песню [4, с.210].

Причастие по значению и синтаксической функции близко имени прилагательному, в связи с этим в предложении переходит в категорию имени прилагательного [40, с.333] согласно приведенному правилу причастия «шӯрида» и «шикаста», находясь в подчинении арабского компонента, послужили образованию сложных прилагательных:

Шӯрида (возбужденный; влюбленный, обезумевший, беспокойный) + *хол* (физическое+ или психическое состояние человека) = *шӯридахол* – *безумный, сумасшедший*: Қайси бани Омири *шӯридахол*, / Пайсипари маркаби хайли хаёл// Сумасшедший Кайс ибн Омир / Едущий на осле воображаемого войска [4, с.86, 217, 283, 507].

Шикаста (сломанный, измельченный, разрушенный, охромевший) + *қадам* (расстояние между ногами при ходьбе; шаг) = *шикастақадам* – в переносном значении означает спокойная поступь, безвредность и смирение: Роҳнавардони *шикастақадам*, / Розкушоёни фурӯбастадам // Путники идущие смиренно/ Изливающие душу с закрытым ртом [4, с.55-56].

Сложные арабизмы этой модели, независимо от ее составных компонентов, образуются тремя способами: «таджикское числительное+

арабское существительное», «таджикское существительное+ арабское существительное», «таджикское прилагательное+ арабское существительное».

II.3. Образование сложных слов по модели «арабская лексема+ арабская лексема»

Согласно проведенному исследованию и статистическому подсчету в «Хамсе» существует 59 сложных слова, состоящих из двух арабских компонентов:

А: аввалқадам [4, с.389], авнулваро [4, с.310], анбарнасим [4, с.179, 309, 540], анбарнисор [4, с.398]. **Ғ:** ғабғабмуаллак [4, с.468]. **Д:** дорулмулк [4, с.290]. **З:** заррасифат [4, с.82], зарфтироз [4, с.104]. **Қ:** қазақудрат [4, с.356], қасабмуърач [4, с.334], қиёматқиём [4, с.395], қоимуллайл [4, с.434]. **М:** маликзот [4, с.345], масехнафас [4, с.263], масехоқудум [4, с.176], масъудфол [4, с.355], махдумсоҳиб [4, с.279], моликриқоб [4, с.318], моулвард [4, с.725], муанбархат [4, с.546], мукалалтоҷ [4, с.818], муламмаъдиръ [4, с.818], муламмаълуоб [4, с.542], мунқабизтабъ [4, с.254], муфарраҳрӯҳ [4, с.195], муҳолифназар [4, с.97]. **Н:** Низомулмулк [4, с.280], ноибманоб [4, с.318], нуқтасифат [4, с.98]. **О:** оқибатуламр [4, с.108], олиалам [4, с.397], олиароик [4, с.841], олисарир [4, с.766]. **С:** сайёрачайш [4, с.336], соҳибқирон [4, с.280, с.318], соҳибназар [4, с.99], соҳибнафас [4, с.100], соҳибҳол [4, с.233], соҳибсадр [4, с.826], соҳибсамоъ [4, с.520], соҳибсуқун [4, с.520], соҳибхутба [4, с.316], субҳсифат [4, с.126], султончалолат [4, с.301]. **У:** улвишиор [4, с.136], уторидзамир [4, с.356]. **Ф:** фалакқадр [4, с.286, 340], фатхулбоб [4, с.300]. **Х:** хизирумр [4, с.604], хизрқадам [4, с.176], хиллатшиор [4, с.573], хилофатмаоб [4, с.149]. **Ҳ:** ҳаблулварид [4, с.343], ҳалқасифат [4, 70], ҳасансират [4, с.274], ҳасаншакл [4, с.626]. **Ш:** шамъсифат [4, с.98].

Большинство арабских заимствований образованы в соответствии с правилами словообразования современного таджикского литературного

языка. Несомненно, считать, что все сложные слова, состоящие их двух арабских компонентов, являются творением Хаджу Кирмани, является спорным, так как большинство слов этой категории встречаются в поэзии, существующей до эпохи Хаджу, в частности в масневи, написанных в сходной по метрическому размеру «Хамсе» Хаджу Кирмани. Например, в «Махзан уль-асрар» Низами наблюдается употребление слова «соҳибназар» в качестве сложного прилагательного: Нест бари мардуми *соҳибназар* / Хидмате аз ахд писандидатар // Нет пред мудрыми людьми / Лучшего чем верность слову [3, с.85]. В газелях Саади также встречается указанное сложное слово, которое выполняет функцию существительного: Ҳар касеро натавон гуфт, ки *соҳибназар* аст, / Ишқбозӣ дигару нафспарастӣ дигар аст // Нельзя назвать каждого мудрым человеком/ Пристрастие одно, а корыстолюбие другое [5, с.54]. В связи с этим, считаем, что уточнение принадлежности сложных слов «Хамсы» перу Хаджу на примере других его произведений и в сопоставлении с произведениями других поэтов, то есть авторство поэта в образовании указанных сложных и производных слов, и внесение их в литературный оборот, является отдельной проблемой, не относящейся к проблематике настоящего исследования.

II.3.1. Сложные существительные модели «арабская лексема+ арабская лексема»

В предыдущих подразделах настоящего раздела на основании собранного фактологического лингвистического материала, посредством наглядных примеров, анализа и исследования сложной лексики с одним арабским компонентом представлены краткие сведения о способах их образования. В связи с этим, в целях краткости и избегания повтора мы не станем останавливаться на способах образования сложных слов независимо от их частеречной принадлежности.

Арабское существительное + арабское существительное. В «Хамсе» встречается множество сложных слов, образованных посредством двух

арабских компонентов и выполняющих функцию имени существительного: анбарнисор [4, с.398], зарфтироз [4, с.104], казоқудрат [4, с.356], қасабмуърач [4, с.334], масеҳоқудум [4, с.176], моликриқоб [4, с.318], ноибманоб [4, с.318], соҳибқирон [4, с.355], соҳибназар [4, с.99], соҳибнафас [4, с.100], уторидзамир [4, с.356], фалакқадр [4, с.657], хилофатмаоб [4, с.149].

Қасаб (шелковый отрез) + *муърач* (халат) = *қасабмуърач* – «шелковый халат»: *Қасабмуърачи банд бар банди най, / Мунаққаш ба таҳрири тақдири Вай // Шелковый халат веревки на свирели / Художник корректирует его судьбу* [4, с.334].

Қазо (судьба, божественная воля) + *қудрат* (сила, мощь) = *қазоқудрат* – «повелитель, владыка» и *Уторид* (одна из планет, расположенных вблизи Солнца, в литературе символ мудрости, покровительница писателей и секретарей) + *замир* (сущность, душа, сердце) = *уторидзамир* – «мудрый человек»: *Қазоқудрати офтобэҳтишом, / Уторидзамири сипеҳринтиқом // Великолепный как солнце повелитель, / Мудрец, мстивший небесам* [4, с.356].

Масеҳо (прозвище пророка Иса, который посредством поглаживания руки больных излечивал их недуги и делал зрячими слепых) + *қудум* (шаги) = *масеҳоқудум* – «несущий благую весть»: *Гўядат хоки хушклуб ҳар дам, / К-эй масеҳоқудуми хизрқадам // Говорит каждый раз земля с засохшими губами/ О, несущий благую весть подобный Хизру* [4, с.176].

Соҳиб (владелец, собственник) + *қирон* (сближение звезд) = *соҳибқирон* – «тот, кто родился сближения Венеры с Меркурием или Венеры с Солнцем...; победитель, непобедимый (титул правителей и выдающихся людей) [14, с.267]: *Ки соҳибқирони Ачам бар дар аст, / Гаронмоя садре, ки динпарвар аст // На руках у выдающихся правителей Аджамы / Достойный предводитель, почитающий религию* [4, с.355].

Соҳиб (владелец, собственник) + *назар* (взгляд, проницательность) = *соҳибназар* – «умный, тонкий, мудрый; обладающий тонким проницанием»: *Хоҷағӣ аз роҳи хирад, бандагист, / Мурдани соҳибназарон зиндагист//*

Просвещенность от мудрости, это послушание / Смерть мудрых людей –это жизнь [4, с.99].

Соҳиб (владелец, собственник) + *нафас* (воздух, вдыхаемый в легкие, дыхание) = *соҳибнафас* – «человек, обладающий животворным дыханием, тот, чьи просьбы в молитвах исполняются»: Шодии шӯридадилон аз ғам аст, / Ҳамдами *соҳибнафасон* ҳамдам аст // Радость влюблённых от печали, / Задушевные друзья людей с живительным дыханием – это наперсники [4, с.100].

Фалак (небосвод, небо) + *қадр* (место, статус) = *фалакқадр* – «человек с высоким статусом»: *Фалакқадре* дар он марз ошён дошт, / Ки ўро чарх сар бар остон дошт // Высокочтимый в той стране имел жилище, / Которого небосвод возвысил до небес [4, с.657].

Хилофат (правление, господство) + *маоб* (место возвращения) = *хилофатмаоб* – «двор, царские своды»: Бар дари айвони *хилофатмаоб*, / Муътасимаш кард ба куштан хитоб// У двери веранды царского двора, / Мухтасиб его призвал к убийству [4, с.149].

В некоторых случаях два арабских существительных соединяются друг с другом посредством артикля «-аль» и образуют сложное слово, которые в исследуемом тексте выполняют функцию имени существительного: *ҳаблулварид* [4, с.343, 573], *дорулмулк* [4, с.290], *оқибатуламп* [4, с.108], *моулвард* [4, с.725], *авнулваро* [4, с.310], *қоимуллайл* [4, с.434], *фатҳулбоб* [4, с.300]. Приведем несколько примеров подобной группы сложных имен существительных:

Ҳабл (веревка) + *ал* + *варид* (вена) = *ҳаблулварид* – «шейная вена, аорта»: Ба гарданкашӣ мулки шаҳро амид, / Ба шавкат гиреҳбанди *ҳаблулварид* // По строптивости правитель города, / По могуществу петля на шейной аорте [4, с.343, 573].

Дор (дом, жилище) + *ал* + *мулк* (страна, государство) = *дорулмулк* – «столица, ставка»: Зи *дорулмулки* Қайсар сар барафрохт, / Ба пои кӯҳсоре пар

барафрохт // Поднял голову из столицы Кайсара, / На подножии горы раскрыл крылья [4, с.290].

Фатҳ (открытие) + *ал* + *боб* (дверь) = *фатхулбоб* – «успех дела, удача, везение»: Агар чун шамъам аз дар дарнаёй, / Набошад ҳеҷ *фатхулбобам* имшаб // Если как моя свеча не войдешь из двери / Не будет никакой удачи этой ночью [4, с.300].

Следует отметить, что сложные слова с арабскими компонентами собственно в арабском языке являются словосочетаниями. Языковед Н. Гиясов отмечает, что: «Заимствованные арабские словосочетания... в таджикском языке прошли не только этап усвоения и преобразования, но и полностью адаптировались под лексико-грамматические закономерности таджикского языка, утратили свое арабское начало, и вошли в виде сложных слов в группу активно употребляемой лексики словарного фонда языка. Например: абадуддахр, амирулмӯъминин...» [43, с.72].

Арабское прилагательное + арабское существительное. В «Хамсе» сложные слова, образованные по указанной модели, встречаются в небольшом количестве. Арабские слова «олӣ», «мукалал», «муламмаъ», «аввал», «муфаррах», «улвӣ», состоят в подчинительной связи с арабскими словами «ароик», «алам», «сарир», «точ», «диръ», «луоб», «қадам», «рӯҳ» и «шиор»: олиароик [4, с.841], олиалам [4, с.397], олисарир [4, с.766], мукалалточ [4, с.818], муламмаъдиръ [4, с.818], муламмаълуоб [4, с.542], аввалқадам [4, с.389], муфаррахрӯҳ [4, с.195], улвишиор [4, с.136]. Приведем несколько примеров.

Аввал (начало, первоначальный, первый) + *қадам* (расстояние между ногами при ходьбе) = *аввалқадам* – «изначально, первый раз»: Дар ин водӣ онҳо, ки раҳ рафтаанд / Дар *аввалқадам* тарки сар гуфтаанд// Кто шел по этой долине,/ С первого раза потеряли голову [4, с.389].

Олӣ (высший, высокий, высочайший) + *алам* (флаг, знамя) = *олиалам* – с высоко поднятым флагом, «победитель, непобедимый»: Манушангшахро

манам ибни ам, / Худованди дайхиму *олиалам* // Я сын города Манушанг, / Бог короны и победитель [4, с.397]

Из приведенных выше примеров исходит, что сложные слова вне исследуемого текста являются именами прилагательными, однако в связи с явлением субстантивации они перешли в категорию имен существительных.

II.3.2. Сложные прилагательные модели «арабская лексема+ арабская лексема»

Арабское существительное + арабское существительное. В «Хамсе» нами выявлено 20 слов, которые выполняют функцию имен прилагательных: анбарнасим [4, с.179, 309, 540], заррасифат [4, с.82], киёматкиём [4, с.395], маликзот [4, с.345], масехнафас [4, с.263], нуктасифат [4, с.98], сайёрачайш [4, с.336], соҳибқирон [4, с.280, 318], соҳибҳол [4, с.233], соҳибхутба [4, с.316], субҳсифат [4, с.2, 126], султончалолат [4, с.301], фалакқадр [4, с.37], хизрқадам [4, с.176], ҳалқасифат [4, с.2, 70], шамьсифат [4, с.98]. Намуна:

Анбар (амбра, благовоние, извлекаемое из желудка кашалота,) + *насим* (ветерок, бриз) = *анбарнасим* – «благоухающий, свежий ветерок»: Хати *анбарнасим* аз хиттаи Тӯс, / Мусаввардебае чун парри товус // Почерк с благоухающей линией из страны Тус, / Драгоценная ткань как павлинье перо [4, с.309].

Масех (прозвище пророка Иса, который посредством поглаживания руки больных излечивал их недуги и делал зрячими слепых)) + *нафас* (воздух, вдыхаемый в легкие, вдох) = *масехнафас* – *животворное дыхание, живительное дыхание*: Мурғи хушнағмаи *масехнафас* / Дар фалак дарфиканда бонги чарас // Птица с приятным голосом и живительным дыханием/ В небесах издала звуки колокольчика [4, с.263].

Соҳиб (владелец, собственник) + *ҳол* (физическое и психическое состояние) = *соҳибҳол* – «обладать откровением и благоволением в тарикате суфиев»: Пири софидаруни *соҳибҳол*, / Гуфт, к- эй монда дар ақилаи қол //

Старец с чистой душой и познавший откровение, / Сказал, что эй оставшиеся в спорах [4, с.233].

Халқа (все, что имеет округлую форму, кольцо) + *сифат* (сходный) = *халқасифат* – кольцевидный; люди, оставшиеся за порогом, нуждающиеся: *Халқанишинон, ки дар ин хиргаханд, / Халқасифат бар дари ин даргаханд // Сидящие в кольце в этом шатре, / Оставшиеся за кругом у дверей этого дворца* [4, с.2, 70].

Арабское существительное + арабское прилагательное. В «Хамсе» имеется лишь одно слово, образованное по данной модели и выполняющее функцию прилагательного: *габгабмуаллақ* [4, с.467]. Это слово состоит из слова «габгаб» (второй подбородок) и слова «муаллақ» (отвисший), и означает «подобно отвисшему подбородку»: *Бад-он тавқи габгабмуаллақ зи мох, / Чу обе фурӯҳишта аз зери чоҳ // После того ожерелья отвисшего у месяца подобно подбородку, / Как вода спущенная со дна колодца* [4, с.467].

Следует также отметить, что если каждый компонент сложного слова «габгабмуаллақ», согласно принципам прочтения классического текста, прочитать по отдельности, то есть, разделив это слово: «Бад-он тавқи габгаб муаллақ зи мох», то оно утратит статус сложного слова. Вероятно, этот способ прочтения бейта верен, поскольку Хаджу в этом бейте приносит клятву подбородку, который свисает с месяца (лица). Однако составители кириллического текста «Хамсы» посчитали целесообразным представить в этом бейте сложное слово, мы также придерживаемся этого мнения и исследуем его в числе других сложных слов.

Арабское прилагательное + арабское существительное. Подобная модель словообразования сложных слов в тексте «Хамсы», выполняющих функцию прилагательных в сравнении с моделью «арабское существительное + арабское прилагательное» является наиболее употребительной и функциональной. По этой модели образованы следующие слова: *ҳасаншакл* [4, с.626], *ҳасансират* [4, с.274], *мухолифназар* [4, с.97], *мунқабизтабъ* [4, с.254], *масъудфол* [4, с.355].

Ҳасан (хороший, красивый; имя сына Али, внук пророка Мухаммада (с)) + *шакл* (форма, вид, лик) = *ҳасаншакл* – «красавец; тот, чье лицо и тело прекрасно, словно лик и тело Хасана ибн Али»: Суманбӯю суманрӯю гуландом, / *Ҳасаншаклу* ҳасанхӯю Алином // Ароматный как жасмин, лицом как жасмин, грациозная, / Красавец подобный Хасану, с нравом Хасана и именем Али [4, с.546].

Ҳасан (хороший, красивый; имя сына Али, внук пророка Мухаммада (с)) + *сират* (душа, натура) = *ҳасансират* – «чистый душой, помыслами; тот, чья душа чиста и незапятнанная, словно душа Хасана ибн Али»: Шаҳи ғозӣ, паноҳи дини Аҳмад, / Алитеғу *ҳасансират* - Мухаммад // Шах, борющийся за веру, покровитель религии Ахмада, / Подобный мечу Али, и чистый душой словно Хасан - Мухаммад [4, с.274].

Мухолиф (противник, несоответствующий) + *назар* (взгляд, мировоззрение) = *мухолифназар* – «противник, заблудший»: Чархи *мухолифназари* дунпараст, / Сози дилам бурда ба дастон зи даст // Противоречащий, подлый рок, / Отдал мелодию моего сердца из рук в руки [4, с.97].

Мунқабиз (схваченный, притесненный) + *табъ* (натура, существо; ум) = *мунқабизтабъ* – «обиженный, обеспокоенный»: Аз сари хастагӣ зи пой афтад, / *Мунқабизтабъу* тирарой афтад // От усталости свалится с ног, / Обиженный и мрачный падет [4, с.254].

Масъуд (счастливый) + *фол* (признак, предзнаменование) = *масъудфол* – «счастливчик, благословенный»: Атобахши дарёдили коннавол, / Чаҳонҷӯи маҳмуди *масъудфол* // Благоденствующий, великодушный, благоуханный / Искатель мира, прославляемый, благословенный [4, с.355].

Общая картина слов – сложных существительных и прилагательных, образованных по трем моделям (арабская лексема+ таджикская лексема; таджикская лексема + арабская лексема; арабская лексема + арабская лексема) в «Хамсе» свидетельствует о том, что Хаджу в силу поэтических канонов литературного языка в период своего творчества употребил

множество арабских заимствований и исконных слов в создании сложных слов. Сложные слова, образованные по указанным трем моделям по принадлежности их компонентов к частям речи, также отличаются способами образования. Активное участие простых заимствованных арабских слов в образовании сложных слов во всех моделях и способах словообразования свидетельствуют о том, что в конце XIII века и первой половине XIV века арабские компоненты в лексическом запасе таджикского языка заняли прочную позицию, а в плане употребления в литературном наследии, особенно в мистических масневи даже превзошли исконную лексику. Несомненно, широкое употребление арабских компонентов, в частности в сложных словах, где присутствуют один или два арабских компонента, обусловлено языковыми потребностями литературного наследия того периода творческим кругам, которым также следовал и Хаджу Кирмани.

Известен тот факт, что мистическая терминология полностью состоит из заимствованной арабской лексики и необходимость их широкого применения в творчестве такого поэта, как Хаджу, последователя мистического течения, не вызывает удивления. Большинство из сложных слов использовано им в поэмах в иносказательном, метафорическом значении. Сложные имена существительные и прилагательные с одним или двумя арабскими компонентами послужили для выразительного описания характера и образа персонажей и исторических личностей масневи «Хамса». В образовании некоторых сложных слов ясно прослеживается влияние метрики жанра масневи (метрические размеры аруз). В связи с необходимостью соблюдения метрического размера некоторые словосочетания трансформировались в сложные слова.

ГЛАВА III. МЕСТО СИНТАКСИЧЕСКИХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ С АРАБСКИМИ КОМПОНЕНТАМИ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМАНИ

III.1. Образование простых изафетных словосочетаний с арабскими компонентами

В таджикской лингвистике несмотря на масштабные исследования и изучение словосочетаний, начатые во второй половине XX века и обладающие семидесятилетней историей, до сих пор возникают научные споры и остаются неисследованные аспекты. Большинство научной полемики возникает по вопросу структуры словосочетаний. Вероятно, в таджикской лингвистике словосочетания по своей структуре в начальные периоды развития делили на простые и составные, и далее на простые и сложные. Это утверждение не требует множества фактов для подтверждения, следует лишь обратиться к научным исследованиям лингвистов и получить ясное представление об отношении исследователей к вопросу структуры словосочетаний. В рамках настоящего исследования в этом разделе нами будет представлена часть научной полемики по вопросу простых словосочетаний, а в последующих мы рассмотрим вопрос сложных словосочетаний.

Определение простых и сложных словосочетаний, их компонентный анализ, на которых мы остановимся ниже, был представлен научным кругам на втором этапе исследования словосочетания и его структуры в таджикской лингвистике.

Таджикский ученый-лингвист А. Мирзоев, опираясь на теоретические утверждения русских лингвистов разделил словосочетания на две группы: простые и сложные [60, с.24]. Этот ученый вначале, представив определение простого словосочетания на основе перевода определения В.В. Виноградова, берет за «основу» утверждение о том, что словосочетание состоит из двух знаменательных слов [60, с.24]. Однако далее, ощутив несостоятельность

определения, был вынужден внести некоторые изменения в эту дефиницию и отметить: «Однако следует отметить, что простые словосочетания могут состоять из более чем двух самостоятельных слов. В этом случае один из компонентов словосочетания являются синтаксически устойчивыми или фразеологическими сочетанием, или же аналитическими грамматическими формами, например: *савори ҷомаи шоҳинӯш* / всадник в царском одеянии, *марди телпак ба сар* / мужчина в шапке, *театри Ордени Байрақи сурхдор* / театр ордена Красного Знамени, *аробаи чархаи шикастагӣ* / колесница со сломанным колесом, *оши равгани дунба* / плов на курдючном масле, *дарахти лаби ҷӯй* / дерево на берегу ручья..... Этот тип приведенных выше словосочетаний входит в группу простых по причине того, что один из компонентов в семантическом аспекте устойчив и обладает значением [60, с.24]. Из чего следует, что простые словосочетания могут быть образованы не только из двух знаменательных слов, но и из одного знаменательного слова и синтаксически устойчивых или фразеологических, или же аналитические грамматические формы. В связи с этим с учетом существующих несоответствий, назревает необходимость редактирования и совершенствования не только определения «простое словосочетание», но и собственно само определение «словосочетание». В определении словосочетания, представляемом в учебниках, в том числе в «Современном таджикском литературном языке» (Душанбе, 1970), не указано участие «устойчивых синтаксических или же фразеологических сочетаний, или же аналитико-грамматических форм» в их образовании: «Два или более знаменательных слов, соединенных между собой согласно правилам и историческим закономерностям языка посредством грамматических средств, обозначающие сложное, не расчлененное понятие, называется словосочетанием» [45, с.12].

Другой исследователь С. Абдурахимов также указывает на несколько способов образования субстантивных словосочетаний, которые образуются посредством соединения существительного с существительным,

существительного с прилагательным, существительного с местоимением, существительного с числительным, существительного с причастием и существительного с инфинитивом [35, с.24].

Продолжение научной полемики по вопросу сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами, будет осуществлено нами во втором разделе настоящей главы.

Общую картину разнообразия участия заимствованных арабских слов в образовании словосочетаний на примере классических поэтических произведений, в частности на примере текста масневи, возможно представить в случае, если именно этот лингвистический аспект литературного наследия в жанре масневи будет подвержен глубокому и последовательному исследованию в отдельно взятых исторических периодах.

Почти все словосочетания, употребленные в тексте «Хамсы» Хаджу, содержат в своем составе арабскую лексику, особенно часто арабские заимствования применяются в образовании именных словосочетаний. В свою очередь, среди именных словосочетаний в исследуемом тексте особое место занимают часто употребляемые изафетные субстантивные словосочетания с арабскими компонентами.

По словам лингвистов, в таджикском языке имена существительные и прилагательные среди остальных частей речи имеют более широкие возможности в образовании словосочетаний, и в составе словосочетаний более четко и ясно могут выразить свои скрытые значения [47, с.23].

Чтобы детально продемонстрировать устойчивость степени употребления заимствованных арабских слов в «Хамсе» Хаджу в образовании простых изафетных субстантивных словосочетаний мы посчитали целесообразным сначала обратиться к вопросу образования словосочетаний только с арабскими компонентами, способов их употребления, поскольку несмотря на небольшое количество подобных словосочетаний в общем объеме всех слов и словосочетаний «Хамсы», они обладают определенной ценностью.

Также следует отметить, что возможности анализа и исследования всех арабских заимствований в «Хамсе» Хаджу Кирмани в рамках одного научного исследования ограничены. Поскольку «Хамса» состоит из пяти масневи поэта и каждое из них обладает специфическими языковыми особенностями, в части использования арабских заимствований, которое требует специального и всестороннего исследования.

Исследователь персидских языков Хуршед Фаршедвард в разделе «Лексика и терминология, переведенная с арабского языка» в своей книге «Арабское в персидском» приводит несколько простых изафетных субстантивных словосочетаний, которые, по его мнению, дословно переведены с арабского языка: «ягонаи аср» от «вахиду-л-ъаср», «духтари раз» от «байту-л-ъинаб», «чашми хурӯс» от «ъайну-д-дик» [80, с.164].

По мнению таджикского лингвиста Н. Гиясова, что «в таджикском языке существует множество фразеологических калек из арабского языка» [43, 75]. Так, из примеров, взятых им из «Масневи ма'неви» («омири сирру алан», «офтоби мунтачим», «Оли Ёсин», «адими тоифӣ», «арвоҳи масех», «оби муборак») исходит, что имея ввиду фразеологическую кальку, он считает ими словосочетания, в которых оба или один компонент является арабизмом, и несмотря на их соединение посредством изафетной связки в произведении применены в переносном значении, хотя посредством этой синтаксической связи в современном таджикском языке обычно образуют синтаксические словосочетания [43, с.75-76]. Лингвист М. Ходжаева также уделила внимание этому вопросу в статье «Арабские элементы в образовании таджикских словосочетаний», приводя в качестве примера словосочетание «мурғи бобилӣ», считает его дословным переводом арабского словосочетания «тайран абобил» [134, с.226].

Изучив мнение различных исследователей и приведенных примеров, установлено, что при осуществлении перевода арабских произведений на персидско-таджикский язык некоторые арабские фразы получили форму простых изафетных субстантивных словосочетаний.

В процессе перевода в ходе заимствования арабской лексики невероятно существенна роль изафетной связки «-и», поскольку именно этот языковой элемент обусловил проникание заимствованных арабских слов в таджикский язык без перевода с арабского языка.

Перевод арабских заимствований осуществлен по трем типам: а) компоненты, то есть арабские слова словосочетаний переведены на персидско-таджикский язык и соединены посредством изафетной связки «-и»: «байту-л-ъинаб» – «духтари раз»; б) часть компонентов, то есть арабские слова в словосочетании дословно переведены на персидско-таджикский язык, переведенный компонент с непереверденным компонентом связаны посредством изафетной связки: «вахиду-л-ъаср» – «ягонаи аср»; в) арабские компоненты в словосочетании не переведены, приводятся в буквальном виде на арабском языке и соединены изафетной связкой «-и»: «арвоху-л-масех» – «арвохи масех».

Если принять понятие «фразеологическая калька» в качестве «дословного перевода словосочетаний», в этом случае также следует акцентировать внимание на синтаксический и фразеологический аспект словосочетаний таджикского языка. Допустим, если согласится с мнением лингвиста, следует отнести словосочетания с арабскими компонентами в группу фразеологизмов таджикского языка. Однако, как исходит из исследуемого текста, не все словосочетания с арабскими компонентами используются в переносном значении. Например, словосочетания «моли халол» [4, с.93], «ағрози халқ» [4, с.173], «давои саръ» [4, с.758], «азми тафарруч» [4, с.366], «бурчи Асад» [4, с.725], «шархи ишорот» [4, 58], «шархи маонӣ» [4, с.154], «шархи ҳақиқат» [4, с.89], «шархи фунун» [4, с.141] являются словосочетаниями, которые употреблены в прямом значении. Приведем следующие примеры:

Азм (желание, интерес, цель) + *и тафарруч* (путешествие, прогулка) = *азми тафарруч* – *цель путешествия*: Ба *азми тафарруч* дар ин боргоҳ / Бигарду баросой аз ранчи роҳ [4, с.366].

Даво (излечение, лечение, лекарство) + *и саръ* (вид заболевания, которое проявляется в приступах, боли, депрессии, слабости тела и необычных телодвижениях, эпилепсия) = *давои саръ* – лекарство от эпилепсии: *Давои саръ аз Мачнун чӣ чӯй? / Ҳадиси гард бо гардун чӣ гӯй? // Почем ищешь лекарство от эпилепсии Маджнуна / Почем легенду о прахе рассказываешь небу?* [4, с.758].

Шарҳ (открывать; пояснение, толкование) + *и маонӣ* (мн.ч. маънӣ, маъниҳо- смыслы) = *шарҳи маонӣ* – пояснение значений, толкование смыслов: *Шарҳи маонӣ зи баёнаш талаб, / Дурчи лаолӣ зи банонаш талаб. // Толкование значений требуй от его речей, / Ларец жемчужин требуй от кончиков его пальцев* [4, с.154]

В связи с этим, считаем необходимым в данном разделе исследовать субстантивные словосочетания с арабскими компонентами, независимо от их синтаксической или фразеологической формы.

Несомненно, многочисленность и широкое употребление изафетных субстантивных словосочетаний независимо от происхождения их компонентов (заимствованные или исконные), характерны словообразованию персидско-таджикского языка.

Известно, что при анализе словосочетания следует руководствоваться главным принципом – принадлежностью зависимого слова, то есть зависимого компонента к самостоятельным частям речи [47, с.16; 60, 25; 35, 24]. В исследовании простых словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу мы также руководствовались указанным принципом.

Следует отметить, что в «Хамсе» нами выявлено приблизительно 572 простых и сложных словосочетаний с арабскими компонентами. Вопрос арабизированности некоторых внешне арабских слов обязал нас назвать статистику исследования «относительной», поскольку в некоторых случаях словосочетания с одним арабизированным компонентом были признаны нами арабским заимствованием и в некоторых случаях мы исключили их из списка словосочетаний, выявленных в тексте «Хамсы».

Как и в первой главе, в особенности в разделах, относящихся к простой и производной лексике, статистика исследования признана относительной, в большинстве случаев мы были ограничены констатацией примеров двух видов заимствованных арабских слов, а в разделах этой главы мы сочли необходимым в целях демонстрации превосходства научной истины перед научной гипотезы привести все выявленные нами словосочетания с арабскими компонентами в алфавитном порядке, с указанием частереной принадлежности компонентов и показать на примерах их компонентный анализ.

III.1.1. Словосочетания конструкции «существительное+ существительное»

В «Хамсе» Хаджу наблюдается относительное большое количество образования простых изафетных субстантивных словосочетаний посредством двух арабских существительных, конечно, с учетом явления субстантивации. Из 503 словосочетаний с арабскими компонентами приблизительно 452 словосочетания являются простыми изафетными субстантивными словосочетаниями, образованными посредством двух существительных. Эта статистика доказывает тот факт, что в процессе образования простых изафетных субстантивных словосочетаний активное участие принимают арабские слова, в особенности имена существительные. При алфавитном расположении простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами наблюдалось большое количество словосочетаний, начинающихся на букву «мим», поскольку среди 14 префиксов, характерных арабским заимствованным словам, вошедших в словарный запас персидско-таджикского языка 7 префиксов начинаются на указанную букву: «ма-», «ми-», «му-», «мӯ-», «мун-», «мута-», «муста-» [115, с.15-16].

В приложении для демонстрации исследователям этой области общей картины арабских заимствований в «Хамсе» Хаджу Кирмани в алфавитном порядке приводится перечень 447 простых изафетных субстантивных словосочетаний, образованных посредством двух существительных [См.: Приложение].

В простых изафетных субстантивных словосочетаниях, перечисленных в «Приложении», два существительных, выраженные арабизмами, соединяясь изафетной связкой «-и», обусловили возникновение словосочетания. Большинство из этих словосочетаний употреблены Хаджу в произведении в переносном значении. Результаты выборки, анализа и сравнительного исследования показали, что из 104 простых изафетных субстантивных словосочетаний (словосочетания с букв «А» - «З» указанного списка) 71 словосочетание употреблено в переносном и 33 словосочетания в прямом значении. Следует отметить, что переносное значение таких простых изафетных субстантивных словосочетаний, как «адхами учб», «чазьи Яман», «бахри навол», «амири ачал», «бухтии мавч» никак не является свидетельством их сходства с устойчивыми словосочетаниями:

Адхам (лошадь черной масти) + *и учб* (высокомерие, надмение) = *адхами учб* – *высокомерность, надменность*: *Адхами учб то ба кай тозй, / Рух бигардон зи Адхаму тозй. // Надменная лошадь доколе будешь скакать, / Посмотри на Адхама и скакуна* [4, с.242].

Чазь (черный камень) + *и Яман* (вправо; название государства) = *чазьи Яман* – *красивые черные глаза*: *Аз садафи дида гухар рез кард, / Чазьи Яманро гухарангез кард. / Из жемчужин глаз пролились слезы, / Красивые черные глаза возлюбленной сделал проливающим слезы* [4, с.113].

Бахр (огромное соленое море, с одной стороны впадающее в океан, с другой соединенное с сушей) + *и навол* (угощение для гостей) = *бахри навол* – *обильное приношение, дар*: *Чахон ғарқи бахри наволи ту бод, / Сари гарданон поймоли ту бод. // Да будет мир утоплен твоими обильными дарами / Головы сильных мира сего растоптаны тобой* [4, с.348].

Амир (правитель, командующий) + *и ачал* (смерть) = *амири ачал* – в переносном значении *Азраэль*: Гашт гирифтори *амири ачал*, / Шуд чигараш таркаши тири ачал.// Попал в плен эмира смерти, / Стала его печень колчаном стрелы смерти [4, с.135].

Бухтӣ (большой двугорбый верблюд) + *и мавч* (движение воды на поверхности воды от ветра и волнения) = *бухтии мавч* в переносном значении означает *цепь волн*: Маҳмили меғро шавӣ ҳаммол, / *Бухтии мавчро* шавӣ ҳаммол.// Станешь на сиденье облаков перевозчиком, / Станешь на цепи волн погонщиком верблюдов [4, с.180].

Можно констатировать, что указанные простые изафетные субстантивные словосочетания являются плодом творческой фантазии Хаджу и обогащают кладезь поэтических образов.

Субстантивные словосочетания, образованные посредством двух существительных в тексте, приводятся не только в переносном, но и в прямом значении: «*авчи фалак*» – вершина небес [4, с.39], «*ағрози халқ*» – чаяния народа [4, с.173], «*азми газо*» – желание к джихаду [4, с.227], «*азми тафарруч*» – желание путешествовать [4, с.366]. Для подтверждения вышесказанного проведем компонентный анализ некоторых словосочетаний этой группы: «*ваҷҳи ғано*», «*харчи ятим*», «*асбоби ҳудо*», «*баёни зуҳд*», «*байти ҳарам*»:

Ваҷҳ (причина, средство) + *и ғано* (могущество, мощь, богатство) = *ваҷҳи ғано* – причина могущества: Тағнияро *ваҷҳи ғано* сохта, / Рӯзи ҷавонӣ ба наво бохта.// Сделав богатство причиной могущества, / Посвятив дни молодости благосостоянию [4, с.95].

Харч (казна, деньги) + *и ятим* (сирота) = *харчи ятим* – деньги на сироту: Харчи ятимони ман аз шири ӯ, / Хотири ман бастаи занҷири ӯ. // Деньги моих сирот от ее молока, / Мои мысли связаны ее цепями. [4, с.112].

Асбоб (причины, факторы) + *и ҳудо* (наставлять, предводительство) = *асбоби ҳудо* – *причины подверженности наставлениям на путь истинный*: То бувад *асбоби ҳудо* мунтазам, / Қоидаи дин нашавад мунхадам. // До тех

пор пока наставления на путь истинный регулярны,/ Правила религии не будут нарушены [4, с.105].

Баён (изложение, изречение) + *и зуҳд* (набожный, целомудренный) = *баёни зуҳд* – изрекать о целомудрии: *Ҳадиси ақл бо ошиқ кӣ гӯяд, / Баёни зуҳд аз фосиқ кӣ чӯяд?! Ҳадис о разуме кто влюбленному поведает, / Слово о благочестии кто развратному поведает* [4, 649].

Байт (жилище) + *и ҳарам* (запретное место) = *байти ҳарам* – Дом Каабы: *Шамъи Батҳо, чароғи байти ҳарам, / Садру бадри чаҳон, чаҳони карам. // Свеча Мекки, свет Каабы, / Глава и луна мира, мир великодушия* [4, с.162].

Вақт (время) + *и иҷтимоъ* (собираться) = *вақти иҷтимоъ* – время сбора или встречи: *Ки вақти иҷтимои моху хуршед, / Ниҳанд ангуштарӣ дар дасти Чамшед.// Во время встречи месяца и солнца, /Наденут кольцо на руку Джамшеда* [4, с.802].

Среди простых изафетных субстантивных словосочетаний некоторые арабские существительные как первый и главный компонент – показали активность в повторном подчинение вторых компонентов при образовании словосочетаний. Например, слово «бахр» как главное слово в подчинительной связи с арабскими существительными «амал», «вазорат», «замир», «мулк», «муҳит», «навол», «ҳайрат», «риё» [4, с.357, 292, 36, 318, 54, 346, 810, 132] демонстрирует валентность арабской лексики в образовании словосочетаний. К таким же активным компонентам относятся заимствованные слова «бурч», «дарс», «дурч», «матлаъ», «мулк», «нақш», «олам», «равза», «роят», «тарик», «ҳарам», «шарх», от которых посредством зависимых слов образовано множество словосочетаний: *бурч* – Асад, саодат, фасохат, яқин [4, с.725, 73, 307, 273, 318]; *дарс* – вучуд, лоҳут, маънӣ, талаб [4, с.141, 190, 198, 317]; *дурч* – афлок, лаолӣ, малоҳат, маонӣ, нутқ, ҳикоят, таҳлил, фасохат, маъно [4, с.168, 154, 307, 61, 263, 818, 204, 280, 357]; *матлаъ* – аморат, маҳд, начм, фитрат [4, с.360, 172, 62]; *мулк* – ашбоҳ, ваҳдат, Исро, истеъфо, истиғно, малак, малоик, Миср, саодат [4, с.172, 233, 271, 230,

230, 150, 841, 317, 69]; *нақиш* – вучуд, дағо, қисса, чамол, худусу қидам, савдо, тааххул [4, с.121, 112, 611, 54, 101, 617, 134]; *олам* – вараъ, кудс, курбат, сурат [4, с.202, 226, 508, 121]; *равза* – анвор, курбат, маънӣ, хулд [4, с.80, 249, 60, 239]; *роят* – Мансур, рой, таҷрид, таҳқиқ [4, с.101, 62, 81, 134]; *тариқ* – ишқ, касолат, мадҳ, шавқ [4, с.171, 325, 633, 688, 807, 233, 281, 658]; *ҳарам* – ақл, дин, кудс, курб, хос, шафоат, исм [4, с.135, 132, 149, 124, 61]; *шарҳ* – атову ниам, ишорот, ҳақиқат, маонӣ, хидоят, фунун [4, с.74, 58, 154, 89, 141]. По вопросу этимологии арабского заимствованного слова «*бурҷ*» следует отметить, что оно имеет греческое происхождение [67, с.427]. Это слово, наряду с некоторыми другими, вошедшими в персидско-таджикский язык как элемент арабского языка посредством арабизации, указывают на один важный фактор, который отметил в своем исследовании Ю. Кенджаев. Этот фактор обусловил проникновение в персидско-таджикский язык в арабизированной форме также и неарабской лексики, например, греческой, древнееврейской (еврит), персидской [56, с.27]. Подобные слова, вошедшие в персидско-таджикский язык посредством заимствования из арабского языка, в диссертации мы условно назвали не греческими, а арабскими заимствованиями. Это относится также к слову «*кӯс*», которое по сути является арабизированной формой персидского слова «*кӯст*» в значении «барабан, бубен». По утверждению Аддо Шера, это слово, по сути, встречается в значении «удар, толчок» в «Шах-наме»: Далерон натарсанд з-овози кӯст, / Ки он чоду чӯбанду як пора пӯст. // Смелчаки не побоятся удара барабана, // Что это колдовство лишь древесина и кусок кожи. Ученый отмечает, что другие персидские слова, такие как «*кос*», «*коса*», «*кӯс*» произошли именно от слова «*кӯст*» [20, с.211].

Некоторые арабские существительные в функции зависимого компонента подчиняются нескольким главным компонентам, и участвуют в образовании простых изафетных субстантивных словосочетаний: *фалак* – «авчи фалак», «арсаи фалак», «арӯси фалак», «кутби фалак», «сайри фалак», «фулки фалак», «хавоқини фалак» [4, с.39, 187, 544, 134, 85, 157, 586]; *маонӣ*

– «арбоби маонӣ», «баҳри маонӣ», «дурчи маонӣ», «сирри маонӣ» [4, с.828, 821, 61, 58]; *афлок* – «атласи афлок», «даврони афлок», «дурчи афлок», «мадхали афлок», «чадвали афлок», «сатҳи афлок», «чосуси афлок» [4, с.136, 812, 168, 801, 255, 632].

В целях установления роли арабских слов в словообразовании в качестве зависимых компонентов исследуем слово «фалак» на основании текста «Хамсы» Хаджу. Установлено, что арабское заимствованное слово «фалак» (небо, небосвод, вселенная) в подчинительной связи с главными компонентами – арабскими словами «авч», «арса», «арӯс», «кутб», «сайр», «фулк», «хавоқин» образовали простые изафетные субтантивные словосочетания:

Авчи фалак – вершина небосвода; иносказательно высокий статус человека: Фавчи малак байдаку хайли ту шох, / *Авчи фалак* матлау маҳди ту моҳ. Множество ангелов твои пешки и войска, / Вершина небосвода место восхода и ложе твое месяц [4, с.39].

Арсани фалак – арена небосвода; иносказательно: вселенная, космос: Рахш бар *арсан фалак* рондам, / Дарс бар маҷмаи малак хондам. // Лошадь погнал на арену небосвода, / Учился на месте собрания ангелов [4, с.187].

Арӯси фалак – иносказательно: Солнце: *Арӯси фалак* куҳли шаб даркашад, / Бағалтоқ шамъе зи сар баркашад. // Невеста небосвода нарисует сурьму ночи, / Шелковый халат свечу над головой закроет [4, с.544].

Кутби фалак – в переносном значении Солнце: Чун маликаш сар ба фалак баркашид, / Бар сари *кутби фалакаш* баргузид. // Лишь повелитель его уперся вершиной в небо, / Избрал место на солнце [4, с.134].

Сайри фалак – иносказательно: путешествие по ступеням духовного пути в суфизме: Мо, ки ба дил *сайри фалак* кардаем, / Мухраи меҳраш зи фалак бурдаем. // Мы, что сердцем путешествовали по небесам, / Бусинки любви поднесли небу [4, с.85].

Фулки фалак – иносказательно: молодой месяц, подобный лодочке: Сарзи *фулки фалак* баровардам, / Рӯ ба мулки малак даровардам. // Поднял голову с молодым месяцем, / Обернулся лицом в страну ангелов [4, с.157].

Хавоқини фалак – иносказательно планеты: Камон дар қабзаи Баҳром бишкан, / *Хавоқини фалакро* ном бишкан. // Сломай лук о кинжал Марса, / Уничтожь славу планет [4, с.586].

В ходе компонентного анализа вышеприведенных словосочетаний установлено, что большинство из них имеют описательный характер, которые Хаджу использовал с целью воплощения образов религиозных деятелей и персонажей поэм «Хамсы».

Подобное использование арабских словосочетаний и фраз, состоящих только из арабских компонентов встречались еще в прозаических и поэтических произведениях конца XIX и начала XX вв.. К примеру, подобные словосочетания часто встречаются в «Наводир-ул-вакое'» Ахмада Дониша, что свидетельствует об использовании таких способов образования словосочетаний в прозаических и поэтических произведениях персидско-таджикской литературы в течении семи веков.

Одной из особенностей употребления простых изафетных субстантивных словосочетаний, независимо от их компонентов, является их парное употребление в «Хамсе». Парное употребление словосочетаний с арабскими компонентами, в частности в жанре масневи, известное явление. Подобное парное употребление словосочетаний с арабскими компонентами можно встретить в масневи Санаи, Аттара и Джалаладдина Балхи. Приведем несколько примеров подобного употребления без их научного анализа. Из «Хадика» Санаи Газневи:

Чуз ба *ҳисси ракику нафси хабис*, / Накунад дар қидам *ҳадиси ҳадис*.// Кроме нежных чувств и порочных желаний, / Не сделает в древности небывалое предание [8, с.3].

Ҳастро ҳақ зи баҳри *ҷони шариф* / Андар аснои ҳукми *сунъи латиф*. // [8, 12]. Бытие и истину ради священной души / Во время приговора нежного создания.

Из «Мантик ут-тайр» Фаридуддина Атгара:

Ў ниҳад аз баҳри *суккони фалак* / Гирдаи Хуршед бар *хони фалак* // Он положит ради обитателей небосвода / Диск солнца на скатерти неба [1, с.19].

Маҳдии ислому *ҳодии субул*, / Муфтии ғайбу *имоми ҷуззу кул*. // Колыбель ислама и предводитель пути, / Муфтий сокрытого имам части и всего [1, с.31].

Из «Масневи ма'неви» Джалаладдина Балхи:

Зикри истиснову *ҳазми мултавӣ* / Гуфта шуд дар *ибтидои маснавӣ* // О произнесение слов «Если пожелает Аллах» и о сугубой осмотрительности сказано было в начале «Маснави» [2, с.381].

Он бузургин гуфт: «Эй *ихвони хайр!* / Мо на нар будем андар *нусхи гайр?* // Старший сказал: «О добрые братья, разве мы не были мужественными, наставляя других людей? [2, с.392].

Лек *ҷурми он ки бошӣ раҳни барқ*, / Аз ту рӯ андаркашад *анвори Шарқ* // Однако из-за той провинности, что ты отдан в залог молнии, отворачивая от тебя сияние восхода [2, с.403].

Существование парных словосочетаний с арабскими компонентами в приведенных выше примерах говорят о том, что еще до периода Хаджу это стало специфической особенностью языка мистической прозы в персидско-таджикском языке.

Парное употребление простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу по расположению делится на три группы: а) в начале бейта, б) в середине бейта, в) в конце бейта.

а) в начале бейта. К примеру:

Фузулот (остатки, дефекат) + *и фазл* (преимущество, преобладать) = *фузулоти фазл* – иносказательно поиск преобладания и преимущества от

вреда; пустословие, хвастовство и *алам* (флаг) + *и шавқ* (желание) = *алами шавқ* – иносказательно интерес, желание: *Аз фузулоти фазл чуста начот, / Алами шавқ бурда бар Арафот. // Иша спасение в пустословии, / Унося интерес к Арафату* [4, с.170].

Ровӣ (рассказчик) + *и ишқ* (любовь, привязанность) = *ровии ишқ* – рассказчик, повествующий о любви и *оят* (признак, свойство) + *и ваҷд* (экстаз, вершина желаний) = *оятти ваҷд* – в переносном значении: признак безумия: *Ровии ишқро забон набувад / В-оятти ваҷдро баён набувад // Сказитель любви не имеет речи / И от безумия не может говорить* [4, с.226].

Нафс (душа, сущность) + *и аммора* (заблудший) = *нафси аммора* – увлечённый дьявольскими желаниями и *ҳосил* (результат, плод) + *и рӯҳ* (душа) = *ҳосили рӯҳ* – наслаждение души: *Нафси аммораро адаб мекун, / Ҳосили рӯҳ аз ӯ талаб мекун. / / Не увлекайся дьявольскими желаниями, / Проси у него наслаждения для души* [4, с.207]. В первом словосочетании *нафси аммора* первый компонент (*нафс*) -существительное и второй компонент (*аммора*) является прилагательным.

Дарс (урок) + *и тавҳид* (единство) = *дарси тавҳид* – *наставлять о единстве Создателя* и *лавҳ* (ровный, плоский предмет, на котором ученики учатся писать ч) + *и таҳқиқ* (проверять правильность действия, вносить ясность в вопрос ҳақиқати) = *лавҳи таҳқиқ* – *обучать истине мироздания: Дарси тавҳид ронда бар малакут, / Лавҳи таҳқиқ хонда бар чабарут.// Наставляя о единстве Создателя в мире ангелов, / Обучился истине мироздания от могущества Создателя* [4, с.188].

Барид (вестник) + *и фикр* (мысль, мнение) = *бариди фикр* – иносказательно о *силе мысли* и *Буроқ* (имя лошади пророка Мухаммада (с)) + *и ваҳм* (воображение, видение) = *Буроқи ваҳм* – иносказательно о *силе воображения: Бариди фикрро з-ӯ даст бар дил, / Буроқи ваҳмро з-ӯ пой дар гил.// Сила мысли у него от сердца, / Сила воображения от глины* [4, с.699].

Тариқ (путь, способ) + *и шавқ* (стремление, влечение) = *тариқи шавқ* – иносказательно о становлении на путь сильного влечения и *муҳит* (океан,

река) + *и ишқ* (любовь) = *океан любви* – иносказательно о безбрежности и волнении любви: *Тариқи шавқро сабр аст манзил, / Муҳити ишқро ақл аст соҳил.* // Жилище сильного влечения, это терпение, / Берег океана любви, это разум [4, с.658].

Хумо (сказочная птица) + *и ҳиммат* (великодушие) = *ҳумои ҳиммат* – иносказательно о твердом решении *и уқоб* (крупная хищная птица, орел) + *и фикрат* (мысль) – иносказательно о высоких помыслах: *Хумои ҳимматам парвоз карда, / Уқоби фикратам пар боз карда.* // Взлетела птица великодушия, / Орёл мысли распустил крылья [4, с.595].

Буроқ (конь пророка Мухаммада (с)) + *и табъ* (талант, особенно в поэзии) = *Буроқи табъ* – иносказательно о аз *исключительном поэтическом таланте* и *наво* (мотив, напев) + *и ишқ* (любовь) = *навои ишқ* – *напев любви*: *Буроқи табъ бар хуршед ронда, / Навои ишқ бар Ноҳид хонда.* // Получив поэтический талант от солнца, / Учась напеву любви от Нохида [4, с.595].

Возникает представление, что указанные словосочетания, находясь в начале полустихия, наряду с тем, что по мелодике и размеру схожи, в них отсутствует рифма. Однако расположившись в начале одного бейта, они обеспечивают некую мелодику, а также служат хорошим средством для поэта в раскрытии замысла и плавном изложении.

б) в середине бейта. Этот вид парного употребления простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в исследуемом тексте встречается редко. Например:

Яд (рука) + *и байзо* (солнце) = *яди байзо* – *чудотворная рука Мусы(а)* и *эъҷоз* (чудо) + *и Масеҳо* (пророк Иса) = *эъҷози Масеҳо* – *чудеса Исы (а)*: *Мӯсии чонам яди байзо намуд, / Хотирам эъҷози Масеҳо намуд.* // Муса моей души указал на чудотворную руку, / Сознание указало на чудеса Исы [4, с.151].

Мавҷуд (существо) + *и маъдум* (уничтоженный, ушедший) = *мавҷуди маъдум* – иносказательно о бытие равному небытию (мистический взгляд о бытие существ наряду с Создателем) и *айн* (явное сходство) + *и нуқсон*

(недостаток, уменьшение) = *айни нуқсон* – явный недостаток: Ман он *мавҷуди маъдумам*, ки олам / Бувад дар *айни нуқсон* бо камолам. // Я то бытие существ, что мир / С явными недостатками совершенный [4, с.738]. В словосочетании *мавҷуди маъдум* первый компонент (мавҷуд) является существительным и второй компонент (маъдум) является прилагательным.

в) в конце бейта. В приведенном ниже бейте простые изафетные субстантивные словосочетания расположены в конце бейта, и служат не только для создания созвучия в конце бейта, то есть рифмовки и плавности речи, но и для словесно-поэтизированного выражения его высоконравственных сентенций.

Аҳли ғайб – верные, знающие тайну друзья; *провидцы*; *аҳли айб* – виновные люди: *Ғайб надонанд магар аҳли ғайб*, / *Айб набинанд магар аҳли айб*. // *Неужель не знают сокровенное провидцы*, / *Не ужель не чувствуют вину виновные люди* [4, с.80].

Фавҷ (группа, толпа) + *и малак* (ангел) = *фавҷи малак* – в переносном значении *группа ангелов* и *авҷ* (вершина небес) + *и фалак* (вселенная, небосвод) = *авҷи фалак* – *высшая точка, апогей*: *Ҳарамаш ошёни фавҷи малак*, / *Аламаш офтоби авҷи фалак*. // *Святылище его - лоно ангелов*, / *Его стяг солнце высшей точки* [4, с.167].

Суродиқ (палатка, полог, шатер) + *и қудс* (святой, быть чистым) = *суродиқи қудс* – в переносном значении *чистое, святое место* и *ҳадоиқ* (сады) + *и қудс* (чистые) = *ҳадоиқи қудс* – в переносном значении *святое место*: *Шамъи рахшандаи суродиқи қудс*, / *Мурғи хушнағмаи ҳадоиқи қудс* // *Свеча освещающая святого шатра*/ *Благозвучная птица святых садов* [4, с.167]. Авторами «Словаря таджикского языка» это слово приводится в вариантах –*сародиқ* [14, с.209] ва *суродиқ* [14, с.277] и в обоих случаях упоминается его арабское происхождение. Однако этимологические поиски в рамках настоящего исследования показали, что некоторые этимологи указывают на его персидское происхождение. Доктор Мухаммад ат-Тунджи в своей известной книге «Арабизированные формы и заимствования в

арабском языке и литературе» слова «суродиқ» приводит в этом же значении [78, с.97]. Однако в книге Аддо Шера мы это слово не нашли [20].

Мударрис (учитель, наставник) + *и Идрис* (имя одного из пророков) = *мударриси Идрис* – в переносном значении умнее и благодетельнее Идриса и *мусоид* (помощник, покровитель) + *и Бирчис* (планета Юпитер – символ счастья и радости) = *мусоиди Бирчис* – в переносном значении внесший вклад в осчастлививании и благоденствии народа: *Дар рисолат мударриси Идрис, / Дар саодат мусоиди Бирчис. // По миссии наставник Идрис, / В осчастлививали покровитель Бирджиса* [4, с.163].

Наряду с указанными тремя видами расположения и парного употребления некоторые бейты «Хамсы» полностью состоят из словосочетаний с арабскими компонентами, вернее четырех сочетаний.

В нижеприведенном бейте «Хамсы» употреблены четыре словосочетания с арабскими компонентами, два из которых расположены в начале полустихия и два следующих в конце полустихия: *Буьди сурат тақарруби маъност, / Курби адно табоуди аълоост. // Отход от всего обманчивого, понимание глубины вещей, / Поиск близости с ничтожными вещами* – это отход от высоких мыслей [4, с.235].

Проведем детальное исследование бейта с указанными словосочетаниями, с последующей раскладкой на компоненты: 1. *Буьд* (даль) + *и сурат* (внешний вид чего-либо) = в переносном значении *уйти от всего внешнего, обманчивого*. 2. *Тақарруб* (искать близости) + *и маъно* (смысл, истина) = *тақарруби маъно* в переносном значении *вникать в глубину вещей*. 3. *Курб* (близость) + *и адно* (низкий, ниже – прилагательное) = *қурби адно* – в переносном значении *искать близости с ничтожными вещами*. 4. *Табоуд* (дурй) + *и аъло* (олитар – сифат) *табоуди аъло* – в переносном значении удаляться от лучших и высоких мыслей.

Приведенный нами ниже бейт в парном употреблении словосочетаний с арабскими компонентами и по месту расположения в бейте имеет структурное сходство с вышеприведенным нами бейтом *Хуччати Ҳақ*,

хулосаи кавнайн, / Раҳмати халқ, ҳодии сақалайн. // Документ создателя избранник обоих миров, / Милость народа предводитель всех созданий [4, с.162]. Все четыре словосочетания являются описанием пророка Мухаммада (с): 1. *Хуччат* (доказательство, аргумент) + *и Ҳақ* (Создатель) = *хуччати Ҳақ* – иносказательно о пророчестве пророка Мухаммада(с). 2. *Хулоса* (избранный) + *и кавнайн (обоих миров)* = *хулосаи кавнайн* – указание на, то, что пророк Мухаммад (с) является избранным творением Всевышнего 3. *Раҳмат* (прощение грехов) + *и халқ* (народ) = *раҳмати халқ* – указание на милосердие пророка Мухаммада (с) к своему народу. 4. *Ҳодӣ* (предводитель, направляющий) + *и сақалайн* (всех творений) = *ҳодии сақалайн* – указание на то, что пророк Мухаммад (с) является предводителем всех людей и тварей.

В «Хамсе» парное употребление словосочетаний встречается иногда в пределах одного полустушия: *Хайт* (пряжа, нить) + *и шамс* (солнце) = *хайти шамс* – солнечные лучи ва *чайб* (ворот) + *и субҳ* (утренняя заря, восход) = *чайби субҳ* – начало утра: *Ба хайти шамс чайби субҳ бардӯз, / Бибахш офокро аксуни зардӯз. //Нитью из солнечных лучей расшей утреннюю зарю, // Придай миру золотошвейный рисунок* [4, с.305]. Посредством словосочетания «ба хайти шамс бардӯхтани чайби субҳ» автор иносказательно выразил понятие восхода солнца и утренней зари.

Указанные словосочетания часто используются автором для выражения прямых и переносных значений. Некоторые из словосочетаний, в том числе «фулки фалак» «фузулоти фазл» можно признать творениями поэтического гения Хаджу Кирмани. Однако в связи с тем, что множество из этих словосочетаний являются смысловым или дословным переводом с арабского языка, категорически это утверждать невозможно. Однако это не столь важно, важно то, что широкое употребление таких словосочетаний рисует перед нами красочную языковую картину произведения Хаджу.

Простые изафетные субстантивные словосочетания с двумя арабскими существительными в «Хамсе» Хаджу встречаются часто и наиболее употребительны в сравнении с простыми субстантивными словосочетаниями,

в которых первый компонент выражении именем существительным, а второй прилагательным.

III.1.2. Словосочетания конструкции «существительное +прилагательное»

В поэтическом и прозаическом наследии персидско-таджикской литературы арабские заимствования, как в виде слова или словосочетания, часто используются для описания или изображения персонажей. Такой способ использования арабских заимствований существовал еще в период Рудаки и успешно был продолжен другими литераторами. Например, в поэтическом наследии Рудаки встречаются такие субстантивные словосочетания с арабскими компонентами как «бадри мунир», «далели муваххид», «вакти мехнату рохат» [63, с.36-38].

В «Хамсе» Хаджу, по нашим наблюдениям, встречается множество арабских слов и словосочетаний, что говорит о преемственности предшествующих ему традиций в части использования арабских заимствований в творчестве Хаджу.

Следует отметить, что простые изафетные субстантивные словосочетания, состоящие из имен существительных и прилагательных в «Хамсе» встречаются редко. Из общего числа 451 изафетных субстантивных словосочетаний, выявленных нами в «Хамсе», лишь 48 словосочетаний образованы посредством имен существительных и прилагательных.

Список словосочетаний, первый компонент которых является существительным и второй прилагательным представлен нами в алфавитном порядке: **А:** айёми мозй [4, с.656], айни мунаъбал [4, с.151], ақиқи музоб [4, с.541], аҷроми улвй [4, с.544], анбари соро [4, с.663]; **Б:** байрақи борик [4, с.183], байти муқаддас [4, с.111], Байти маъмур [4, с.765], баҳри муқабъар [4, с.122], башири маҳчур [4, с.180], бурҳони қотъ [4, с.340]. **Д:** далқи дағал [4, с.89], даҳри муарбид [4, с.72], дуои хайр [4, с.310], дурри самин [4, с.494]. **З:**

зулфи муанбар [4, с.126]. **Қ:** касри забарчад [4, с.278], курби адно [4, с.235]. **Л:** лавҳи мунаққат [4, с.98]. **М:** мавчуди маъдум [4, с.738], мақоми маҳмуд [4, с.229], манзили адно [4, с.36], моли ҳалол [4, с.93], мулкати боқӣ [4, с.91], мулки мушаммар [4, с.122]. **Н:** нақши ғариб [4, с.67], нафси аммора [4, с.207], номуси акбар [4, с.583]. **Р:** раҳиқи мураввақ [4, с.541], рӯҳи амин [4, с.164], рӯҳи мучассам [4, с.738]. **Т:** табоуди аъло [4, с.235], тимсоли ҳоил [4, с.792], тоқи муаллақ [4, с.833], толеи маймун [4, с.40], толеи масъуд [4, с.228], тӯфони ҳоил [4, с.668]. **Ф:** фақири ғанӣ [4, с.162], фалақи мунҳанӣ [4, с.92], фарши мутаббақ [4, с.833], фарши мулавван [4, с.147]. **Х:** Хизри хазро [4, с.172], хилъати сихҳат [4, с.93]. **Ҳ:** ҳабли матин [4, с.164], ҳазрати аъло [4, с.36], ҳайи нотик [4, с.346], ҳиммати олий [4, с.91], ҳоли мозӣ [4, с.823].

Простые изафетные субстантивные словосочетания, главный компонент которых существительное арабского происхождения и зависимый компонент арабское прилагательное применяются в «Хамсе» в качестве описательного словосочетания, использованные в целях определения качества и признака объекта и субъекта.

Например, в приведенном ниже бейте заимствованное слово «борик» является прилагательным, которое находится в подчинительной связи с существительным «байрақ» и образовано простое именное словосочетание: *Байрақ* (флаг, знамя) + *и борик* (светящийся, сверкающий) = *байрақи борик* – развевающийся сверкающий флаг: *Байрақи борики* ту барқнамой / В-ахтари шориқи ту нурафзой [4, с.183]. В этом словосочетании описано качество вымышленного персонажа автора, то есть суфия, который является субъектом в этом бейте, и в другом бейте раздела «О жизненных путях суфиев и необходимости общей и истинной цели и плодах соединения» в масневи «Камал-наме».

Простые субстантивные словосочетания по этому способу образования употребляются в исследуемом тексте в прямом и переносном значении.

Далее осуществлен компонентный анализ словосочетаний, использованных в прямом значении:

Аҷром (тела) + *и улвӣ* (небесные) = *аҷроми улвӣ* – небесные тела, то есть звезды и планеты: Сутурлобдорони ахтаршинос, / Гирифтанд аз аҷроми улвӣ киёс. // Владельцы асролябий звездочеты, / Пришли к выводам, познав небесные тела [4, с.541]. Это словосочетание - литературный вариант термина небесные или космические тела», которое использовалось в астрономии.

Анбар (темно-коричневое ароматное вещество) + *и соро* (чистый) = *анбари соро* – чистое ароматное вещество, извлекаемое из желудка кашалота: Ҳама дар хайриву хоро гирифта, / Ҳама дар анбари соро гирифта. // Все покрыто цветком мальвы и гранитом, / Везде благоухает чистый аромат [4, с.663-64].

Байт (дом) + *и муқаддас* (чистый, опрятный, заслуживающий почитания) = *Байти муқаддас* – сокращенное название города *Байтулмуқаддас* (Иерусалим), где находится «Мечеть ал-Акса»: Базми парӣ чилвагаҳи ахриман, / *Байти муқаддас* ватани барҳаман. // Пир гурий место зрелища Ахримана, / Святой Храм родина бахрамана [4, с.111].

Установлено, что оба словосочетания использованы в их прямом значении, и в настоящее время вышли из употребления. Однако некоторые словосочетания в их прямом значении до сих пор находятся в широком употреблении в современном таджикском литературном языке: *Дуо* (мольба, просьба) + *и хайр* (хороший, добрый) = *дуои хайр* – мольба о ниспослании добра– Касе, к-ӯ огаҳӣ ёбад аз ин ҳол, / *Дуои хайри* мо гӯяд ҳама сол. / Кто познает это состояние, / Всегда будет благословлять нас [4, с.311].

Ниже нами приводятся примеры словосочетаний, употребляемых в их прямом значении без дополнительных пояснений и комментариев:

Дур(р) (жемчужина) + *и самин* (дорогая, ценная) = *дурри самин* – ценная жемчужина: Чу уди кимориву дебои Чин, / Чу ёкути руммону *дурри самин*. // Подобно азартная арфе и китайскому газу, / Подобно гранатным рубинам и серебрянным перлам [4, с.417]. Словосочетание «дурри самин» в «Хамсе» встречается семь раз [4, с.417, 426, 489, 494, 514, 667, 737].

Мақом (место, статус) + *и маҳмуд* (избранный) = *мақоми маҳмуд* – избранное место: Гарчи моро мақом маъхуд аст, / Дар ҳақиқат мақоми маҳмуд аст. // Хотя мое место является обыкновенным, / В действительности, является избранным местом [4, с.229].

Мол (богатство) + *и ҳалол* (чистое, незапятнанное, дозволенное) = *моли ҳалол* – дозволенное законом имущество: *Моли ҳалолам ба ҳаромӣ расид, / Дови умедам ба тамомӣ расид.* // Моё дозволенное имущество стало запретным, / Ход моей надежды пришло к концу [4, с.93].

Нақш (изображение, картина) + *и ғариб* (удивительная, изумительная) = *нақши ғариб* – удивительная картина: *Нақши ғариб аз назари хеш дон, / Лаззати нӯш аз гузари неш дон.* // Удивительную картину ищи в своем представлении, / Вкус напитка ищи в избавлении от жала [4, с.67].

Тӯфон (наводнение, волнение воды) + *и ҳоил* (страшное, ужасающее) = *тӯфони ҳоил* – ужасающее наводнение: *Зиёдат гашт он тӯфони ҳоил, / На поён буд пайдову на соҳил.* // Стало чрезмерным то ужасающее наслаждение, / Не было видимым ни конец ни берег [4, с.668].

Ҳиммат (благородство) + *и олий* (невероятно высокое) = *ҳиммати олий* – невероятное благородство: *Гаштаам аз ҳиммати олий хичил, / К-аз чӣ равам аз пайи ин гӯйи гил.* / Смущен от невероятного благородства, // Так зачем мне идти за этим мячом глины [4, с.91].

Толеъ (счастье, счастливый удел, судьба) + *и маймун* (счастливый, благословенный) = *толеи маймун* – счастливая судьба: *То ба абад даври ту Наврӯз бод, / Толеи маймуни ту фирӯз бод!* Да будет, навеки твоя жизнь Наврузом, / Твоя счастливая судьба удачливой! [4, с.40].

Толеъ (счастье, счастливый удел, судьба) + *и масъуд* (счастливый, благословенный) = *толеи масъуд* – тақдири муборак: *Аз ғазо чун ба толеи масъуд, / Шоҳро гашт оқибат маҳмуд.* // От газават словно о счастливой судьбе, / Стал прославлять шаха [4, с.227-228].

Сравнительный анализ двух последних словосочетаний показал, что иногда Хаджу в целях описания сходных тем, во избежание повтора, создает

словосочетания, меняя второй компонент, например, прилагательное «маймун» на прилагательное «масъуд». Также существует вероятность, что он нашел эти словосочетания в сокровищнице поэтического наследия персидско-таджикской литературы, применил их или же перенял традиции их создания у предыдущих поэтов.

Арабские слова, которые участвуют в образовании простых изафетных субстантивных словосочетаний, обладают полисемантическим свойством, в образовании словосочетаний использовано значение по усмотрению поэта. Например, арабское прилагательное «дағал», будучи зависимой, придаточной частью в словосочетании, имеет несколько значений, которые указаны в словарях.

В словаре «Фарханги форси» (толковый словарь персидского языка) приводится одиннадцать значений заимствованного арабского слова «дағал»: «1. действие по изменению ткани для введения в заблуждение покупателя; 2. изъян, недостаток, порок; 3. опасное место. 4. скрытая злоба. 5. хитрость, коварство 6. тот, кто допускает недозволенное... 7. Фальшивое золото, фальшивые деньги 8. хитрость, уловка 9. вор 10. глупец. 11. лентяй [24, с.1540]. В «Лугат-наме» Деххудо (второе издание нового периода, 1377/1998) данное арабское слово истолковано в двух лексикографических статьях, в дополнение к уже указанным значениям представлены значения «азартная игра» (12), «предательство» (13), «чаща с множеством деревьев» (14) «истерия» (15) [21, с.10936-10937]. В «Словаре таджикского языка» [13, с.355] также указано три значения, которым соответствуют вышеуказанные значения 5,6 и 7. Несмотря на все пояснения и толкования слова «дағал» ни одно из них не смогло передать смысловую нагрузку словосочетания «далқи дағал». Однако в «Толковом словаре таджикского языка» первое значение этого слова наполнено смыслом, выражающим замыслы Хаджу: «все грубое, что раздражает кожу или какой-либо орган при касании, шероховатый; неровный; неотшлифованный: грубая ткань...» [13, с.399]. Следует отметить, что прилагательное «дағал» в настоящее время употребляется именно в этом

значении. Опираясь на это толкование словосочетанию, один из компонентов которого является арабским словом, а второй – арабизированным словом, можно дать следующее пояснение: *Далқ* (власяница, ряса дервиша, одеяние суфиев) + *и дагал* (грубый) = *далқи дагал* – халат из грубой ткани; одеяние, сшитое из грубой пряжи: Бумчаал манзили товус нест, / *Далқи дагал* хилъати Ковус нест.// Бумджаал не является жилищем павлина, // Одевание из грубой ткани не является халатом Ковуса [4, с.89].

Доктор М. Муин считает это слово исконно арабским, однако в других словарях, например, "Словаре таджикского языка» его арабское происхождение не указано. С.Сулаймони в своем словаре признал его омонимом и указал к первому слову «дағал» следующие значения: 1) недостаток, изъян, порок; 2) причина порчи (испорченности) и его омонимы со следующими значениями: 1) лес, чаща, роща; 2) место засады; 3) долина; 4) высокий свод; 5) низовье; 6) порча, непригодность [11, с.574]. Однако Аддо Шер в противоположность М. Муину это слово признал персидским и отметил, что «арабы, заимствовав это слово, образовали от него множество слов. Значение слова «дағал» в персидском языке: 1) хитрость, коварство; 2) вносить смуту в дело; 3) хитрец; 4) фальшивое серебро или золото и в арабском языке: 1) вносить смуту в дело; 2) разрушитель, смутьян; 3) неправильный; 4) скопище, множество; 5) неполный (фальшивый) дирхем [20, с.100-101]. Выясняется, что слово «дағал» заимствовано в арабский язык из персидского языка и в течение нескольких веков было принято и освоено языком. Это прочное освоение слова обусловило то, что доктор М. Муин признал его происхождение арабским. В связи с этим следует считать его арабизированным.

Среди словосочетаний по подобному способу образования нами выявлено словосочетание описательного характера, которое образовано из двух противоположных по смыслу слов:

Фақир (бедный, неимущий) + *и ганӣ* (богатый, имущий) = *фақири ганӣ* – человек, довольствующийся благами, некорыстолюбивый, богобоязненный;

качество пророка Мухаммада (с): Шоҳи маккӣ, шаҳаншаҳи маданӣ, / Хочаи шаҳнишон, *фақири ганӣ*. // Шах из Мекки, просвещенный шахиншах, / Ходжа шахов, имущий факир [4, с.162].

Данное словосочетание, первый компонент которого существительное арабского происхождения и второй компонент – прилагательное арабского происхождения, состоит из двух антонимов. Следует напомнить, что вне словосочетания слово «факир» является прилагательным, а не существительным. В связи с тем, что словосочетание «фақири ганӣ» является реальным качеством пророка Мухаммада (с), нельзя утверждать, что оно использовано в этом бейте в переносном, иносказательном значении. Однако, если это описательное словосочетание использовалось для описания качества другого человека, помимо пророка Мухаммада (с), тогда бы оно обрело бы иносказательный смысл. Это доказывает то, что обретение иносказательного смысла простых описательных словосочетаний с арабскими компонентами в текстах мистического наследия зависит от множества факторов, в том числе, по отношению к какому персонажу они будут применены.

Компонентный анализ словосочетаний, используемых в переносном значении.

Словосочетание «айни мунаъгал» (буква серповидная «айн») обладает переносным смыслом, в нижеприведенном бейте означает качество молодого месяца – кривизна и сходство с серпом: «Чим» зиёдаг шуда бар «мим»-у «зол» / В-омада чун *айни мунаъгал* ҳилол. // Джим стало выше мима и зола, / И наступил как серповидная айн месяц хилал [4, с.151]. Вне текста это словосочетание является термином в каллиграфическом искусстве, и каллиграфы первый вариант написания указанной буквы алфавита уподобили серпу [4, с.151] и «серп», в свою очередь, стал еще одним сравнением молодого месяца в классической поэзии.

Подобно этому, в нижеследующем бейте словосочетание «бурҳони котеъ» имеет значение не «точного и достоверного подтверждения» [13, с.215], «непреложного и неоспоримого доказательства» [15, с.248]:

Бурҳон (доказательство, документ) + *и қотей* (режущий, прерывающий) = *бурҳони қотей* – иносказательно о величии и внушительности: Кафаш бар сар ояд чу дарё зи меғ, / Ки *бурҳони қотей* намояд ба теғ. // Его ладонь поднимается к голове как река от туч, / Что неоспоримое доказательство похожее на острие оружия, [4, с.343]. Анализ проясняет, что это словосочетание в сочетании со словом «теғ» (лезвие, острие оружия) означает в значении «величие и внушительность».

Приведенные ниже словосочетания из текста «Хамсы» также обладают переносным смыслом:

Даҳр (мир, вселенная) + *и муарбид* (буйный) = *даҳри муарбид* – в переносном значении означает хитроумный и враждебный мир: Шуъбада бо чархи мушаъбид мабоз, / Арбада бо *даҳри муарбид* мабоз. Обманом не играй с колесом фортуны, / Скандалом не враждуй с враждебным миром [4, с.72].

Мулкат (государственное правление) + *и боқӣ* (вечный) = *мулкати боқӣ* – в переносном значении извечное счастье: Хезу кунун *мулкати боқӣ* талаб, / Май чӣ кунӣ, тальати соқӣ талаб// Проснись и помолись теперь о вечности, / Что тебе вино, проси о лике Божества! [4, с.91].

Қаср (дворец) + *и забарчад* (драгоценный камень зеленого цвета с желтым отливом) = *қасри забарчад* – в переносном значении – мир, вселенная: Қадам бар фарқи Фарқад мениходам, / Дари *қасри забарчад* мекушодам. // Стяг водрузил над изумрудным сводом, / Возложил корону на голову Фаркада [4, с.278].

По нашему мнению, авторы «Словаря таджикского языка» в вопросе принадлежности слова «забарчад» допустили ошибку и указали его происхождение арабским [14, с.424]. Однако в исследованиях, посвященных этимологии арабской лексики, например, в книгах Аддо Шера и доктора М. ат-Тунджи происхождение слова «забарчад» относится к персидскому языку, в обеих книгах имеется толкование и пример: «драгоценный камень зеленого цвета, схожий с изумрудом» [78, с.117; 11, 105].

Лавҳ (что-то с ровной и гладкой поверхностью, на которой ученики учатся писать) + *и мунаққат* (крапчатый, с точками) = *лавҳи мунаққат* – иносказательно о звездном небе: Дар хат аз ин *лавҳи мунаққат* машав, / Нуктаи нух доира шав, хат машав! В написании не становись звездным небом, / Стань точкой девяти кругов, не становись линией [4, с.98].

Следует особо отметить, что среджи четырех словосочетаний последнее является плодом поэтического воображения Хаджу, который для выразительности создал красивое образное выражение звездного неба – «лавҳи мунаққат».

Зулф (локон, коса) + *и муанбар* (черная и благовонная) = *зулфи муанбар* – иносказательно о ночи: Чун фалаки маҳрухи куҳлипаранд, / *Зулфи муанбар* ба қамар барфиканд. // Подобно луноликому небосводу похожему черному мечу, / Опустила на луну черные благоухающие локоны [4, с.126].

Номус (достоинство, честь, авторитет; целомудрие) + *и акбар* (очень большой) *номуси акбар* – иносказательно о Джибриле (а): Ба ҳукми қосиде з-ин ҳафт манзар / Шуда номуси *ӯ номуси акбар*. // По указанию вестника из семи павильонов/ Стала его достоинство великим достоинством [4, с.583].

Тимсол (рисунок, след, изображение) + *и ҳоил* (страшный, внушающий страх) = *тимсоли ҳоил* – иносказательно о колдовстве и магии: Тилисме, к-оядат дар раҳ фаропеш, / Аз он *тимсоли ҳоил* ҳеч мандеш. // Изображение, что возникнет у тебя на пути от сонливости, / Не думай, вовсе что это колдовство [4, с.792].

Фарш (ковер, циновка) + *и мулавван* (разноцветный) = *фарши мулавван* – иносказательно о цветущей земле: *Фарши мулавван* кашадаш дар чаман, / Рӯхи Масеҳо дамадаш дар бадан. // Нарисует разноцветный ковер на лугу/ Дух Мусы закликает на теле [4, с.147].

Хизр (имя пророка) + *и хазро* (изумрудный, зеленый) *Хизри хазро* – иносказательно о траве, которая ежегодно весной растет из земли: Табақи дилкаши ту саҳни набот, / *Хизри хазрои* боғро зулумот. // Твое

восхитительное блюдо площадь растений, / Зеленый Хизр покрыло сад [4, с.172].

Хильат (халат для подарка кому-то) + *и сиххат* (здоровье) = *хильати сиххат* – иносказательно о телесном здоровье: *Хильати сиххат* зи пайи хастагист, / Ганчи кушоиш хама дар бастагист. // Халат здоровья следует за болезнью, Сокровище успеха все заговорено [4, с.93].

Хай (живой, здравствующий) + *и нотик* (говорящий, оратор) = *хайи нотик* – иносказательно о красивой речи и красноречии: Дилат хамдами субҳи содиқ шуда, / Қалам дар кафат *хайи нотик* шуда. Сердце твое стало собеседником утренней зари, / Перо в руках стало оратором [4, с.346].

Большинство простых изафетных субстантивных словосочетаний, использованных в переносном, иносказательном значении, за исключением двух или трех сочетаний, довольно часто употреблялись в классических произведениях. Словосочетания, образованные по этой модели, широко использовались в период творчества Хаджу и предшествующих ему поэтов, а также и в последующие времена. Важно, что Хаджу проявлял интерес в образовании и употреблении таких словосочетаний, использовал их соответственно и гармонично.

Парное употребление является характерной особенностью таких словосочетаний данной модели, с некоторыми из них мы проведем компонентный анализ. Например, в нижеприведенных бейтах, Хаджу мастерски использовал два словосочетания, то есть в каждом полустииши по одному словосочетанию с существительным и прилагательным арабского происхождения:

Бахр (огромное соленое море, с одной стороны впадающее в океан, с другой соединенное с сушей) + *и муқаъбар* (глубокое, бездонное) = *бахри муқаъбар* – иносказательно о земном статусе, который вводит в заблуждение суфия и *мулк* (земля, страна) + *и мушаммар* (разрушенная, обнищавшая) = *мулки мушаммар* – иносказательно о бренном и тленном мире: *Ғарқай ин бахри муқаъбар мабош, В-эман аз ин мулки мушаммар мабош!* // Не утопай в

этом бездонном мире, В мире и спокойствии не будь из этого разрушенного мира [4, с.122-123].

Ҳазрат (почетное место, преддверие) + *и аъло* (высочайший) = *ҳазрати аъло* – иносказательно о высочайшем статусе пророка Мухаммада (с) и *манзил* (место ниспослания) + *и адно* (мн. от дано, приближаться) – иносказательно о приближенном статусе пророка Мухаммада (с): Олами чон *ҳазрати аълои* туст, / Садри «дано» *манзили аднои* туст // Мир души твое почетное место, / Глава «приближенных» твое жилище приближения [4, с.36].

Ҷисм (тело, туловище) + *и муравваҳ* (благовонное; ожившее) = *ҷисми муравваҳ* – живое тело, иносказательно о живом существе, с переполненной душой *Шахзаде Навруза* и *рӯҳ* (душа, суть) + *и муҷассам* (то, что обрело телеса, обретшее форму) = *рӯҳи муҷассам* – душа, находящаяся в теле, иносказательно о теле Шахзаде Наврузе: Манам *ҷисми муравваҳ*, чони ман дӯст, / Танам *рӯҳи муҷассам*, *ҷисми ман* пӯст. // Я живое тело, моя сердце друг, / Тело душа обретшее форму, тело мое кожа [4, с.738].

Тоқ (сводчатый потолок в виде лука) + *и муаллақ* (подвешенный) = *тоқи муаллақ* – иносказательно о небе и *фарши* (ковер) + *и мутаббақ* (уложенный пластами) = *фарши мутаббақ* – иносказательно о земле: Чу ин *тоқи муаллақ* баркашиданд, / Дар *ӯ фарши мутаббақ* даркашиданд. // Как только этот подвешенный потолок прикрыли, / В нем натянули ковер слой за слоем [4, с.833].

Следует отметить, что в словосочетании «тоқи муаллақ» первое слово является исконно персидско-таджикским словом, которое арабизировано. Слово «Тоқ» иногда встречается в персидско-таджикском языке в своем арабском варианте. Аддо Шер считает слово «тоқ» в древнем персидско-таджикском языке употреблялось с значения изогнутый, загиб, его греческий синоним *thäkos* означает скамейку и жилище [20, с.170].

В связи с этим, мы осуществили это слово как заимствованное слово в этом бейте.

Рӯҳ (душа, суть) + *и амин* (держатель тайн, средств, верный) = *Рӯҳи амин* – иносказательно о Джибриле и *ҳабл* (веревка) + *и матин* (крепкий) = *ҳабли матин* – иносказательно о кораническом тексте: Равзаат ошёни *Рӯҳи амин*, / *Рӯҳро домани ту ҳабли матин*. // Цветник твой в мире Корана, / Душа твоя связана неразрывными нитями [4, с.164].

Как видится, данные описательные словосочетания употреблены вместо имени собственного – Джибрил (а) и в другом вместо материального и абстрактного имени Коран.

По сути, оба словосочетания являются дословным переводом арабских словосочетаний «*Рӯҳу-л-амин*» и «*ҳаблу-л-матин*». Таким же образом, в словосочетании первого полустишия нижеприведенного бейта «*Байти маъмур*» также является дословным переводом, точнее определяемое и его дополнение (*status construkus*) «*Байту-л-маъмур*»:

Байт (дом) + *и маъмур* (благоустроенный) = *Байти маъмур* – (дом на четвертом небе, расположенный перед Домом Каабы и благоустроен для молитв ангелов и *сақф* (потолок) + *и марфуъ* (высокий) = *сақфи марфуъ* – иносказательно о небесах: *Байти маъмур* ошёнаи ўст, / *Сақфи марфуъ* останаи ўст. // Молельня ангелов его жилище, Высокое небо его царский двор/ [4, с.187]. Словосочетание «*Байти маъмур*» является одним самых употребляемых сочетаний классической поэзии и его корни уходят в коранический текст, в четвертый аят суры Тур. Это простое словосочетание также много раз употреблено в «Хамсе» [4, с.187, 338, 348, 583, 595, 642, 693, 764, 840].

Расположение в одном полустишии двух изафетных субстантивных словосочетаний, первым компонентом которого является существительное, выраженное арабизмом, второй – прилагательное арабского происхождения встречается крайне редко: *Раҳиқ* (вино) + *и мураввақ* (чистый, без осадка) = *раҳиқи мураввақ* – чистое вино и *ақиқ* (род красного драгоценного камня) + *и музоб* (расплавленный) = *ақиқи музоб* – иносказательно о красном вине:

Раҳиқи мураввақ, ақиқи музоб, / Зароби чу симобу ёкути ноб.// Чистое вино, красное вино, / Золотистое вино подобно ртути и чистому рубину [4, с.541].

Этот бейт, первое полустишие которого состоит из двух словосочетаний с арабскими компонентами, относится к разделу «качество вина» в поэме «Хумай и Хумаюн» [4, с.540-543].

Хаджу при описании вина, особенно отображая его чистоту и сухость, его цвет посчитал необходимым использовать подобные словосочетания.

III.1.3. Словосочетания конструкции «существительное + наречие»

Среди простых субстантивных словосочетаний, состоящих из арабских компонентов нами были выявлены два, в которых зависимый компонент относится к наречию: «бахри қидам» [4, с.101], «бисоти қидам» [4, с.56]. В обоих словосочетаниях зависимый компонент «қидам» относится к наречию времени, который подвергся явлению субстантивации и имеет переносное значение:

Баҳр (большое соленое море) + *и қидам* (прошлое, древнее) = *бахри қидам* – иносказательно о древности мира: Гуфт, ки «эй гавҳари *бахри қидам*, / Карда тавофи ту зи хурмат Ҳарам. // Сказал, «О, жемчуг древнего мира, / Совершил паломничество твое от уважения Харам» [4, с.101].

Бисот (все, что стелиться, ковер, пол) + *и қидам* (древность, прошлое) = *бисоти қидам* – иносказательно о древности мироздания: Шохнишинони *бисоти қидам*, / Роҳнишинони работи адам. // Сидящие на месте царей древнего мира, / Сидящие у порога караван-сарая небытия [4, с.56].

Опираясь на утверждение исследователя вопросов наречия И. Исмоилова: «с семантической точки зрения богатство наречия, его способность в зависимости от места употребления выразить различные смысловые оттенки и его конкретная форма в тексте [53, с.18], «заимствование некоторых простых наречий их арабского и других языков» [53, с.34-35] и в связи с историческими предпосылками проникания

некоторых арабских слов и словосочетаний в качестве наречий» [53, с.79], следует признать, если второй компонент указанного выше словосочетаний – «кидам» считать наречием, то второй компонент и следующих словосочетаний «хадиси худус» [4, с.233], «накши худусу кидам» [4, с.101] «илми азал» [4, с.141] «лавҳи абад» [4, с.141] также следует считать наречием, подвергшимся субстантивации, которые мы ранее отнесли к группе словосочетаний состоящих из двух имен существительных. Однако «вопрос наречий, остающийся актуальным и спорным» [121, с.179] и прямо не относящийся к проблеме нашего исследования, остается открытым для последующих исследований.

Подведем итоги первого раздела третьей главы диссертации.

Явление парного употребления простых изафетных субстантивных словосочетаний, независимо от их принадлежности к той или иной части речи в пределах одного бейта или даже одного полустишия свидетельствует о том, что они в основном по своей сути имеют характер славословия и хвалы пророка Мухаммада (с), а также правителей, визирей, мистиков и суфиев.

Поиск, вычленение, анализ и исследование простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу Кирмани и научные выводы о способах их употребления говорит о том, что поэты и прозаики этого литературного периода (XIII-XIV) для изложения мистических смыслов неизбежно прибегали к использованию арабских заимствований. Другими словами, Хаджу, как и другие его современники, не употреблял арабские заимствования без особой надобности. Он широко и продуктивно использовал в «Хамсе» весь имеющийся потенциал персидско-таджикского языка, в том числе заимствованную лексику, а также словосочетания, состоящие из двух арабских компонентов.

Простые изафетные субстантивные словосочетания с арабскими компонентами в «Хамсе» свидетельствуют об огромном потенциале персидско-таджикского языка в плане заимствования, адаптации их под

собственные языковые нормы, гармоничное проникновение арабских заимствований в поэтические выражения.

III.2. Место сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу Кирмани

В начале раздела настоящей главы мы упоминали о проблеме исследования строения словосочетаний и определения простого словосочетания. В этом разделе, посвященном вопросу сложных словосочетаний, мы продолжим научную полемику по упомянутому вопросу. Следует внести ясность в вопрос о «составном» или «сложном» второго вида словосочетаний, согласно их структуры.

Языковед Б. Ниязмухаммадов в своем научном труде, опубликованном в 1960 году разделил словосочетания по их структуре на простые и составные, и сочетания, содержащие два или более знаменательных слов, назвал составными, в подтверждение чего привел следующие примеры: *Раиси колхози «Коммунист»-и райони мо. Бачаи хушқаду қомати боақли мактаби №12 // Председатель колхоза «Коммунист» нашего района. Красивый и интеллигентный парень из школы № 12* [64, с.8].

Подобный структурный анализ словосочетания возник в первый период исследований о словосочетаниях, и уже в 1972 году в корне отличался от утверждения А. Мирзоева, давшего начало второму периоду исследований вопроса словосочетаний. А.Мирзоев разделил словосочетания на простые и сложные. Ученый-лингвист считает важнейшей особенностью сложных словосочетаний является «возникновение на основе простых словосочетаний» и «детализации простых словосочетаний», «выражения отношения в более конкретной и совершенной форме», в том числе приводит следующие примеры для сравнения с простыми словосочетаниями: *овози қарангоси форум/ приятный звенящий голос, пахтаи навъи якум чидан/*

хлопок первого сорта, куртаи чити сурх / красное ситцевое платье [60, с.25].

Из определений, данных А. Мирзоевым простым и сложным словосочетаниям и приведенных им в доказательство примеры простых и сложных словосочетаний, исходит, что вопрос преимущества простых словосочетаний над сложными остается тонким, требующим особого рассмотрения вопросом.

В «Грамматике современного таджикского литературного языка» (том 2) фраза «состоящее из двух и более знаменательных слов» считается основанием для определения сложных словосочетаний, и далее приводятся четыре способа их образования: 1. главное слово словосочетания поясняют два придаточных слова и отсутствие грамматической и семантической связи между ними – *баландтарин кӯҳи Помир/ самая высокая гора Памира*. 2. получение зависимым словом простого словосочетания поясняющего слова – *дарёи аз ҳама калон/ самая большая река*. 3. зависимость словосочетания от главного слова – *ҳафтаи гузашта омадан/ прибытие на прошлой неделе*. 4. зависимость придаточного слова простому словосочетанию и отсутствие пояснения для его отдельных компонентов: *қисми якуми бозӣ/ первая часть игры, давраи якуми чемпионат / первый этап чемпионата* [41, с.22-24].

Можно констатировать, что в первый период исследований по словосочетаниям таджикского языка их классифицировали на простые и составные и последующие периоды классификация изменилась на простые и сложные словосочетания. Вопрос превалирования одной из двух высказанных теорий не является предметом настоящего исследования и требует отдельного и всестороннего изучения. Следует подчеркнуть, что до пересмотра и совершенствования теории структуры словосочетаний определение, представленное составителями «Грамматики современного таджикского литературного языка» (том 2) оставляет за собой статус научного предписания.

В «Хамсе» Хаджу множество раз употребил сложные словосочетания с арабскими компонентами. Большинство их этих сложных словосочетаний в качестве простых словосочетаний с арабскими компонентами использовались как художественная терминология для изложения мистических смыслов.

Очевидно, что некоторые из сочетаний в «Хамсе» являются плодом поэтической фантазии и мастерства Хаджу, часть из них заимствована у предшественников и адаптирована по метрическому размеру поэм «Хамсы». В первом разделе мы отметили, что парное употребление простых словосочетаний с арабскими компонентами также встречается в произведениях Санаи, Аттара и Джалаладдина Балхи.

III.2.1. Образование сложных субстантивных словосочетаний посредством простого существительного и лексической единицы

По структуре и способу образования эти словосочетания относятся к четвертому способу образования сложных имен существительных [41, с.23]. Также компонентный анализ фактологического материала данного раздела показал, что в образовании сложных словосочетаний арабские компоненты – главные и придаточные могут менять позиции, в связи с этим образуются двумя способами:

а) простое именное словосочетание (главный компонент) + и (изафетная связка) + существительное или прилагательное (зависимый компонент) = сложное словосочетание с арабскими компонентами;

б) существительное (главный компонент) + и (изафетная связка) + простое именное словосочетание (зависимый компонент) = сложное словосочетание с арабскими компонентами.

Таким образом, исследуем сложное словосочетание с арабскими компонентами согласно двум способам образования и принадлежности компонентов к лексическим единицам и частям речи. Согласно

статистическому подсчету, в исследуемом тексте нами обнаружено 60 сложных словосочетаний с арабскими компонентами. Из них 8 словосочетаний образованы по четвертому способу – «А» и 34 – по четвертому способу – «Б». Также 18 словосочетаний независимо от позиции компонентов имеют парное употребление, то есть Хаджу использовал в одном бейте два сложных словосочетания.

А) Простое именное словосочетание (главный компонент) + существительное или прилагательное (зависимый компонент) = сложное словосочетание с арабскими компонентами. По данному способу образованы следующие словосочетания: **А:** анқои Қофи қурбат [4, с.167]. **Б:** бисоти басити бўқаламун [4, с.171]. **Д:** дурри дурчи Халил [4, с.336], дунйии дуни данӣ [4, с.88]. **З:** Замзами Каъбаи туроб [4, с.176]. **М:** маснади мулки иморат [4, с.151]. **Н:** ноибии султони саломат [4, с.105], нуқтаи мавҳуми ишқ [4, с.297].

Анқои Қоф (сказочная птица, живущая на вершине сказочной горы; иносказательно о человеческом разуме, обладающим силой мысли и воображения) + *и қурбат* (близость; близость к Господу, то есть обладание высочайшим мистическим статусом) = *анқои Қофи қурбат* – иносказательно о разуме, который в осознании степени близости мистика открывает свою слабость и бессилие: Ақл *анқои Қофи қурбати* ўст, / Чашми чон сурмадони турбати ўст. // Разум Анко горы Каф его близости, / Глаз души сосуд сурьмы его могилы [4, с.167]. В этом бейте Хаджу сравнивает разум на пути осознания степени близости мистика Абуисхака Ибрахима Козаруни со «сказочной птицей Каф».

Подобно тому, что в данном сложном словосочетании второй компонент - существительное арабского происхождения «қурбат» зависит от первого компонента – простого именного словосочетания «анқои Қоф», во втором, нижеприведенном примере второй компонент – прилагательное «бўқаламун» зависит от простого именного словосочетания «бисоти басит»:

Бисоти басит (иносказательно: бескрайний мир, необъятная вселенная) + *и бӯқаламун* (иносказательно разноцветный, обманчивый, чарующий; неустойчивый, изменчивый) = *бисоти басити бӯқаламун* – иносказательно: быстро меняющийся и чарующий мир: *Эй бисоти басити бӯқаламун, / Соҳати боргоҳи Сақлотун. // О бескрайний чарующий мир, / Двор царского дворца Сократа* [4, с.171]. Также следует отметить, что арабизированное слово «бӯқаламун» происходит из греческого языка [11, с.217].

Дунйии дун (иносказательно: материальное бытие, которое суфии считают ничтожным и тленным) + *и данӣ* (бедный, ничтожный) = *дунйии дуни данӣ* – иносказательно о тленном и ничтожном мире: *Дунйии дуни дани хоксор / Ҳаст буте ишвагару нобакор. // Тленный ничтожный мир / Есть игривая коварная красавица* [4, с.88]. В данном словосочетании при структурном анализе остается еще один компонент – «хоксор» исконно таджикского происхождения. При детальном разборе именно этот компонент – «хоксор» является зависимым от сложного словосочетания «дунйии дуни данӣ», а не арабский компонент - «данӣ» придаточным для простого именного словосочетания «дунйии дун».

Аналогичное сложное словосочетание после Хаджу использовал суфийский поэт Шох Нематуллах Вали (1330-1429) в поэтическом вступлении одной из своих газелей: *Дар ҳавои дунйии дуни данӣ / Рӯзу шаб чоне ба ғусса меканӣ. // В стремлении к тленному ничтожному миру, / Днем и ночью изводишь душу в тоске* [9, с.491]. В этом примере, арабский компонент - слово «данӣ» стало придаточным для простого словосочетания «дунйии дун». Этот пример показывает, что мистические поэты для полного и экспрессивного выражения понятия бренного мира использовали это невероятно выразительное словосочетание.

Дурри дурч (драгоценный камень, который хранят в шкатулке) + *и Халил* (прозвище Ибрахима (а) = *дурри дурчи* Халил – иносказательно о последнем пророке Мухаммаде (с), чьи предки происходят от пророка

Ибрахима (с): Калиди дари ганчи рабби Чалил, / Имоми худо, *дурри дурчи Халил*. // Ключ от двери сокровища Великого господя, / Имам правдивого пути, драгоценный камень [4, с.336]. Семантический анализ словосочетания показал, что в нем слово «дурр» (жемчужина) дано в описание имени пророка Мухаммада (с) и слово «дурч» (шкатулка для хранения драгоценностей и украшений) - для обозначения понятия «племя, поколение, род». Именно это сложное словосочетание является творением творческого гения Хаджу, которое полностью воплотило в себе замыслы поэта.

Замзами Каъба (колодец Замзам, расположенный вблизи Каабы) + *и туроб* (прах; иносказательно о земле) = *Замзами Каъбаи туроб* – метафорическое описание одного из четырех элементов - *вода, которая скрыта под почвой на суше: Замзами Каъбаи туроб* шуда / В-аз хаёи ту Кавсар об шуда. // Став замзамом земли Каабы, / И от твоей стыдливости Кавсар испытывает сердечные муки [4, 176]. Хаджу в целях разъяснения сущности воды – одного из четырех элементов приводит это словосочетание из уст суфия. Авторство этого словосочетания также относится к Хаджу, который в разделе «Вознесение суфия к воде и ее качества и вопрос из мира истины» в масневи «Камал-наме» приводит длинное и подробное описание воды. Это масневи составляет 43 бейта и больше половины составляет описание воды [4, с.175-178].

Маснади мулк (трон государства) + *и иморат* (благоустраивать) = *маснади мулки иморат* – иносказательно о благоустройстве жизни ответственными государственными лицами: Нигини хотами дасти вазорат, / Тагини *маснади мулки иморат*. // Драгоценный камень на руке министерства, / Арка трона государства страны эмирата [4, с.297].

Ноибии султон (везирь) + *и саломат* (иносказательно) = *ноибии султони саломат* – иносказательно о стыде, который спасает суфия от порицания и приводит к спокойствию: Мухтасибии кӯи маломат шуда, / *Ноибии султони саломат* шуда. // Став мухтасибом порицаний, / Став визирем спокойствия [4, с.105].

Нуқтаи мавҳум (иносказательно о чем-то отдаленном и на вид ничто малом, мнимый) + *и ишқ* (мухаббат) = *нуқтаи мавҳуми ишқ* – иносказательно о сердце, достигшем от любви небытия и пришедшем к возлюбленному: Гашта дилам *нуқтаи мавҳуми ишқ*, / Мурғи равонам магаси буми ишқ. // Сердце мое достигло точки небытия, / Птица души как муха для совы любви [4, с.151]. Это сложное словосочетание Хаджу привел в окончании масневи «Равзат уль-анвар» в описании «своего утраченного сердца».

Исследование сложных изафетных субстантивных словосочетаний показал, что в «Хамсе» они употреблены в переносном, иносказательном значении, описательная особенность заключена в простых изафетных субстантивных словосочетаниях. Во всех словосочетаниях первый компонент (простые словосочетания) является главным, второй компонент (существительные и прилагательные) – зависимым (придаточным).

Б) существительное (главный компонент) + и (изафетная связка) + простое субстантивное словосочетание (зависимый компонент) = сложное именное словосочетание, с арабскими компонентами. Нижеследующие сложные словосочетания образованы таким способом: **А:** абири турраи Лайлӣ [4, с.320], арсаи мулки бақо [4, с.589]. **В:** воситаи иқди русул [4, с.33]. **Ғ:** ғариқи баҳри асрор [4, с.823]. **Д:** дамдамаи мулки қидам [4, с.63]. **И:** ибни амми Расул [4, с.193], идроки моҳияти ашё [4, с.141]. **К:** кашфи ишороти маонӣ [4, с.318], кошифи асрори замир [4, с.74]. **Қ:** қадри аҳди шабоб [4, с.260], қайсари қасри фалак [4, с.34], қайди иқобайни дор [4, с.74], қамари бурчи чалол [4, с.102], қусури равзаи иқбол [4, с.279]. **М:** машриқи анвори иноят [4, с.62], мошитаи шоҳиди мастур [4, с.103], муқими мақоми ҳол [4, с.189], муътақифони ҳарами Кибриё [4, с.56]. **Н:** наййираи бурчи шаръ [4, с.34], нафаси сури қиёмат [4, с.108]. **О:** обиди Байти маъмур [4, с.348]. **Р:** равнақи мулки истафо [4, с.163]. **С:** субҳи азизи Миср [4, с.830]. **Т:** таҳсили улуми дин [4, с.318], тутуқи манқабати мавлавӣ [4, с.151]. **Ф:** файзи карами Зулчалол [4, с.74], фарроши соҳати ҳарам [4, с.167]. **Х:** хатиби минбари маҷду уло [4, с.842]. **Х:** ҳарими ҳазрати Иззат [4, 582], ҳуллаи ҳуриёни равза

[4, 176]. **Ш:** шамими насими шимол [4, с.381], шамси чалоли дувалу дин [4, с.153].

Абир (вид мускуса; иносказательно об аромате возлюбленной) + *и турраи Лайли* (локон Лейлы) = *абири турраи Лайли* – иносказательно о ароматных и чарующих локонах Лейлы: *Абири турраи Лайли* ту судй, / Давобахши дили Мачнун ту будй. // Абир локонов Лайли ты истолчил, / Целебным лекарством сердца Меджнуна ты был [4, с.320]. Визуально кажется, что компоненты словосочетания разделены неверно. Однако это неверно, поскольку согласно размеру бейта Хаджу простое словосочетание «турраи Лайли» расположил пропорционально простому словосочетанию «дили Мачнун», и посредством этой связи «абир» (аромату возлюбленной) придал целительное свойство «давобахшй» (целебный).

В сложном словосочетании «арсаи мулки бақо» второй компонент также состоит в подчинительной связи с первым компонентом. Дело в том, что в поэзии иракского стиля словосочетание «мулки бақо» является известным мистическим выражением. В связи с этим, делить рассматриваемое словосочетание в виде «арсаи мулк» и «бақо» неверно:

Арса (поле, арена) + *и мулки бақо* (иносказательно о бренном мире) = *арсаи мулки бақо* – иносказательно о нескончаемых владениях Господа милосердного: Чй нуқсон *арсаи мулки бақоро*, / Агар бахшй ба султон ин гадоро. // Какой порок в поле тленного мира, / Если даруешь султану этого бедного [4, 589].

Восита (причина, средство; посредник) + *и иқди русул* (иносказательно о семействе пророков) = *воситаи иқди русул* – иносказательно о пророке Мухаммаде (с), ставшим причиной появления семейства пророков: Дурри яtimi садафи истафо, / *Воситаи иқди русул* – Мустафо. // Редкий жемчуг раковины избранных, / Средство соединения пророков –Мустафа [4, 33]. В рассматриваемом бейте использовано сложное словосочетание «дурри яtimi садафи истафо», которое мы исследуем в конце настоящего раздела.

Ғариқ (утопленник, утопший; иносказательно о последователе тариката, мистик) + *бахри асрор* (иносказательно о тайном мире) = *ғариқи бахри асрор* – иносказательно о проникшем в тайный мир мистики: Дигар гуфт: «Эй *ғариқи бахри асрор*, / Ба доман гашта чун дарё гуҳарбор. // Затем сказал: «Эй, утопший моря тайн, / Подол которого как река наполнена жемчугами [4, с.823]. Это выражение Хаджу произносит главный персонаж поэмы «Гуль и Навруз» - шахзаде Навруз, обратившись к затворнику Донишафрузу.

Дамдама (слава; суматоха, шум и гам) + *и мулки қидам* (иносказательно о вечности, древности) = *дамдамаи мулки қидам* иносказательно о создании шума вокруг своей вечности, гордиться и заноситься своей вечностью: Ҳар кӣ дар ин роҳ қадам мезанад, / *Дамдамаи мулки қидам* мезанад. // Каждый кто идет по этому пути, / Создает шум и гам от своей древности [4, с.63].

Ибн (сын, потомок) + *и амми Расул* (дядя пророка Мухаммада (с)) = *ибни амми Расул* – сын дяди пророка Мухаммада (с), то есть пророк Али (р): 3-ӯ бипурсид *ибни амми Расул*, / Соҳиби Зулфиқору чуфти Батул. // У него спросили сын дяди Пророка, / Владеет Зулфикаром и супруги Батула (Фатымы) [4, с.193]. Естественно, что суть словосочетания «ибни амми Расул» без второго полустипиши невозможно определить, однако если нами будут встречены словосочетания «соҳиби Зулфиқор» (владелец обоюдоострого меча под названием Зулфикар) и «чуфти Батул» (супруга Фатима (р), где слово «батул» означает прозвище благонравной, добродетельной, целомудренной женщины), то можно понять, что поэт ведет речь идет о пророке Али (р). Другим интересным моментом является то, что в этом словосочетании употреблено прямое, а не переносное значение. Следующее сложное словосочетание также употреблено в его прямом значении:

Идрок (понимать, осмыслить) + *и моҳияти ашё* (сущность вещей) = *идроки моҳияти ашё* (истина вещей) – понять истинное назначение вещей:

Мақолати нуздаҳум: дар қусури ақл аз *идроки моҳияти ашъ*. // Девятнадцатое слово: о недостатках разума и понимания истины вещей [4, с.141]. Следует отметить, что данное словосочетание в предложении-названии использовано в прозаической форме. Сложное словосочетание «идроки моҳияти ашъ» является термином философской науки, в последующем вошедшем в мистику.

Каишф (открывать что-либо тайное) + *и ишороти маонӣ* (иносказательно о раскрытых тайнах науки) = *каишфи ишороти маонӣ* – понимание нераскрытых тайн: Ба шарти он ки он чо дарс хонӣ / Кунӣ *каишфи ишороти маонӣ*. // При условии, что будешь там учиться / Откройшь нераскрытые тайны [4, с.318].

Кошиф (первооткрыватель) *асрори замир* (сердечные тайны) = *кошифи асрори замир* – иносказательно об разуме мудрого человека: Ақли чаҳондида, ки пири ман аст, / *Кошифи асрори замири* ман аст. // Умудренный разумом мой настоятель, / Первооткрыватель сердечных тайн [4, с.74].

Қадр (ценность, значение) + *аҳди шабоб* (молодость) = *қадри аҳди шабоб* – *ценность периода молодости*: Бигзар аз шаҳрбанди табъу ҳавос, *Қадри аҳди шабобро* бишинос. // Минуй узника нрав и чувств, / Познай цену молодости [4, 260]. Это второе словосочетание, употребленное в своем прямом значении.

Қайсар (Цезарь, царь, правитель;) + *и қасри фалак* (в переносном значении - космос) = *қайсари қасри фалак* – иносказательно о Солнце, важнейшей планете в солнечной системе: Тораки Арш аз қадамаш карда тоҷ, / *Қайсари қасри фалакаш* дода боҷ. // Небеса сделала его шаги венцом на своей голове, / Цезарь небесного дворца отдал ему дань [4, с.34]. Это словосочетание Хаджу сказал в восхвалении досточтимого Пророка (а) и значение словосочетания «боҷ додани қайсари қасри фалак – Офтоб ба ҳазрати Муҳаммад (с)» заключается в том то, что согласно хадису «*أول ما خلق الله نوري*» – «Первое, что сотворил Аллах, это мой свет» и квинтэссенцией,

основой всего живого и космоса является свет и истина Мухаммада (с) [6, 37].

Қайд (пути, капкан) + *и уқобайни дор* (виселичный столб, состоящий из двух прямых бревен) = *қайди уқобайни дор* – иносказательно о подвергании смертельной опасности: Куштание гашта чу теҳу шикор, / В-омада дар *қайди уқобайни дор*. // Убитый стал как кинжал и дичь, / И подверглось смертельной опасности [4, с.74].

Қамар (Месяц) + *и бурчи қалол* (в переносном значении о высоком положении) = *қамари бурчи қалол* – иносказательно об уме: Он *қамари бурчи қалол* омада / В-ин гуҳари дурчи камол омада. // Он месяц созвездия величия/ И он драгоценный камень ларца совершенства [4, с.102]. Естественно, что из приведенного бейта читатель не сможет понять, кого и что подразумевает Хаджу под местоимениями «он» и «ин». Для осмысления этот бейта следует обратиться к бейту, расположенному до рассматриваемого бейта: *Ақл* дар ин марҳала донӣ, ки чист, / *Шарм* дар ин марҳала донӣ, ки кист?! // Разум в этот период, знаешь что это, / Стыдливость в этот период, знаешь что это?! [4, с.102]. Также следует отметить, что данное простое именное изафетное словосочетание взято из астрономической терминологии. Достаточно хорошие знания астрономии у Хаджу обусловили образование не только красивых и образных поэтических выражений, но и указывают на его прямое обращение к этой тематике в «Гавхар-наме» [4, с.286, 290, 293, 298, 302, 306]. По утверждению М. Обиди пристальное внимание Хаджу к астрономическим терминам и выражениям в вышеуказанном масневи навеяно сборником «Хафт пайкар» («Семь красавиц») Низами Гянджеви и «Нух сипехр» («Девять небес») Амира Хосрова Дехлави [145, с.38].

Қусур (дворцы) + *и равзаи иқбол* (в переносном значении: место, где много счастья и веселья) = *қусури равзаи иқбол* – иносказательно о счастливой судьбе: *Қусури равзаи иқболи* ўро, / Ситора хокрӯби остон бод! Во дворце цветника его счастья, / Да будет звезда метлой порога [4, с.279]. Этот бейт из хвалебной газели Хаджу, посвященной Бахауддину Мухаммаду

- визирю Амира Муборизуддина. Масневи «Гавхар-наме» содержит девять газелей [4, с.279, 283, 287, 291, 295, 299, 304, 308, 328], а в масневи «Хумай и Хумаюн» только одну газель [4, с.355]. Это подчеркнуто нами в связи с тем, что жанр масневи и газель по структуре и функциям, особым поэтическим размерам различаются друг от друга и другой отличительной чертой является использование отличающейся лексики и сочетаний.

Машириқ (восток, сторона захода Солнца) + *и анвори иноят* (в переносном значении: милосердие Всевышнего) = *машириқи анвори иноят* – иносказательно о причинах проявления милосердия Всевышнего к человеку: *Машириқи анвори иноят* туй, / Нуктаи паргори хидоят туй. // Ты восток света милосердия, / Ты точка циркуля наставления на путь истинный [4, с.62]. Согласно мистическому мировоззрению Хаджу и в целом последователей мистики именно к человеку направлена милость Всевышнего и Хаджу удалось посредством одного сложного описательного словосочетания передать простым и доступным языком глубокий мистический смысл. Точнее, употребление арабских слов без перевода в качестве исконной лексики, адаптировав их под нормы образования словосочетаний таджикского языка, построение сложного словосочетания предоставили Хаджу огромные возможности в выражении и интерпретации мистических смыслов.

Мошита (украшатель, женский парикмахер) + *и шоҳиди мастур* (целомудренная красавица) = *мошитаи шоҳиди мастур* – иносказательно о разуме, воздерживающим душу от ничтожных помыслов и желаний: *Мошитаи шоҳиди мастури* дил, / Риштакаши лӯълӯи маншури дил. // Украшатель целомудренной красавицы сердца, / Извлекающий волосатика жемчужины сердца [4, с.103].

Муқим (житель, обитатель) + *и мақоми ҳол* (духовное пристанище, где последователь мистики обретает божественную благодать) = *муқими мақоми ҳол* – достичь желаемого положения: Чун *муқими мақоми ҳол* шудам, / Аз раҳи ҳол сӯи қол шудам. // Когда стал обитателем духовного пристанища, /

Из пути откровения направился в сторону споров [4, с.189]. Необходимо отметить, что по сути, «мақом» и «ҳол» являются мистическими терминами, которыми Хаджу умело воспользовался и образовал простое сочетание «мақоми ҳол». По мнению Абунасра Сарраджа (ум. 988) «мақам это положение, которое достигается суфием посредством воздержания и тягот» и «ҳол – это божественная благодать, ниспосланная суфию в дар» [142, с.127]. Приняв во внимание эти определения, можно проследить, как в рамках художественного применения терминологическое значение этих понятий подверглись изменениям. Несомненно, эти арабские термины применялись в поэзии задолго до Хаджу. Однако поэтическое вдохновение, поэтический жанр, стилистика изложения основных смыслов и образов у разных поэтов коренным образом отличается, а модели построения сложного словосочетания с арабскими компонентами у каждого поэта имеет свои творческие отличия.

Муътакифон (аскеты, отшельники) + *и ҳарами Кибриё* (в пересном значении высшее, недостижимое царство) = *муътакифони ҳарами Кибриё* – иносказательно о достигших истины мистиках: *Муътакифони ҳарами Кибриё* / Шуста зи дил сурати кибру риё. // Аскеты святилища величия, / Очистившие душу от высокомерия и двуличия [4, с.56]. В этом словосочетании первый арабский компонент стоит во множественном числе и получил окончание «-он». Получение окончания множественного числа компонентами простых и сложных словосочетаний с арабскими компонентами особо не влияет на их смыслообразование. Однако это словосочетание все же привлекло наше внимание тем, что один из арабских компонентов принял суффикс множественного числа таджикского языка.

Наййира (светящийся) + *бурчи шаръ* (в переносном значении о высоком статусе мусульманского закона) = *наййираи бурчи шаръ* – иносказательно о знатоках закона и следующих ему людях; потомки пророка Мухаммада (с): Итрати ӯ – *наййираи бурчи шаръ*, / Дурри ҳадисаш – гухари дурчи шаръ. // Его потомки – огонь созвездие шариата, / Драгоценный

камень его хадиса – жемчуг ларца шариата [4, с.34]. Для понимания этого сложного словосочетания следует знать значение слова «итрат» (дети, потомки) и вышеупомянутую личность (пророк Мухаммад (с)). Далее можно дать пояснение первому полустижиию: Потомки пророка Мухаммада (с) лучшие знатоки и последователи шариата, поскольку получили воспитание самого досточтимого пророка.

Нафас (в переносном значении голос, звук) + *и сури қиёмат* (труба, в которую два раза громко трубит Исафил в судный день, при первом - все умирают, при втором – все мертвые воскрешаются: *Аз нафаси сури қиёмат битарс / В-аз шаби дайчури надомат битарс! // Бойся дыхания трубы страшного суда / И бойся темной ночи раскаяния* [4, с.108].

Обид (молящийся, аскет) + *и Байти маъмур* (в переносном значении мечети и медресе, построенные покровителем поэта – везирем Гиясуддином Мухаммадом, которые полны молящихся) = *обиди Байти маъмур* – иносказательно об ангелах: *Амирон хама гашта маъмури ту, / Малак обиди Байти маъмури ту.// Эмиры все стали твоим администратором, / Ангел отшельником твоей молельни ангелов* [4, с.348]. Необходимо отметить, что согласно преданиям каждый день семьдесят тысяч ангелов спускаются в Бейт аль-Ма'мур, стоять в преклонении и больше туда никогда не возвращаются. После обхода и посещения Бейт аль-Ма'мура они возвращаются на землю и обходят Каабу [127, с.277-278]. Помня об этом предании Хаджу в восхвалении вышеупомянутого визиря использовал поэтическое выражение «обиди Байти маъмури ту», подтверждая этим, что творение поэтических выражений и образов у Хаджу имеют достоверное и ясное основание.

Равнақ (авторитет, влияние) + *и мулки истафо* (иносказательно о познавших Бога, то есть пророков Аллаха) = *равнақи мулки истафо* – авторитет и влияние досточтимых пророков: *Марваи зинату Сафо аз туст, / Равнақи мулки истафо аз туст. // Шалфей убранства Сафа от тебя, / Развитие страны избранных от тебя* [4, с.163]. Независимо от влияния одного из компонентов в структурном образовании сложных словосочетаний

заимствованное слово «истафо» в это словосочетании несет главную смысловую нагрузку или точнее заимствованное слово «истафо» (избранный) является главным компонентом в словосочетании «равнақи мулки истафо».

Субҳ (утро, начало дня) + *и азизи Миср* (визирь египетского фараона, его телохранитель, который купил Юсуфа (а) своей супруге) = *субҳи азизи Миср* – иносказательно о влиянии и авторитете везиря египетского фараона: Чу хур гар баркашидї теғи зарфом, / Шудї *субҳи азизи Миср* чун шом. // Если как райская дива поднял золотой меч, / Станет утро Юсуфа как ночь [4, с.833].

Таҳсил (получать, изучать) + *и улуми дин* (религиозные науки, связанные с Кораном и хадисами) = *таҳсили улуми дин* – изучение религиозных наук: Чу Ҳорунро ба дорулмулки Бағдод / Ба *таҳсили улуми дин* фиристод. // Когда отправил Хоруна в Багдадский дворец/ Для изучения религиозных наук [4, с.318]. Это сложное словосочетание употреблено в его прямом значении.

Тутуқ (шатер, царский шатер) + *и манқабати мавлавї* (восхваление суфия) = *тутуқи манқабати мавлавї* – иносказательно о восхвалении суфия или мистика: Сўхтаи ин лахлахаи хусравї / Дар *тутуқи манқабати мавлавї*. // Поджег это царское благовоние / В шатре восхваления суфия [4, с.151]. В связи с тем, что этот бейт, по сути, является одним предложением, его сложное словосочетание также по отдельности от второго бейта не имеет должного смысла. Также следует отметить, что, не понимая словосочетание «лахлахаи хусравї» (смесь ароматных благовоний, которую поджигают в лампадке) понять замыслы поэта невозможно. Если исследовать сложное словосочетание «тутуқи манқабати мавлавї» в предложении «Дар тутуқи манқабати мавлавї ин лахлахаи хусравї сўхтаи» можно извлечь следующий смысл: В восхвалении последователя-суфия, авторитет которого передо мной не меньше чем авторитет эмиров и визирей, сказал я искренне тот стих, который достоин царей».

Из чего следует, что Хаджу мастерски и умело использовал сложные словосочетания с арабскими компонентами, бывшими в обиходе в период его жизни. Поскольку здесь речь зашла об одном из духовных наставников Хаджу, чтобы показать его величие и достоинство он воспользовался словом «тутук» и словосочетанием «лахлахаи хусравй». Именно выбранные Хаджу лексические единицы вместе с простым словосочетанием «манқабати мавлавй» образовали сложное словосочетание «тутуки манқабати мавлавй».

Файз (течение воды) + *и карами Зулчалол* (благо и милость великого Господа) = *файзи карами Зулчалол* – иносказательно об нескончаемом обилии милости Создателя благ: *Ҳаст зи файзи карами Зулчалол, / Машраби арзоқ пур оби зулол. // От милости Создателя благ, // Источник хлеба насущного наполненного чистой водой [4, с.74].*

Фаррош (уборщик, чистильщик) + *и соҳати ҳарам* (площадь вокруг Дома Господа (Каабы) = *фарроши соҳати ҳарам* – иносказательно о ветре: *Бод фарроши соҳати ҳарамаш / В-остонрӯби Каъбаи карамаш. // Ветер чистильщик площади Каабы / И прислуга Каабы ведикодущия [4, с.167].* Можно проследить, что в этом случае нетрудно проследить течение мысли поэта, сказанного в переносном значении, поскольку он упоминает описываемого – «бод», далее в его описании использует сложное словосочетание с арабскими компонентами – «фарроши соҳати ҳарам».

Хатиб (проповедник, оратор) + *и минбари маҷду уло* (кафедра, с которой проповедают ученые-богословы) = *хатиби минбари маҷду уло* – великий проповедник и оратор, внизу у минбара которого собирается множество слушателей: *Сипахдори сипоҳи авлиё ӯст, / Хатиби минбари маҷду уло ӯст. // Он полководец войска святых, / Проповедник трибуны величия [4, с.842].* Это описание Хаджу дал своему наставнику Абуисхаку Козаруни.

Ҳарим (святилище) + *и ҳазрати Иззат* (досточтимый Создатель) = *ҳарими ҳазрати Иззат* – иносказательно о божественном престоле: *Варои ҳафтум айвон чор тоқаш, / Ҳарими ҳазрати Иззат висоқаш. // Снаружи*

седьмой палаты его четыре арки, / Святилище досточтимого Создателя его жилище [4, с.582]. Этот бейт, также сказанный Хаджу во хвалу пророка Мухаммада (с) содержит сложное словосочетание с арабскими компонентами «харими хазрати Иззат», которое дополняет смысловое содержимое второго полустишия.

Хулла (новый халат, одеяние) + *и хуриёни равза* (райские красавицы) = *хуллаи хуриёни равза* – иносказательно об одеянии красавиц: *Аз ғубори ҳаво ту шӯй пок / Хуллаи хуриёни равзаи хок. // От пыли воздуха ты становишься чистым/ Новый халат райских красавиц цветник земли [4, 176].* Поскольку в этом сложном словосочетании исконно таджикское слово «хок» стало зависимым, полустишие приобретает следующее значение «одеяние земных красавиц это все что произрастает из земли и живет на земле». Здесь поэт образно говорит о том, что вода в виде дождя имеет свойство очищения всего существующего на земле.

Шамим (аромат, приятный запах) + *и насими шимол* (ветер, дующий с севера) = *шамими насими шимол* – аромат, принесенный северным ветром: *Насими шамими шимол омадӣ / В-аз он нафҳа бўи висол омадӣ/ Ветерок северного аромата, ты пришел / И от того аромата запах свидания, ты пришел [11, с.835-836].* Следует отметить, что вероятно, это словосочетание в «Хамсе» Хаджу по ошибке переписчиков записано в неправильном варианте «насами шамими шимол» [4, с.381], правильный вариант которого представлен нами выше на основе исследования «Словаря таджикского языка». В связи с этим, следует исправить вариант ранее опубликованного бейта на вариант *Шамими насими шимол омадӣ / В-аз он нафҳа бўи висол омадӣ// Аромат, принесенный северным ветром, ты пришел / И от того аромата запах свидания, ты пришел, так как неверный вариант не может полностью отразить замыслы поэта.*

Шамс (Солнце) + *и ҷалоли дувалу дин* (величие и грандиозность государства и религии) = *шамси ҷалоли дувалу дин* – иносказательно о богобоязненном государственном деятеле или человеке, от солнца подобного

лица которого государство и религия обретают величие: *Шамси чалоли дувалу дин, ки хаст / Аз майи меҳраш шаҳи сайёра маст. // Солнце величия государства и религии / От вина его любви шах планеты опьянен* [4, с.153].

Парное употребление сложных словосочетаний происходит аналогично простым словосочетаниям. В одном бейте могут быть употреблены два сложных словосочетания с арабскими компонентами. Целью этого действия также является изложение глубоких мистических смыслов, которое невозможно без арабских заимствований.

Согласно нашим подсчетам в 9 бейтах «Хамсы» имеется 18 сложных словосочетаний: «акси нури Тайфур» и «зуккаи усфури Тайфур» [4, с.587], «махатти риҳоли чалол» и «махабби риёҳи камол» [4, с.345], «маънии оёти ифзол» и «сурати роёти ичлол» [4, с.297], «мутриби базми ишрат» и «шамсаи қасри давлат» [4, с.255], «муҳити нуқтаи ифзолу тафзил» и «мадори маркази иршоду такмил» [4, с.844], «носиби роёти ҳидоят» и «шореҳи оёти иноят» [4, 103], «сокини Маккаи висол» и «тоифи Каъбаи чалол» [4, с.170], «соликони масолики чабарут» и «моликони мамолики малакут» [4, с.230], «тоирони ҳадоиқи тавҳид» и «зоирони суродиқи тамчид» [4, с.230].

В нижеприведенных примерах поэт использовал парные сложные словосочетания с арабскими компонентами:

Пример бейта: Зиҳӣ, кавнайн *акси нури Тайфур*, / Ду олам *зуккаи усфури Тайфур* / Живи, вселенная отражение света Тайфур, / Оба мира злаки и вода пташки Тайфур [4, с.587]. Первое словосочетание 1. *Акс* (отражение вещей) + *и нури Тайфур* (иносказательно о душевном свете, исходящим от Баязида Бастами) *акси нури тайфур* – иносказательно о внутреннем свете, исходящим от Баязида Бастами. Второе словосочетание 2. *Зукқа* (злаки и вода) + *и усфури Тайфур* (иносказательно о духе Баязида Бастами) = *зуккаи усфури Тайфур* – иносказательно о двух мирах.

Пример бейта: Ба сурат *маънии оёти ифзол* / Ба маънӣ *сурати роёти ичлол*. // По внешнему виду аят преимущества / По смыслу внешний вид флаг величия и достоинства [4, с.297]. Первое словосочетание 1. *Маънӣ* (смысл) +

и оёти ифзол (доказательства преимущества) = иносказательно видение чистоты внутреннего мира в отличие от внешности. Второе словосочетание 2. *Сурат* (внешний вид вещи) + *и роёти иҷлол* (флаг величия и достоинства) = *сурати роёти иҷлол* – иносказательно о видении духовного величия в отличии от телесного.

Пример бейта: *Мутриби базми ишраташ* – Нохид, / *Шамсаи қасри давлаташ* – Хуршед. // Музыкант веселого пиршества– Нохид, / Украшение главного дворца – Солнце [4, с.255]. Первое словосочетание: *Мутриб* (музыкант) + *базми ишрат* (веселое пиршество) = *мутриби базми ишрат* – иносказательно о Венере (планета Венера, покровительница музыки и танцев). Второе словосочетание: *Шамса* (украшение) + *қасри давлат* (главный дворец; двор) = *шамсаи қасри давлат* – иносказательно о Солнце. Хаджу посредством указанных сложных словосочетаний восхваляет своего покровителя Султана Саида Шахида Джамалуддина Абуисхака Махмуда. Выясняется, что количество восхваляемых лиц также влияет на степень употребления простых и сложных словосочетаний с арабскими компонентами, поскольку для восхваления каждого поэт использует особые заимствованные слова, во избежание повтора в хвалебной поэзии. Наряду с этим, в «Хамсе» поэт посвятил хвалебные стихи не только правителям и наместникам, но и суфиям и мистикам, придя к очевидному выводу, что хвалебные стихи правителям и суфиям - мистикам должны обладать явными отличиями. Например, употребление таких сложных словосочетаний как «базми ишрат» и «мутриб» в восхвалении суфия неуместно, так как данные понятия уместны на царских пиршествах. Таким же образом понятия «шамса» и «қасри давлат» не может быть отнесено к мистике, так как мистикам характерны убогие, лишённые украшений и излишеств жилища, в отличие от царских дворцов и покоев.

Пример бейта: *Муҳити нуқтаи ифзолу тафзил*, / *Мадори маркази иршоду такмил*. // Океан точки величия и благодеяния, / Ось центра назидания и совершенствования [4, с.844]. Первое словосочетание: *Муҳит*

(океан, море) + *и нуқтаи ифзолу тафзил* (иносказательно о величии в благодеяниях и милости в отличие от других) = *Муҳити нуқтаи ифзолу тафзил* – в переносном значении: быть более благородным в благодеяниях и щедрости. Многозначное заимствованное слово «ифзол» наряду со значениями «афзун кардан» (увеличивать) (1), «бартарӣ доштан» (иметь преимущество) (3), «афзунӣ дар ҳасаб» (множественно) (5), «сипос ниҳодан» (быть благодарным) (4), «некӯиву эҳсон кардан» (делать добрые дела и быть щедрым) (2) также означает «бахшиш» (подарок, дар) (6) [20, с.317-318], поэтому нами было исследовано совокупное значение этого понятия и дано толкование смысла этого словосочетания; Второе словосочетание: *Мадор* (центр вращения; ось; в переносном значении: предводитель, проводник) + *и маркази иршоду такмил* (иносказательно об обители суфиев) = *мадори маркази иршоду такмил* – иносказательно о шейхе-предводителе суфийской обители. По сведениям составителей «Хамсы», на кириллице подобные описательные выражения поэт посвятил своему наставнику Шейху Аминуддину Баляни Козаруни, в которых помимо его преданности, искренней приверженности, также присутствует доля преувеличения.

III.2.2. Образование сложных субстантивных словосочетаний посредством двух простых словосочетаний

В ходе исследования словосочетания «воситаи иқди русул» мы отметили, что следует предоставить краткие сведения о словосочетании «дурри яtimi садафи истафо» [4, с.33] и подобных ему словосочетаниях. Количество подобных словосочетаний невелико, однако по способу образования они не лишены научного значения: «дурри яtimi садафи истафо» [4, с.33], «воситаи иқди Банӣ Одам» [4, с.54], «вориси аъёни Банӣ Тай» [4, с.121], «ҳарами қайсари қасри димоғ» [4, с.50]. Указанные сложные словосочетания состоят из двух простых словосочетаний и изафетной связки «-и»: дурри ятим + *и* садафи истафо = дурри яtimi садафи истафо; воситаи

икд + *и* Банй Одам = воситаи икди Банй Одам; вориси аён + *и* Банй Тай = вориси аёни Банй Тай; ҳарами қайсар + *и* қасри димоғ ҳарами = қайсари қасри димоғ.

Дурри ятим (иносказательно о большой жемчужине, которая одна в раковине) + *и садафи устафо* (иносказательно об избранности пророком перед Господом) = *дурри ятими садафи устафо* – иносказательно о пророке Мухаммаде (с), одном из последних и избранных пророков Господа: *Дурри ятими садафи устафо*, / Воситаи икди русул – Мустафо. // Редкий жемчуг раковины избранных, / Средство соединения пророков – Мустафа [4, с.33]. Сочетание, образованное Хаджу, является одним из простых и сложных словосочетаний, сказанных во славу пророка Мухаммада (с).

Воситаи иқд (средство соединения) + *и Банй Одам* (потомки пророка Адама, то есть все человечество) = *воситаи иқди Банй Одам* – иносказательно о пророках, которые по воззрению суфиев стали причиной продолжения рода человеческого на земле: *Воситаи иқди Банй Одаманд*, / Хизркудумони масеҳодаманд. // Они средство воссоединения людей, / С поступью Хизра и молитвами Мусы [4, с.54]. Это сочетание сказано в изложении свойств пророков, которые стали причиной продолжения жизни и человеческого рода, то есть по причине их душевной чистоты, искренних молитв и пожеланий блага Всевышний хранит человеческий род и продолжает их существование. Этот смысл обретает более ясные формы во второй строке.

Вориси аён (потомок знатного рода, из рода великих людей) + *и Банй Тай* (племя Тай, известное среди арабов своей щедростью и гостеприимством и Хатам Тай из этого племени) = *вориси аёни Банй Тай* – щедрые потомки племени Тай, продолжающие традиции гостеприимства и щедрости своих предков: Гуфт, ки «дар уҳдаи ин ҳай манам, / *Вориси аёни Банй Тай* манам. // Сказал, что « в обязательстве этого племени, / Щедрый потомок племени Тай, это я [4, с.120-121].

Ҳарами қайсар (покои, где живет правитель с домочадцами и слугами) + *и қасри димоғ* (иносказательно о голове человека, где расположены чувства и головной мозг) = *ҳарами қайсари қасри димоғ* – иносказательно о голове – творческой мастерской поэта: Дар *ҳарами қайсари қасри димоғ*, / Табъи дилафрӯз фурузад чароғ. // В покоях императорского дворца чувств, / Дар волнуящий сердце зажжет лампу [4, с.50].

Для понимания истинного смысла данного сложного словосочетания нам окажет содействие простое словосочетание с первым арабским и вторым – таджикским компонентом «табъи дилафруз». Поэт образовал сложные словосочетания посредством двух заимствованных слов «димоғ» и «табъ». Данные заимствованные слова стали ключевыми и подействовали в передаче смысла, желаемого поэтом.

III.2.3. Образование сложных существительных субстантивных словосочетаний посредством сложного словосочетания и слова

Подобный способ образования сложных словосочетаний рассмотрим на основании двух словосочетаний из текста «Хамсы»: «мунзавии Масчиди Ақсои шавқ» [4, с.56], «машоми муқими байти ҳазан» [4, с.180]. В ходе компонентного и структурного анализа указанных сложных словосочетаний нами установлено, что одно сложное словосочетание с арабскими компонентами соединилось с заимствованным арабским словом, и тем самым образовало новое сложное словосочетание: мунзавии Масчиди Ақсо + *и* шавқ = мунзавии Масчиди Ақсои шавқ; машом + *и* муқими байти ҳазан = машоми муқими байти ҳазан. Следует отметить, что первое сложное словосочетание можно разделить на два простых словосочетания (мунзавии Масчид + *и* Ақсои шавқ). Простое словосочетание «Масчиди Ақсо» (Мечеть ал-Акса) является именем собственным мечети, построенной пророком Давудом (а) для иудеев, и для христиан она была местом поклонения иудеев, в последующем она стала местом поклонения и мусульман. В персидско-

таджикском литературном наследии «Масчиди Ақсо» известна своими синонимами «Мазгити Ақсо», «Байтулмақаддас», «Байти Ақсо» [19, с.20855]. Хокони сказал: Тан чун расад ба хидмат, кай зебад аз Масех, / К-ӯ хуқро ба Масчиди Ақсо раҳо кунад?!// Когда тело до службы дойдет, когда же оно отделится от Мусы, / Кто пустит свинью в мечеть Аль-Акса [19, с.20855-20856]. В связи с популярностью в использовании данного простого именного словосочетания, нами осуществлен структурный анализ его первого варианта (мунзавии Масчиди Ақсо + *и шавқ*).

Нами установлено, что в обоих сложных словосочетаниях, образованных по этому способу, позиция компонентов меняется, то есть в словосочетании «мунзавии масчиди Ақсои шавқ» сложное словосочетание является первым компонентом и лексема – вторым компонентом, в словосочетании «машоми муқими байти ҳазан», наоборот лексема является первым компонентом, а сложное словосочетание - вторым.

На основе компонентного анализа данного словосочетания определим особенности образования такого рода словосочетаний и художественные цели их употребления поэтом.

Мунзавии масчиди Ақсо (молящийся аскет мечети ал-Акса; иносказательно об аскете) + *и шавқ* (сильное влечение) = *мунзавии масчиди Ақсои шавқ* – иносказательно о взволнованном страстно ждущем влюбленном: *Мунзавии масчиди Ақсои шавқ*, / Цавҳарии гавҳари бозори завқ. // Молящийся аскет мечети ал-Акса, / Ювелир жемчуга базара наслаждений [4, 56]. Этот бейт из рассказа «Вторая глава: о месте пророков и качествах, приближенных пророка Аллаха» масневи «Равзат уль-анвар», удостоверяет в том, что поэт уделяет невероятно огромное внимание восхвалению личностей и качеств в своем творчестве.

Машом (обоняние) + *и муқими байти ҳазан* (иносказательно о пророке Якубе (а), построившим дом и ждущим в страданиях и тоске возвращения своего сына Юсуфа (а)) = *машоми муқими байти ҳазан* – чувство обоняния пророка Якуба (а): Ту расондӣ насими пирохон, / Ба машоми муқими байти

хазан. // Ты принес дуновение платья, / Туда, где обитает обоняния пророка Якуба (а) [4, с.180].

Анализ показал, что принадлежность данных словосочетаний к сложным словосочетаниям с арабскими компонентами не вызывает сомнений, и они образованы двумя способами.

Важным аспектом является определение границ фразеологических и синтаксических особенностей сложных словосочетаний данного раздела. Поскольку независимо от философской полемики о формах, содержании и их взаимосвязи, в их структурном плане больше наблюдаются синтаксическая особенность (языковая), а в содержательном плане больше прослеживается фразеологическая особенность.

Синтаксическая особенность словосочетаний можно ясно проследить в ходе компонентного анализа. Например, если бы поэт заменил слово «шавк» в составе словосочетания «мунзавии масчиди Ақсои шавк» словом «сабр», словосочетание получило бы переносное значение «ошиқи босабру тоқат» (терпеливый возлюбленный), а не значение «ошиқи шӯридаҳоли иштиёқманду пазмон» (взволнованный страстно ждущий влюбленный). То есть слово как делимый компонент сложного словосочетания вправе изменить его форму содержание. Подобное компонентное деление говорит о том, что в этом сложном словосочетании имеется сильно выраженный синтаксический признак, а не фразеологический.

Фразеологическая особенность исследуемых сложных словосочетаний в содержательном плане проявляется в том, что, если в тексте (бейтах) какой-либо неделимый компонент исключается или преобразуется, словосочетание не может выразить желаемый смысл и содержание. Это основная особенность фразеологических единиц. Например, если исключить какой-либо компонент в фразеологизме «каждуми таги бурё», который признан изафетным устойчивым словосочетанием [94, с.11], оно теряет свой смысл.

В связи с этим, исследуемые сложные словосочетания следует назвать условно «устойчивые изафетные поэтические контекстные словосочетания»,

поскольку эти словосочетания являются плодом творческого мышления и поэтического мастерства Хаджу Кирмани.

В целом, способы или модели формирования сложных словосочетаний с арабскими компонентами говорит о том, что в мистической поэзии с учетом тематики, стилистики изложения, поэтического жанра и его метрического размера Хаджу с использованием арабских заимствований создал множество образных выражений и сочетаний, часть которых принадлежат его перу, а другая часть были использованы предыдущими поэтами в этой форме или с некоторыми изменениями.

ГЛАВА IV. УПОТРЕБЛЕНИЕ АРАБСКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В «ХАМСЕ» ХАДЖУ КИРМОНИ

IV.1. Место арабских предложений – бейтов и полустиший в «Хамсе» Хаджу Кирмани

Чтение и исследование показало, что Хаджу в «Хамсе», как многие его современники, не сочинял арабскую поэзию в отдельной форме или в больших поэтических отрывках. Однако применение арабских заимствований – слов, фраз, бейтов или арабских стихов в «Хамсе» в соответствии с поэтическими и языковыми нормами периода его творчества было неизбежным. Автор предисловия к таджикскому изданию «Хамсы» Б. Рахматов считает «использование бейтов и арабских предложений во всем масневи и поэмах», «в начале масневи «Равзат уль-анвар», «Камал-наме» и «Гавхар-наме» или же использование в разделе восхваления и славословия в честь исламского пророка (с) арабских бейтов аятов и хадисов и известных арабских пословиц» Хаджу «одной из стилистических особенностей «Хамсы» [131, с.14].

Хаджу часто вносил коранические аллюзии не только в масневи, но и в газелях и касыдах. Даже в первой газели его поэтического сборника прослеживается наличие «десяти заимствованных образцов аятов и хадисов и цитирований Корана и хадисов» [132, с.191] что ясно демонстрирует его отношение к арабскому языку, священному Корану и хадисам.

По поводу применения бейтов и арабских стихов, пророческих хадисов и коранических аятов в «Хамсе» Хаджу нами представляются аналитические и статистические исследования.

IV.1.1. Арабские предложения – бейты

Применение арабских бейтов в персидско-таджикской поэзии, особенно в жанре масневи, для поэта-мистика Хаджу было традиционным подходом и не являлось новаторством в поэзии. Бейты и арабские полустишия употреблены Хаджу в «Хамсе» не столь много, и лишь в семи или восьми случаях нами выявлено использование арабского полустишия или полного бейта. Эти полустишия и бейты сочинены им самим, то есть Хаджу не заимствовал у классических или современных ему арабских поэтов, то есть не включал в стихи стихотворные строки других поэтов.

Хаджу использовал их в двух случаях: первый – во вступлении поэм или отдельных разделах, второй – при восхвалении какого-либо известного лица.

Традиция начинать поэму вступлением арабским предложением или полустишием впервые наблюдается у Низами Гянджеви. Он приводит предложение «Бисмиллохир-р-Рахмони-р-Рахим» в одной строке и впервые применил подобное вступление в своем масневи «Махзан уль-асрар»: Бисмиллохир-р-рахмони-р-рахим / Ҳаст калиди дари ганчи ҳаким [3, с.18].

Хаджу эту традицию Низами применил во вступлении масневи «Равзат уль-анвар» в пределах одного бейта: Зуййинати-р-Равзату фи-л-аввали, / Бисми Илоҳи-с-самади-л-муфзили [4, с.27]. (Перевод: Начало этого цветника украшено именем Всевышнего, ни в чем не нуждающегося и дарующего блага.

Использование арабского бейта также присутствует во вступлении масневи «Камал-наме»: Бисми ман ло илоҳа илло ҳу, / Сунъу лафзй ва зайну маъноҳу [4, с.157]. (Перевод: Во имя того, кроме которого нет другого божества, и он причина моей речи и красоты ее смысла).

Или в разделе славословия пророка, названном «В восхваление последнего пророка посланника», вступление таково:

Салли ғало равзати хайри-л-варо, / Ман хува товусу риёзи-л-худо [4, 33]. (перевод: Приветствие пречистому праху лучшего из людей – Мухаммад (с) того, кто словно павлин украшает сад наставлений).

Такая же особенность наблюдается в поэме «Хумай и Хумаюн». Поэт, восхваляя Пророка (с) наряду с сочинением персидско-таджикских бейтов посредством арабских слов сочинил бейт, полностью написанный на арабском языке: Саломун мина-л-олими-л-хокими, / Ало равзати-л-мустафа-л-хошимй [4, с.336]. (Перевод: Приветствие от Господа всезнающего и всевластного Мухаммаду (с), истинному потомку хашимитов [4, с.336].

Сам поэт этот арабский бейт перевел таким образом: Ҳазорон дуруд аз Чаҳонофарин, / Сӯи равзаи саййидулмурсалин [4, с.336]. (Перевод: Тысяча приветствий от Создателя / Саду самого благородного из пророков).

Применение арабских бейтов встречается не только при восхвалении Господа и его пророка (с), но и в славословии правителей и наместников. Например, в поэме «Хумай и Хумаюн» при восхвалении эмира Гиясиддина Мухаммада Хаджу приводит один арабский бейт: Сарию-с-сароё, мағису-л-милал, / Захиру-л-бароё, Гиёсу-д-дувал [4, с.345]. (Перевод: Предводитель войска и защитник народов. Опора народа и покровитель государств).

Следует отметить, что использование арабских бейтов в подобном метрическом размере и мелодике в персидской поэзии встречается в произведении Саади Ширази «Бустон»: Кариму-с-сачоё, чамилу-ш-шийам, / Набиййу-л-бароё, шафеъу-л-умам [7, с.204]. (Перевод: Велик происхождением, прекрасен в благородстве, / Пророк народа, милостивый к умме). Отличие состоит лишь в том, что Саади Ширази это бейт сказал в восхваление пророка Мухаммада (с), а Хаджу в восхваление эмира Гиясиддина Мухаммада, своего современника.

Исследование арабских бейтов показало, что Хаджу не прибегал без надобности к употреблению арабских заимствований. Более того, как показало исследование, целью его обращения к арабскому языку в «Хамсе» не является демонстрация своего поэтического таланта, а обусловлено

художественными целями, поскольку Хаджу в восхвалении Создателя и его пророка Мухаммада (с) несмотря на свой уникальный поэтический талант и знание языка как и другие известные поэты, создавшие масневи, такие как Санай Газневи [8], Фаридуддин Аттар [1], Джалаладдин Балхи [2], Саади Ширази [5; с.7] не мог найти подходящие и соответствующие слова и выражения и был вынужден обратиться к арабским предложениям и бейтам. языку. Первопричиной его обращения к арабскому языку имеет литературную подоплеку, в некоторых случаях выступает как уникальная стилистическая особенность автора и мастерство в применении арабских заимствований, иногда проявляющая как художественное начало, что нельзя отрицать.

IV.1.2. Арабские предложения – полустишия

Арабские полустишия, как и арабские бейты, встречаются в «Хамсе» редко и особенность их употребления тождественна арабским бейтам. Арабские полустишия в бейтах наблюдаются как в первой строке, так и во второй. Иногда полустишия употреблены поэтом полностью на арабском языке, а в некоторых случаях лишь часть полустишия. В некоторых случаях их нельзя назвать полностью арабскими, поскольку употребляются в форме персидско-таджикского словосочетания, то есть адаптированы словообразовательным моделям таджикского языка.

В связи с тем, что бейт является поэтической единицей, полустишие в большинстве случаев (за исключением полновесных, самостоятельных полустиший) в отдельности не может выразить полный смысл, признается целесообразным привести арабские полустишия вместе с персидско-таджикскими полустишиями.

В нижеследующем арабское полустишии приводится во второй строке бейта: На ўро адилу на ўро илал, *Мугису-л-варо, Холиқу лам язал* [4, с.333]. (Перевод полустишия: Защитник людей и Вечный Создатель).

В этом бейте арабское полустишие наоборот находится в первой строке бейта: *Муину-л-хаққи, сирру-л-лоҳи фи-л-арз, / Ки таъзимаш бувад бар аҳли дин фарз* [4, с.844]. (Перевод: Помощник Истинного, хранитель божественных тайн на земле).

Как уже отмечалось выше, иногда полустишия не полностью арабские, однако в связи с тем, что поэт приводит описательную лексику последовательно и согласно нормам арабского языка, половина или более половины полустишия строится по этим нормам, оставшиеся слова или сочетания по нормам персидско-таджикского языка.

Подобных полуарабских-полуперсидских полустиший, или же полустиший с двумя третями арабскими, одной третью персидско-таджикскими словами множество. Существование такого способа, помимо литературной необходимости, указанной выше, говорит о том, что поэты при сочинении стихов в целях изложения замысла считали смешение персидско-таджикских и арабских грамматических элементов не только творческой необходимостью, но и поэтическим мастерством. В связи с этим приведем пять видов таких полустиший в подтверждение сказанного:

Сазои афсару шоистаи гоҳ, / Чалолу-д-дини ва-д-дунё – Маликшоҳ [4, 309]. (Перевод: Величие религии и мира – Маликшах.)

Қивому-л-хаққи ва-д-дин, қаҳфи олам, / Низомулмулк, фаҳри оли Одам... [4, с.310]. (Перевод: Созидатель Истины и религии)

Чавобам дод ақли маслиҳатбин, / Ки «Тоҷу-л-хаққи ва-д-дунёи ва-д-дин... [4, с.597]. (Перевод: Венец истины, мира и религии)

Амину-л-милла ва-д-дин, Шайхи Аъзам, / Маҳи бурчи ҳақиқат, қаҳфи олам [4, с.844]. (Перевод: Покровитель мусульман и исламской религии)

Зиҳӣ дар олами маънӣ салотин, / Гадои муришду-д-дунёи ва-д-дин [4, 841]. (Перевод: Глава мира и религии).

IV.2. Место аятов и хадисов, высказываний мистиков в

«Хамсе» Хаджу Кирмани

IV.2.1. Коранические аяты

В филологии под понятием «коранические заимствования» понимаются слова, словосочетания и аяты священного Корана, то есть заимствованные арабские элементы из Корана. Самым важным и главным источником, из которого классические мистические поэты, особенно поэты иракского стиля, черпали суть мышления, в различных случаях воспользовались прекрасными фразами, словосочетаниями и пословицами, является священный Коран. В конце периода правления династии Газневидов (961-1186), ставшим периодом расцвета иракского стиля поэзии, единая система обучения в медресе и обязательность заучивания Корана наизусть, изучение комментариев к Корану обусловили проникновение коранических аятов в литературу [90, с.83]. Хаджу является одним из поэтов-мистиков, который плодотворно воспользовался главным источником арабского языка – Кораном. В исследуемом произведении наблюдается в основном два способа заимствований их коранических аятов.

Первый способ состоял в упоминании названий коранических сур в тексте поэтических произведений, второй способ подразумевает приведение коранических аятов и словосочетаний в соответствии с метрикой аруза.

Согласно первому способу Хаджу приводил многократно название коранических сур – «аш-Шамс», «ан-Нур», «ва-з-Зухо», «ал-Лайл» в сочетании с другой лексикой:

«*аш-Шамс*» (название суры 91; Солнце): Мусхафи хотир бикущудам нахуст, / Сурати «*ва-ш-Шамс*» баромад дуруст. // Прежде открыл книгу Коран, / Изображние «*Ва-ш-Шамс*» оказалось правильным [4, с.36].

«аз-Зухо» (название суры 93; Рассвет): Ки чун субх ояти «ва-ш-Шамс» бархонд, / Сапеда «ва-з-Зухо» аз лавҳи зар хонд. // Как утро прочитало аят «ва-ш-Шамс», / Рассвет прочитал «ва-з-Зухо» с золотой плиты [4, с.665-666].

«ан-Нур» (название суры 24; Свет): Чехраи субх аз дамат афрӯхтанд, / Сураи «Нур» аз дилат омухтанд. // Лицо утра осветили твоим дыханием, / Суру «ан-Нур» изучили из твоего сердца [4, с.61].

«ал-Лайл» (название суры 92; Ночь): Чахонро «ва-з-Зухо» аз ёд рафта, / Вале «ва-л-Лайл» дар хотир гирифта. // Мир забыл суру «Зухо», однако «ал-Лайл» сохранил в памяти [4, с.711].

Следует отметить, что подобное использование слов арабского происхождения – название коранических сур в поэзии существовало еще до поэзии Хаджу. Хаджу в этом направлении следовал традициям предшественников, в частности Санаи, Аттара, Джалаладдина Балхи.

Второй способ использования коранических заимствований в «Хамсе» намного более употребителен, и который в свою очередь, делится на два вида. Первый вид состоит их частичного заимствования аята и второй вид подразумевает полное заимствование аята.

Частичное заимствование коранического аята. В нижеприведенных бейтах поэт приводит коранические предложения и выражения из различных аятов Корана в иногда в близкой содержательной конструкции, либо в неизменной форме: «кун факон» [4, с.28], «мо зог» [4, с.36], «аласт» [4, с.56], «фаавҳо» и «мо авҳо» [4, с.582], «фатахҳар» и «қум фаанзир» [4, с.164].

«Кун факон» – одна из форм коранического предложения «Кун фаякун», упомянутой в аяте 82 суры «Ясин», а также в других аятах: Гавҳари кони карамаш «кун факон», / Фарқай баҳри ниямаш инсу чон. // Жемчуг его кладезя великодушия «кун факон», / В море его милости потонули люди и духи [4, с.28]. Данное арабское предложение означает силу и мощь Создателя. «Кун факон» является арабским предложением в повелительном наклонении, которое в «Хамсе» больше используется в переносном значении, чем в прямом:

«Кун факон» – иносказательно о бытие, мире: Хурда майи сармадӣ аз чоми чон, / Чуръаи он рехта бар «кун факон». // Выпивший вина вечности из чаши души, / Глоток которого пролился на «кун факон» [4, с.65].

«Кун факон» – иносказательно о времени, определенном периоде: Туӣ Махдииву «кун факон» маҳди ту, / Намондаст Даччол дар аҳди ту. // Маҳди «кун факон» в твое восхваление, / Не остался Даджджал в твою пору [4, с.346].

«Кун факон» – иносказательно о воле Господа и сотворении: Муроди «кун факон», мақсуди кавнайн, / Камонабрӯи кони «қоба қавсайн». // Целью «кун факон» является счастье в обоих мирах, / Красавица кладезя «қоба қавсайн» [4, с.583].

Следует отметить, что первую часть этого коранического заимствования, то есть «Кун!» (Будь) поэты часто делят на две буквы «каф» и «нун» для создания желаемых поэтических смыслов:

«Коф»-у «нун» – иносказательно о тайнах и тайных замыслах: Чу ҳарфи абад дар азал хондаанд, / Қалам бар сари «коф»-у «нун» рондаанд. // Изучив вначале слово о вечности, / Стали писать о «коф» и «нун»-е [4, с.508].

«Коф»-у «нун» – иносказательно о самом ничтожном творении Создателя: Бувад «коф»-у «нун» ҳарфе аз дафтараш, / Бувад осмон тоқе аз манзараш. // Буквы «коф» и «нун» из его тетради, / Небо стало аркой его мансарды [4, с.573].

Одним из наиболее употребительных коранических заимствований является «мо зог», извлеченное из аята 17 суры «ан-Наджм», что означает «свой взгляд пророк ни на мгновенье не отвел». Глагол «зоға» имеет значения «отвести», «уклоняться», «отклоняться», «возвращаться», «противиться», «удаляться». Это кораническое заимствование Хаджу употребил больше в переносном, иносказательном, чем в прямом значении:

«Мо зог» – прямо смотрящие, не отводящие взгляда глаза: Боз кушо наргиси «мо зог»-ро / В-об бибар хушназари боғро. // Открой глаза «мо зог» / И отнеси воду тому благожелателю из сада [4, с.36].

«*Мо зог*» – взгляд, очарованный от видения красоты Всевышнего: Наргисат масти бодаи «*мо зог*», / Базмгоҳи «абийт»-ро ту чароғ. // Глаза твои опьянены вином «*мо зог*», / Ты светоч пиршества «абийт» [4, с.164].

«*Мо зог*» – сурьма для глаз: Ба наргис даркашида кухли «*мо зог*», / Ҳабашро аз ду зулфи ҳиндуяш доғ. // Нарисовав сурьму на глаза «*мо зог*», / Нанося боль темнокожему двумя индийскими локонами [4, с.583].

Другим широко употребляемым кораническим заимствованием является «Аласт», извлеченное из аята 172 суры «ал-Аъраф», в значении «Не Я ли (ваш Господь?)». Этот вопрос относится к первому поколению, когда как каждому из людей повелел Аллах дать о самих себе свидетельство» [4, с.55-56]. По сути, это заимствование в арабском языке состоит из двух отдельных слов: «а» и «ласту». «а» – вопросительная частица, которую в арабском языке называют «харф» и «ласту» является глаголом, то есть означает «не есть ли я». Оба слова в персидско-таджикский язык вошли в цельной, монолитной форме, став одним словом, которое встречается в известных словосочетаниях «аҳди аласт», «шароби аласт» и т.п. В приведенном ниже примере слово «аласт» имеет переносное значение «соглашение между человеком и Создателем»: Бодапарастони шароби «*аласт*», / Аз қадаҳи сармадӣ афтада маст. // Любители вина «аласт», / Упавшие пьяными от бокала вечности [4, с.56].

В еще одном примере это слово имеет такое же значение – «соглашение между человеком и Создателем»: Чун ба табошири сабоҳи «*аласт*» / Бар дари дил чон ба сабуҳӣ нишаст. / Как на рассвете «аласт» / У двери сердца сел для опьянения [4, с.83].

Коранические заимствования «*фаавҳо*» и «*мо авҳо*» извлечено из аята 10 суры «ан-Наджм», означающие «...передать своему рабу то (откровение)» и «и передал его» и относящиеся к откровениям Аллаха к пророку (с) в день Вознесения. Оба коранических заимствования употреблены в прямом значении, так как поэт образовал поэтические выражения «баркушодани дари касри *фаавҳо*» (открыть ворота дворца того откровения) и «дар кӯи мо авҳо

кадам ниҳодан» (и вступить в страну того откровения, которое передано), в первом говорится иносказательно о достоинстве принятия откровения пророком (с) и началом ниспослания пророку (с) откровений Господом, и второе означает иносказательно «о долженствовании пророка (с) к исполнению откровений, то есть предназначение пророка (с) к распространению божественных предписаний»: Дари қасри «фаавҳо» баркушода, / Қадам дар кӯи «мо авҳо» ниҳода. // Открывший ворота дворца того откровения, / Вступивший в страну того откровения, которое передано [4, с.582].

В этом словосочетании «қасри фаавҳо» – иносказательно «место, откуда должно исходить откровение». Выражение «кӯи «мо авҳо» иносказательно о месте «откуда ниспослано откровение».

Оба коранических заимствования в других бейтах употреблены в аналогичном значении: Сар аз боми «фаавҳо» баркашида, / Шароб аз чоми «мо авҳо» чашида. // Понявший голову из крыши «фаавҳо», / Испивший вино из чаши «мо авҳо» [4, с.271].

Коранические заимствования «Кум фаанзир» («Встань и иди») извлеченное из аята 2 суры «аль-Мудассир», употреблено в «Хамсе» два раза. В первом случае данное заимствование употреблено в прямом значении: Нишоне аз миёнаш «қум фаанзир», / Тирозе аз сиёби ӯ «фатаҳхир». // Знак у него на ремне «кум фаанзир», / Украшение в твоём одеянии «фатаххир» [4, с.271]. Следует отметить важный аспект, что Хаджу оба коранических заимствования в одном бейте положил в единую рифму. Подобный подход к кораническим заимствованиям является одной из особенностей употребления арабской лексики в «Хамсе». Выражение «Фатаххир» (И в чистоте блюди свои одежды) извлечено из 4 суры «аль-Мудассир».

Во втором случае по причине того, что Хаджу использовал его в составе словосочетания, в котором оно получило иносказательный смысл: Чунон сарве, ки қанд аз писта резад, / Зи боғи «қум фаанзир» барнахезад. // Такой кипарис, что из губ осыпается сахар, / Что из сада «кум фаанзир» не

поднимется [4, с.584]. Словосочетание «*боги қум фаанзир*» иносказательно о «шариате и божественном пророчестве» и «сарв» иносказательно о последнем пророке (с).

В другом бейте Хаджу посредством двух коранических выражений – «*фатаҳҳир*» и «*қум фаанзир*» образовал два персидско-таджикских словосочетания, в которых произошел перенос смысла упомянутых коранических заимствований: Эй сиёби «*фатаҳҳир*»-ат дар бар, / Афсари «*қум фаанзир*»-ат бар сар. // О чье одеяние «*фатаҳҳир*», / Венец на голове «*қум фаанзир*» [4, с.164]. Замыслом поэта от словосочетания «сиёби «*фатаҳҳир*» «чистая, надлежащая молитве, одежда», целью от выражения «афсари «*қум фаанзир*» «главенство шариату и пророчеству».

Следующее словосочетание «*Лимани-л-мулк*» – «И чье владычество в тот День...», извлеченное из аята 16 суры «Гафер»; имеет переносное значение – иносказательно о Господе: К-аз «*лимани-л-мулк*» чу ояд хитоб, / Кас набувад чуз Ту, ки гӯяд чавоб.// Как только от «*лимани-л-мулк*» придет возглас, / Не будет никого кроме тебя чтобы ответит [4, с.32].

«*Кағалии-л-ҳамим*» – «Точно бурлящий кипяток»; аят 46 суры «ад-Духан»; прямое значение: Хуни чигар дар дили хасмат зи бим, / Қӯш бароварда «*кағалии-л-ҳамим*». // Жестокие страдания в твоём враждебном сердце от страха, / Закипели от «*кағалии-л-ҳамим*» [4, с.38].

«*Юҳйи-л-изом*» – «Вернуть жизнь истлевшим костям»; аят 78 суры «Ясин»; переносный значение – *дающий, вдыхающий жизнь*: Накҳати анфоси ту «*юҳйи-л-изом*», / Хидмати даргоҳи ту ақса-л-маром. // Аромат твоего дыхания «*юҳйи-л-изом*», / Служба во дворе твоём предел желаний [4, с.39].

«*Ҳал мин мазид*» – «А есть ли кто-нибудь еще»; аят 30 суры «Кяф»; переносное значение – *большое и сильное желание*: Масти шароби самадӣ, Боязид, / Он ки задӣ наъраи «*ҳал мин мазид*». // Ты опьянён от вина владыки Боязид, / Тот, что прогремел «*ҳал мин мазид*» [4, с.63].

«*Қоба қавсайн*» – «на расстоянии двух пролетов лука...»; аят 9 суры «ан-Наджм»; переносное значение: – близость пророка (с) с Господом в день

Вознесения: Ту камондори «қоба қавсайн»-й, / Аршро зебу фаршро зайнй. // Ты искусный лучник «коба кавсайн», / Украшение небес и краса земли [4, с.163].

Развернутое или полное заимствование аята. В некоторых бейтах «Хамсы» можно встретить употребление аята в полном объеме или большей его части. Этот способ употребления аятов встречается сравнительно меньше, поскольку поэмы «Хамсы» написаны всего в четырех метрических ритмах и четырех размерах (сарей, хафиф, хазадж, мутакариб). «Равзат уль-анвар» сочинен в размере сарей матви макшуф (– VV – / – VV – / – V –), «Камал-наме» в размере хафиф мусаддас махбун (– V – – / V – – – / – –), «Гавхар-наме» и «Гуль и Навруз» в размере хазадж мусаддас махзуф (максур) (V – – – / V – – – / V – (~)) и «Хумай и Хумаюн» в размере мутакариб мусамман махзуф (максур) (V – – / V – – / V – – / V – (~)). Адаптировать в указанных метрических размерах и ритмах один аят неестественно и даже в случае размещения в бейте целого аята в этих размерах и ритмах, он обретает тяжелую и несоразмерную форму. В подтверждение можно привести употребление Низами Гянджеви предложения «Бисмиллоҳи-р-Раҳмони-р-Раҳим» в размере сарей матви макшуф (– VV – / – VV – / – V –).

В масневи «Камал-наме» заимствована большая часть аята 30 суры «аль-Анбия» – «мина-л-мои кулла шайъин ҳай» – «И извели из животворной влаги всякое живое существо»: Муҳйии хокӣ, эй муборакпай, / Ва «мина-л-мои кулла шайъин ҳай». // Скромный Мухий, О, чей приход счастливое предзнаменование, / И «мина-л-мои кулла шайъин ҳай» [4, с.176].

Подобное заимствование наибольшей части аята говорит о существенном влиянии священного Корана на персидско-таджикский язык.

В нижеприведенном примере из масневи «Камал-наме» поэт заимствовал аят 26 суры «ар-Рахман» - «куллу ман алайҳо фон» - «все, кто находится на ней (земле), исчезнет» в переносном значении имеется ввиду, что «все земное – тленно», и образовал из нее полустиише, при этом

обозначив, что это есть аят: Ояти «куллу ман алайҳо фон», / Бар се фарзанду чор модар хон. // Аят «куллу ман алайҳо фон», / Прочитай трем детям и четверем матерям [4, с.188].

Следует отметить, что придание метрического размера части аята – сочетания арабских слов – дело нелегкое, а размещение аята в неизменном виде в полустилише является делом еще более затруднительным. В связи с этим Хаджу для соответствия метрического размера перемещает слова в заимствованном аяте. Например: Гӯям аз сӯзи дил ба лайлу наҳор, / «*Ва қино раббано азоба-н-нор*». // Сказал от душевной боли ночью и днем, / «*Ва қино раббано азоба-н-нор*» [4, с.184-185]. Этот бейт Хаджу некоторые таджикские исследователи «Хамсы» в комментарии истолковали следующим образом: «Господь наш, храни нас от мучений ада». Ссылаясь на аят 201 суры «аль-Бакара», поэт для сохранения метрического размера переместил слово «раббана» после слова «ва қино» [4, с.184].

В целом, в поэмах «Хамсы» Хаджу привел восемьдесят коранических заимствований в виде слов, словосочетаний, отдельных предложений.

Результаты показали, что влияние священного Корана на поэтический язык, особенно на язык поэзии иракского стиля, влияние арабской культуры на общество, научные и литературные круги, обусловило то, что вначале коранические заимствования проникли в научно-литературный язык, и далее в разговорный язык персоязычных стран, и далее усилиями поэтов глубоко проникли в персидско-таджикскую поэзию. Проникновение коранических заимствований в персидско-таджикскую поэзию, в частности в поэмы «Хамса» Хаджу Кирмани происходило в виде слов и выражений, отдельных предложений, что демонстрирует огромное, существенное влияние арабского языка и языка Корана, с другой стороны, указывает на широкие возможности принятия и адаптации заимствований в персидско-таджикском языке, в частности персидско-таджикской поэзии.

Следует отметить, что при проникновении коранических заимствований из арабского языка в персидско-таджикский язык, особенно в

поэзию иракского стиля происходит явление семасиологии – изменения значения, то есть в заимствующем языке, наряду с прямым значением коранических заимствований возникает их переносное, иносказательное значение.

IV.2.2. Пророческие хадисы

Пророческие хадисы после коранических аятов считаются самыми авторитетными источниками для классических поэтов персидско-таджикской поэзии. В связи с этим, заимствование хадисов в «Хамсе» Хаджу является обычным лингвистическим явлением, которое происходило до Хаджу и последующие периоды.

Способы и подходы в заимствовании хадисов визуально имеет сходство с заимствованием коранических аятов. Частичное заимствование их пророческих хадисов является основным для Хаджу. Поэт с заимствованием слов, выражений, некоторых хадисов в поэзии имеет ввиду их полное значение и содержание, а не частичный смысл. То есть при заимствовании одного слова или словосочетания из хадиса охватывается полный смысл хадиса.

В «Хамсе» внимание Хаджу больше акцентировано на более часто употребляемые хадисы, которые заимствовали предыдущие мистические поэты.

Следует отметить, что при частичном заимствовании хадиса первый компонент хадиса выбран поэтом как заимствуемый компонент, из которого в последующем поэт образовал красивые поэтические выражения и сочетания и использовал для обозначения глубоких мистических смыслов.

Например, из пророческого хадиса «Лав лока ламо халакту-л-афлока» – «Если бы тебя не было, Мы не сотворили бы мир» Хаджу заимствовал только первую часть хадиса в сокращенной форме «Лав лока» и привел в следующем бейте: Шоҳи Ҳабаш омада мавлои ӯ, / Кисвати «Лав лок» ба

болои ӯ.// Эфиопский шах является его покровителем, / Одевание «Лав лок» его покрывалом [4, с.34]. «Лав лок» в составе заимствованного словосочетания (в прямом значении совсем не о том, что с начала сотворения мира досточтимый пророк (с) считался последним пророком, а в иносказательном – в значении «сущность сотворения, квинтэссенция создания»). Поскольку поэт этим словосочетанием дал описание пророку Мухаммада (с) в начале масневи «Равзат уль-анвар».

Подобное частичное заимствование указанного хадиса также встречается и в несколько других бейтах, где поэт умело создает новые словосочетания во славу пророка Мухаммада (с): Эй ба рух моҳи матлаи «Лав лок» / В-эй ба қад сарви гулшани афлок // О, лицом как месяц восхода «Лав лок» // И эй, что станом как кипарис небесного цветника [4, с.162]. Сулаймонқадри шодирвони «Лав лок», / Чанибатрони нух майдони афлок // Самое достойное создание, уважаемое из всех созданий «Лав лок»/ Всадник семи небесных сфер [4, с.582].

В первом бейте компонент «Лав лок» находится в составе поэтического словосочетания «моҳи матлаи «Лав лок» в значении «первое творение Создателя» - ссылка на «свет Мухаммада (с)». Во втором бейте в составе словосочетания «Сулаймонқадри шодирвони «Лав лок» в значении «самое достойное создание, уважаемое из всех созданий», что также относится к хвалебной риторике в честь пророка Мухаммада (с).

Подобный подход в частичном заимствовании, то есть заимствование первого компонента хадиса на примере хадиса «Лӣ маъаллоҳи вақтун ло йасаъанӣ фиҳи малакун муқарраб ва ло набиййун мурсал» – «У меня с Господом такое время, в котором нет места ни одному ближайшему ангелу или пророку-посланнику» свидетельствует о том, что Хаджу посчитал целесообразным заимствовать первую часть хадиса: Шаҳаншоҳи русул, сархайли даргоҳ, / Сарирафрӯзи мулки «лӣ маъаллоҳ» // Шахиншах пророков, предводитель дворца / Озаряющий престола страны «ли ма'аллох» [4, с.270].

Сипахсолори наздикони даргоҳ, / Чароғи базмгоҳи «лӣ маъаллоҳ» // Полководец приближенных дворца/ Свет пиршества «ли ма'аллох» [4, с.582].

Анализ приведенного бейта говорит о том, что поэт первую часть указанного хадиса, то есть «Лӣ маъаллоҳ» после частичного заимствования расположил в составе описательных словосочетаний «сарирафрӯзи мулки «лӣ маъаллоҳ» и «чароғи базмгоҳи «лӣ маъаллоҳ».

Первая часть указанного хадиса – «Лӣ маъаллоҳ» в первом словосочетании обладает следующим смыслом «самое высокочтимое создание перед Аллахом» и во втором словосочетании в иноказательном значении «самое ценное создание среди всех созданий Аллаха».

Хаджу осуществил не только частичное заимствование первой части хадиса, но и среднюю часть, то есть слова и словосочетания, находящиеся в середине хадиса. Например, поэт заимствовал среднюю часть хадиса «Иннӣ ласту кааҳадикум, иннӣ абиту ьинда раббӣ, йутъимунӣ раббӣ ва йасқинӣ» – «Я не похож ни на одного из вас, я перед Господом моим ночи в ночном бдении, кормит и поит меня Господь мой» слово «абиту» и после заимствования расположил его в составе словосочетаний «лофи абит» в переносном значении «высший статус», «величественность»: Лофи «абит» аз сари мастӣ зада, / Пои шараф бар сари ҳастӣ зада / Хвалясь от опьянения «высоким статусом» / Наступив ногой чести на бытие [4, с.34-35].

В составе словосочетания «шабистони абит» средняя часть хадиса употреблена в прямом значении «проводить ночь в бдении»: Зи шахристони кудсаш обу дона, / Шабистони «абит»-аш ошёна // Городище святости его вода и хлеб / Проведения ночи в бдении его обители [4, с.582].

Вместе с пророческими хадисами поэт также заимствовал и использовал в бейтах известное арабское благословение саххабов в отношении пророка (с) - «Рухӣ фидок» – «Да буду жертвой за тебя!». Хаджу перенял это благословение в «Равзат уль-анвар» благодаря влиянию Низами, который в «Махзан уль-асрар» использовал его в бейте «Эй тани ту поктар аз чони пок, / Рӯҳи ту парвардаи «рӯҳӣ фидок» // О что тело твое чище от

праведной души// Чья душа воспитана в духе «самоотверженности» [3, с.29] в честь пророка Мухаммада (с): Соят аз нуру тан аз чони пок, / Сарви ту аз гулшани «*рӯҳӣ фидок*»// Тень твоя из света, а тело из чистой души/ Стан твой от цветника «самоотверженности» [4, с.35].

IV.2.3. Высказывания мистиков

Заимствование классических поэтов и прозаиков, в числе которых Хаджу, не ограничивается только кораническими аятами и пророческими хадисами, но и содержит высказывания (цитаты) мистиков и выдающихся представителей мистицизма. Естественно, каждое высказывание и цитата мистиков и мудрецов, приведенные Хаджу в «Хамсе», опирается на какое-либо сказание или предание, исследование которых в целях настоящего исследования не имеет надобности. Нам следует акцентировать внимание на структурно-семантическое преобразование таких высказываний и цитат в процессе заимствования и применения Хаджу.

В «Хамсе» Хаджу, как и в других мистических произведениях классической литературы, встречаются полностью или частично заимствованные известные высказывания «Аналхак» Мансура Халладжа, «Субхонӣ, мо аъзаму шонӣ» и «Лайса фӣ чуббатӣ сиваллоҳи» Баязида Бастами. Например, высказывание «Аналхак» Мансура Халладжа, что означает «Я – истина» (Я-прав) по объему невелико и Хаджу, как и многие поэты заимствовал его в поэзию в полном объеме: Ҳамчу Мансур сар мапеч аз дор, / К-аз «*Аналҳақ*» ба сар наёяд кор // Не отворачивайся как Мансур от виселицы / Что от «притязания на божественность» ничего не исходит [4, с.242]. Мистическая цитата «Аналхак» в данном бейте имеет не прямое, а переносное значение, то есть означает «притязание на божественность».

Высказывание «Субхонӣ, мо аъзаму шонӣ» – «Я чист от недостатков, Велика слава моя» по объему большое, и состоит из нескольких слов, Хаджу также умело частично заимствовал: Эй, ки дам аз мулки маонӣ занӣ, /

Навбати «*Мо аъзаму шонӣ*» занӣ // Эй, что говоришь о божественной сути /Настало время твердить «Велика слава моя» [4, с.145]. Хаджу заимствовал вторую часть высказывания Баязида Бастами. В этом бейте при заимствовании значение высказывания, существовавшего в арабском языке и в прямом значении, трансформировалось, отдалилось от прямого значения и получило переносное значение «быть великим, быть доблестным, обладать величием».

Высказывание «Лайса фӣ чуббатӣ сиваллоҳи» – «Под одеянием моим нет никого, кроме Аллаха» иногда также причисляют Абусаиду Абулхайру. Однако принадлежность высказывания не является целью нашего исследования, нам следует уделить внимание вопросу каким структурно-семантическим трансформациям подвергается это высказывание при заимствовании из арабского языка в персидско-таджикский язык.

Таким образом, посредством структурно-аналитического исследования было установлено, что в предыдущем высказывании произошло заимствование второй части. В следующем высказывании также наблюдается подобное частичное заимствование: Касе ёбад дар ин хилватсаро роҳ, / Ки бартобад инон аз «*мо сиваллоҳ*»// Кто найдет в этой келье путь / Что сплетет узду из слов «нет никого, кроме Аллаха»» [4, с.776]. Однако следует отметить, что в процессе заимствования и применения указанной части высказывания оно не подверглось семантической трансформации, и не вышло за рамки прямого значения - «нет Бога, кроме Аллаха», и в бейте обладает таким же значением.

Высказывания и цитаты известных мистиков в «Хамсе» Хаджу не ограничивается только приведенными нами примерами бейтов, поскольку такие высказывания в кратком виде заимствованы в виде мистической терминологии – отдельных арабских слов и словосочетаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принимая во внимание обширность и многосложность арабских заимствований, в особенности синтаксических и фразеологии словосочетаний, их проникновение посредством калькирования в лексический состав персидско-таджикского языка, а также большой объем иллюстративного материала, извлеченного из «Хамсы» Хаджу Кирмани, мы посчитали необходимым охватить исследованием в основном простые, производные и сложные арабские заимствованиями, а также простыми и сложными изафетными субстантивными словосочетаниями, поскольку такой подход к научной интерпретации темы позволит осуществить всестороннее и скрупулезное исследование проблемы. Результаты исследования по каждому из шести разделов четырех глав диссертации представлены отдельно, под определенными номерами, состоящими из нескольких пунктов. В заключении сформулированы общие выводы, расширяющие границы применимости полученных результатов и обеспечивающие перспективность их применения в теории и практике лингвистики:

1. Большинство арабских заимствований «Хамсы» Хаджу являются простые лексемы, которые в тексте выступают в функции имен существительных, прилагательных и наречий. Согласно статистическому подсчету количество арабских заимствований в «Хамсе» достигает 24 720 лексем.

Простые арабские заимствования в составе словосочетаний и в самостоятельной форме употреблены поэтом вместо их персидско-таджикских эквивалентов во избежание повтора и образного выражения поэтических сентенций, а также с целью достижения благозвучия в метрической системе масневи, в чем он проявляет большое художественное мастерство. Определенную часть простых арабских заимствований составляют рифмующиеся, то есть соизмеримые по звучанию слова. Употребление поэтом простых арабизмов в начале строф с целью достижения мелодичности и созвучия в ритмической организации

стихотворной речи убеждает в том, что Хаджу в ходе стихосложения учитывает не только художественный замысел, но и фонетические возможности арабских заимствований.

В «Хамсе» арабские заимствования, выраженные простыми существительными, характеризуются высокой степенью употребительности и составляют около 95% простых арабизмов. Некоторые простые арабизмы, в частности собственное существительное «Хизр», в тексте «Хамсы» находят широкое употребление, и это обусловлено, прежде всего, терминологическим значением данной лексической единицы. Более того, терминологическое значение простых арабизмов, в частности «соқй» и «хаммор» в значении «старец, шейх, предводитель суфиев», способствовало возникновению явления синонимии в исследуемом произведении.

Одной из важнейших и ярких особенностей арабских заимствований «Хамсы», и в целом мистических произведений, является их парное употребление в форме слов и словосочетаний в пределах одного бейта или же одной строфы. Это явление условно названо парным употреблением слов. Парное употребление абстрактных существительных на примере антонимичных и синонимичных пар в исследуемом произведении демонстрирует степень их активного участия.

Правильное употребление арабских прилагательных и их пар способствовало не только благозвучности языка поэзии Хаджу, но и выражению поэтом тончайших художественных замыслов.

Определенная часть арабских заимствований «Хамсы» относятся к наречиям, большинство из которых подверглось явлению субстантивации и адвербиализации.

2. В образовании производных арабских слов участвовало большинство простых арабских заимствований. Адаптация простых арабизмов к внутренним закономерностям персидско-таджикского языка и их активное участие в словообразовании производных существительных в качестве исходных лексем посредством словообразовательных приставок и суффиксов

имен существительных, свидетельствует о высокой степени их «усвояемости» и участия в качестве исконных лексем в создании мистических произведений.

Сравнительный анализ поэтических сочинений Хафиза Ширази и Камола Худжанди с точки зрения употребления простых арабизмов, участвовавших в образовании производных слов с помощью приставки «хам-», выявляет родство и тождественность в языке их поэзии и в специфике употребления арабизмов.

В образовании производных слов арабские заимствования чаще всего соединяются с приставками «бо-» и «бе-».

С продуктивным суффиксом «-й» арабские заимствования образовали большое количество производных слов, однако со словообразовательным суффиксом «-истон», обозначающем место, посредством арабских лексем не образовано ни одно слово. В некоторых случаях поэт с целью достижения мелодичности в арузийном стихе присоединяет суффиксы к арабским заимствованиям. Например, производное слово «меодгах» и без суффикса *-гах* означает «место встречи, общения». Хаджу с целью заполнения ритмического пробела, присоединяет к этому слову суффикс, то есть один длинный слог (-).

Производные прилагательные ««хурваш» и «нурваш», а также «бехур» и «бенур» свидетельствуют о том, что Хаджу уделял особое внимание образованию слов, в особенности производных слов, с посредством арабизмов.

Явление префиксация и суффиксация арабских заимствований в «Хамсе» и их активное участие в образовании производных существительных и прилагательных в определенной степени демонстрирует степень активности словообразовательных префиксов и суффиксов имен существительных и прилагательных в языке прозаических произведений конца XIII и первой половины XIV века.

3. В ходе статистического и компонентного анализа установлено, что около 200 слов «Хамсы» образовано по модели «арабская лексема + таджикская лексема», менее 100 слов образовано по модели «таджикская лексема + арабская лексема», и около 59 слов образовано по модели «арабская лексема + арабская лексема». Безусловно, эти модели и способы образования сложных слов соответствуют правилам словообразования современного таджикского литературного языка. В некоторых случаях с точки зрения частеречной принадлежности наблюдается изменение позиций компонентов.

Большинство сложных слов модели «арабская лексема + таджикская лексема», являются существительными и прилагательными, которые в свою очередь образуются четырьмя способами (1. арабское существительное + таджикский глагол. 2. арабское существительное + таджикское существительное. 3. арабское прилагательное + таджикское существительное. 4. арабское существительное + таджикское прилагательное). Сложные слова «чурмкор», «мусаввардеба», мураввахбустон относятся к перу самого Хаджу. В построении двух последних упомянутых сложных слов ясно прослеживается влияние стихотворного размера, поскольку в действительности они являются словосочетаниями. По всей видимости, ритмико-интонационное строение стихотворного отрывка или же плод фантазии поэта послужили причиной образования сложного слова из словосочетания, поскольку с точки зрения соразмерности к метрической системе стиха сложные слова более адаптированы нежели словосочетания. Вопросы роли и влияния различных стихотворных размеров, в особенности квантитативной системы стихосложения мистических сочинений на образование сложных слов должны быть охвачены научным взглядом лингвистов и литературоведов в области лексикологии и поэтики.

Сложные арабизмы модели «таджикская лексема + арабская лексема», независимо от их принадлежности к именам существительным и прилагательным, образуются тремя способами (1. «таджикское числительное

+ арабское существительное». 2. «таджикское существительное + арабское существительное», 3. «таджикское прилагательное + арабское существительное»). Продуктивность этих способов образования отличается по степени активности. Несмотря на малочисленность сложных прилагательных этой модели образования по сравнению со сложными существительными, в тексте «Хамсы» они активно употребляются для создания образов и описания характеров персонажей. Несомненно, поэт с этой целью наравне со сложными прилагательными употребляет и сложные существительные, однако степень их употребления не столь высока как у сложных прилагательных. Сложные существительные употреблены поэтом в основном в ходе описания процесса формирования личности персонажей.

Сложные существительные модели «арабская лексема + арабская лексема» образованы двумя способами: (1. «арабское существительное + арабское существительное». 2. «арабское прилагательное + арабское существительное»), а сложные прилагательные тремя способами: (1. «арабское существительное + арабское существительное» 2. «арабское существительное + арабское прилагательное» 3. «арабское прилагательное + арабское существительное»). Несмотря на то, что сложные слова этой модели и способов образования в количественном отношении уступают другим, однако по специфике их употребления можно судить об особенностях словообразования сложных слов с арабскими компонентами в персидско-таджикском языке. Арабские заимствования, характеризующиеся активным участием в образовании сложных слов по этой модели словообразования, настолько «усвоены» персидско-таджикском языком и адаптированы к его природе, что Хаджу смог облечь их в различные формы и мастерски использовать для выражения своих мистических воззрений, как в свободной форме, так и в составе словосочетаний.

Активное участие арабских заимствований во всех моделях и способах образования сложных слов свидетельствует о том, что арабские заимствования смогли в определенной мере занять устойчивое место в

лексическом составе персидско-таджикского языка конца XIII и первой половины XIV вв. Следует отметить, что обильное употребление арабских заимствований, в особенности сложных слов с одним или двумя арабскими компонентами в языке литературных произведений, в исследуемом периоде воспринималось как закономерное явление.

Одной из важнейших особенностей большинства сложных слов указанных моделей и способов образования является их употребление в качестве суфийских терминов и приобретение ими метафоричного значения. Хаджу Кирмани достаточно гармонично и с большим поэтическим мастерством использовал арабские заимствования в своих масневи. Если активное употребление сложных слов, с одной стороны, удостоверяет влияние арабских заимствований на живой язык периода жизни Хаджу, то с другой стороны, является свидетельством овладения поэтом всех тонкостей арабского и персидско-таджикского языков.

4. Большой объем и структурное многообразие фактологического материала, а также полемичность некоторых из арабских заимствований, подвели нас к осуществлению компонентного анализа и классификации синтаксических словосочетаний «Хамсы» Хаджу, образованных исключительно из арабизмов.

Простые изафетные субстантивные словосочетания с арабскими компонентами классифицируются по частеречной принадлежности компонентов и способам образования «существительное + существительное» (1), «существительное + прилагательное» (2), «существительное + наречие». (3). Степень продуктивности указанных способов различен. Первый способ проявляет большую продуктивность, так как из 503 зафиксированных простых словосочетаний с арабскими компонентами, 449 простых изафетных субстантивных словосочетаний образованы из существительного с существительным. Второй способ менее продуктивен. Третий способ является непродуктивным.

В целом в исследуемом произведении зафиксировано 65 сложных изафетных субстантивных словосочетаний из арабских компонентов», которые также по частеречной принадлежности подразделяются на следующие способы: «простое существительное + лексема» (1), «простое словосочетание + простое словосочетание» (2), «сложное словосочетание + слово» (3).

Первый способ образования сложных изафетных субстантивных словосочетаний, относящийся к четвертому способу образования всех сложных словосочетаний, является одним из наиболее продуктивных способов образования и, в свою очередь, делится на два подтипа: а) «простое субстантивное словосочетание» (главный компонент) + и (изафетная связка) + существительное или прилагательное (зависимый компонент)»; б) «существительное (главный компонент) + и (изафетная связка) + простое субстантивное словосочетание (зависимый компонент)». Из 60 сложных изафетных субстантивных словосочетаний, за исключением 18 сложных парных словосочетаний, 34 сложных словосочетания образованы по первому подтипу (а) и 8 сложных словосочетаний по второму подтипу (б).

5. Следует отметить, что второй и третий способы образования сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами являются уникальными способами образования сложных словосочетаний. По второму способу - «простое словосочетание + простое словосочетание» в тексте «Хамсы» зафиксированы всего четыре словосочетания - ««дурри яtimi садафи истафо», «воситаи икди Банй Одам», «вориси аёни Банй Тай», «ҳарами қайсари қасри димоғ». Если расчленить эти словосочетания и рассматривать их как простые словосочетания, то они не смогут выразить мысль, которую поэт хотел выразить. Поэтому эти словосочетания следует рассматривать как одну языковую единицу, т.е. своего рода сложное изафетное субстантивное словосочетание с метафоричным значением, созданное самим Ходжу, другого объяснения не может быть. Именно в таких словосочетаниях можно увидеть своеобразие

синтаксических свободных словосочетаний и фразеологизмов, границы которых трудно установить.

По третьему способу образования сложных словосочетаний – «сложное словосочетание + лексема» зафиксированы два словосочетания: «мунзавии масчиди ақсои шавқ», «машоми муқими байти ҳазан». Компонентный анализ этих двух уникальных сложных словосочетаний показал, что в первом словосочетании сложное существительное является первым компонентом, а лексема — вторым, а во втором словосочетании, наоборот, лексема является первым компонентом, а сложное словосочетание – вторым. По структуре и выражению мысли эти два сложных словосочетаний обладают признаками и синтаксически свободных словосочетаний, и фразеологизмов. Роль изафетной связки «-и» достаточно весома и в образовании простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний, поскольку на этот элемент персидско-таджикского языка ложится основная нагрузка образования словосочетаний из арабских компонентов. Именно наличие изафетной связки «-и» позволило средневековым поэтам и писателям, таким как Хаджу, употребить арабские заимствования без перевода и адаптировать их как и исходных лексических единиц к словообразовательным канонам персидско-таджикского языка, и создать тем самым простые и сложные словосочетания с арабскими компонентами для выражения высокохудожественных мыслей. Временно отложив подробное и углубленное изучение уникальных словосочетаний, созданных по второму и третьему способу словообразования, следует условно назвать их с учетом их синтаксических и фразеологических особенностей «устойчивыми изафетными поэтическими контекстными словосочетаниями», поскольку такого рода словосочетания в произведениях других поэтов и писателей встречаются для выражения совершенно иных мыслей.

6.Одной из особенностей словосочетаний с двумя арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу, независимо от того, простые они или сложные, является их парное употребление в пределах бейтов и полустиший.

Хаджу размещал эти словосочетания в зависимости от художественных целей в начале, середине и в конце строф. Другими словами, поэт, употребив в одном бейте два словосочетания с арабскими компонентами, стремился достичь плавности и большой художественной выразительности. В некоторых стихах можно наблюдать использование четырех простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами. Обилие простых изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу свидетельствует о том, что в XIII-XIV веках поэты-мистики, обращаясь к арабским заимствованиям для выражения мистических воззрений, широко использовали эту возможность персидско-таджикского языка. В своем произведении Хаджу Кирмани для изложения своих мыслей использовал и создал словосочетания, компоненты которых выражены исключительно арабскими лексемами.

Общая картина употребления простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» Хаджу Кирмани удостоверяет в том, что персидско-таджикский язык обладает особыми возможностями и потенциалом для заимствования, адаптации арабских слов к словообразовательным принципам персидско-таджикского языка и их усвоения посредством применения в поэтизированных моделях, что свидетельствует о несомненности художественного мастерства этого поэта в создании богатых по содержанию и по языковому своеобразию поэтических образцов, чарующих читателя своей изысканностью и благозвучностью.

7. Своеобразие способов и приемов употребления арабских заимствований – простых арабизмов, сложных слов с одним или двумя арабскими компонентами, простых и сложных изафетных словосочетаний с арабскими компонентами в «Хамсе» отображает лишь одну из граней поэтического стиля Хаджу Кирманив в создании маснави. Всестороннее и многоаспектное исследование и научное осмысление всех феноменов творчества этого незаурядного художника заложит прочное основание не

только для постижения и оценки специфики его художественного мастерства в создании масневи и определения преимуществ этого жанра в сопоставлении с газелями, касыдами и другими жанрами поэзии, но и для сравнения своеобразий индивидуального стиля Хаджу с художественным стилем поэтов, испробовавших свои силы в создании хамсы.

8. Из содержания предисловия к таджикскому изданию «Хамсы», части «Рукописи «Хамсы» Ходжу» следует, что в прочтении некоторых слов составители столкнулись с сомнениями. Следует отметить, что согласно принципам критического прочтения классического текста, необходимо уделять пристальное внимание звучному прочтению сложных слов и словосочетаний, используемых в произведениях средневековых поэтов, поскольку по звучанию два слова могут быть прочтены как одно сложное слово, а сложное слово может быть прочитано как словосочетание. Например, в бейте «*Зи мижгон биборид хунобу гуфт, / Ки «эй Покмаъбуди беёру чуфт... Зи мижгон биборид хунобу гуфт, / Ки «эй Покмаъбуди беёру чуфт...»*», сложное слово «Покмаъбуд» может быть прочитано как «пок Маъбуд». В данном случае, даже если прочитать слова в двух вариантах, значение этого «словосочетания/слова» не будет искажено. В таких случаях замысел поэта, т. е. смысл текста должен стать критерием отбора.

9. В некоторых случаях квантитативная система размера аруз в «Хамсе» Хаджу становится причиной создания поэтом производных и сложных слов с одним или двумя арабскими компонентами или простых и сложных изафетных субстантивных словосочетаний с арабскими компонентами. В случаях, когда ограниченность ритмического построения стиха не позволяет поэту выразить желаемое содержание, ему приходится обратиться к употреблению заимствованных и исходных лексем для создания слов и словосочетаний. Парой такое образование слов и словосочетаний делается намеренно и является плодом фантазии самого поэта, а иногда поэт-мистик находясь под влиянием душевных переживаний создает их непроизвольно. Этот феномен наблюдается и в поэтике мистических

произведений Санаи, Аттара и Мавлана. В особенности заслуживает внимание применение таких поэтизированных словесных средств в стиле изложения «Масневи ма'нави». Даже если это не соответствует действительности, создание в течение одного месяца странствования, в июле и августе 742 г. хиджры // 1314 г. н.э. поэмы «Гюль и Навруз» в объеме 5306 бейтов является доказательством тому, что и другие поэмы «Хамсы» созданы Хаджу в порыве душевного и творческого подъема.

В этой связи в ходе исследования и анализа лексикологических и синтаксических аспектов текстологии средневековых произведений, в особенности мистических сочинений, необходимо учитывать влияние стихотворного размера на образование слов и словосочетаний.

10. Поскольку арабские бейты и полустишия, коранические аяты и пророческие хадисы, высказывания мистиков состоят из простых слов, исследование указанных арабских заимствований осуществлено в разделе, посвященном простым арабизмам. Всестороннее изучение арабских бейтов и полустиший «Хамсы» показывает, что основным фактором обращения поэта к арабскому языку (только в рамках арабских бейтов) является лингвостилистические особенности мистических произведений и отсутствие суфийских терминов в сокровищнице персидско-таджикского языка (разумеется, среди исходных лексем). Арабские заимствования употреблены поэтом не для демонстрации своего поэтического искусства, а с целью точного и соразмерного выражения суфийских воззрений и предопределено содержанием поэмы и индивидуальным стилем поэта. Арабские бейты и полустишия «Хамсы» являются авторским нововведением Хаджу, и не созданы поэтом в подражание другим арабоязычным поэтам.

Ни одно произведение мистического характера как в поэтической, так и прозаической форме, не обходится без цитирования аятов, хадисов и изречений суфиев, по выражению самих литераторов без «избитых слов». В числе таких произведений находится и «Хамса» Хаджу Кирмани, в котором содержится восемьдесят коранических аллюзий в виде отдельных слов,

словосочетаний и предложений (а также, целые аяты, отдельные части аятов). Такие заимствования бывают буквальными или смысловыми. Буквальное заимствование следует назвать словесными заимствованиями, а аллюзии на содержание – смысловыми. Аяты, хадисы и суфийские изречения, составляющие материалы нашего исследования, были заимствованы в исследуемом произведении посредством словесного цитирования.

Если эффективное использование коранических аллюзий, с одной стороны, свидетельствует о сильном влиянии арабского языка, то с другой стороны, оно удостоверяет широкие возможности персидско-таджикского языка в применении заимствований в поэтическом слоге. Коранические аяты, после проникновения в поэзию иракского стиля, в особенности в жанр масневе, сталкиваются с таким семасиологическим явлением как семантическая трансформация. Коранические заимствования, несмотря на метафорическое значение некоторые из них, в текстологии «Хамсы» в зависимости от цели и места употребления, помимо первоначального значения приобретают иное – переносное значение. Мастерство поэта проявляется и в использовании в одном бейте двух коранических аятов с целью создания созвучия. Такой способ употребления коранических аллюзий является одной из ярких особенностей языка «Хамсы» Хаджу Кирмани.

В количественном отношении заимствования из коранических аятов превалируют над заимствованиями из пророческих хадисов. Хаджу извлекает слова и толкования из наиболее популярных хадисов о сотворении мира и других мистических вопросов, посредством которых он обрамляет изящными формами свои суфийские воззрения.

Хаджу, как и другие поэты, большее внимания уделяет высказываниям таких известных арабских суфиев как Мансур Халладж, Баязид Бастоми.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

На таджикском:

1. Аттор, Фаридуддин. Мантиқ-ут-тайр; Асрорнома [Матн] / Фаридуддини Аттор. – Душанбе: Адиб, 2014. –480 с.
2. Балхӣ, Мавлоно Чалолуддин Муҳаммад. Маснавии маънавӣ: Дафтари панҷум ва шашум / Мавлоно Чалолуддин Муҳаммади Балхӣ. – Душанбе: Адиб, 2013. – 480 с.
3. Ганҷавӣ, Низомӣ. Хамса [Матн]: Махзану-л-асрор, Хусраву Ширин / Низомии Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 2012. – 480 с.
4. Кирмонӣ, Хочу. Хамса [Матн]: Таҳия ва тавзеҳи Баҳром Раҳматов, Оқилбой Оқилов ва Шоира Олимова / Хочуи Кирмонӣ. – Хучанд: Хуросон, 2017. –880 с.
5. Шерозӣ, Саъдӣ. Ғазалиёт [Матн] / Саъдии Шерозӣ.– Душанбе: Адиб, 2014.– 480 с.

На персидском:

6. رازى، نجم الدين. مرصاد العباد من المبدأ الى المعاد. به تصحيح و مقدمه محمد امين رياحى / نجم الدين رازى.– تهران: شرکت انتشارات علمى- فرهنگى، 1383. –798ص.
7. سعدى، مصلح ابن عدالله. کلیات: گلستان، بوستان، غزلیات، قصاید، رباعیات، قطعات و رسائل از روی نسخه تصحیح شده محمدعلی فروغی.– تهران: میلاد، 1385. – 1142ص.
8. سنای غزنوی، ابومجد ابن مجدود آدم. حقیقه الحقیقه و شریعة الطریقه. به تصحیح و مقدمه مریم حسینی / ابومجد ابن مجدود آدم سنای غزنوی.– تهران: نشر دانشگاه مرکزی، 1382. – هشتاد و شش، 450ص.
9. نعمت الله ولى، عبدالله ابن. دیوان. با مقدمه سعید نفیسی.– تهران: نگاه، 1375. – بیست و چهار، 835ص.

II. Словарь:

На таджикском:

10. Бобомуродов Ш., Мухторов З. Фарҳанги истилоҳоти забоншиносӣ [Матн] / Ш.Бобомуродов, З. Мухторов. –Душанбе, 2016. –428 с.

11. Сулаймонӣ, Саидрахмон. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ [Матн]: Дар 2 ҷилд / Саидрахмон Сулаймонӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. Ҷ.1. –1046 с.
12. Сулаймонӣ, Саидрахмон. Фарҳанги арабӣ-тоҷикӣ [Матн]: Дар 2 ҷилд / Саидрахмон Сулаймонӣ. – Душанбе: ЭР-граф, 2005. Ҷ.2. –1208 с.
13. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.I. А – О. Дар зери таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ. – Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 952 с.
14. Фарҳанги забони тоҷикӣ (аз асри X то ибтидои асри XX). Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.II. П-Ҷ. Дар зери таҳрири М.Ш.Шукуров, В.А.Капранов, Р.Ҳошим, Н.А.Маъсумӣ. Москва: Советская энциклопедия, 1969. – 948 с.
15. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ.I. А-Н. Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода, Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 950 с.
16. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. II. О - Я. Зери таҳрири Сайфиддин Назарзода, Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон. – Душанбе: Пажӯҳишгоҳи забон ва адабиёти Рӯдакӣ, 2008. – 945 с.
17. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. (Фарҳанги фразеологӣ). Ҷ.1. –Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1963.– 925 с.
18. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик. (Фарҳанги фразеологӣ). Ҷ.2. –Душанбе: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1964.– 802 с.
19. Шоҳаҳмад (Суруш), Абдучаббор. Фарҳанги ашъори Камоли Хучандӣ [Матн] / Абдучаббор Шоҳаҳмад (Суруш).–Хучанд, 2015.–732 с.

На персидском:

20. ادی شیر. واژه های فارسی عربی شده. ترجمه سید حبیب طیبیان. تهران: امیر کبیر، 1274- . . 294 ص.

21. دهخدا، علی اکبر. لغت نامه دهخدا. جلد دوم (ادیب- الغات). چاپ دوم از دوره جدید. - تهران: انتشارات دانشگاه تهران، 1377. - ص. 1609-3199
22. دهخدا، علی اکبر. لغت نامه دهخدا. جلد سیزدهم (گیاه-معتم). چاپ دوم از دوره جدید. - تهران: انتشارات دانشگاه تهران، 1377. - ص. 19465-21119
23. معین، محمد. فرهنگ فارسی. عبارت از 6 جلد. ج. 1 (آ-خ). چاپ هشتم / محمد معین. - تهران: سپهر، 1371. - 106 (مقدمه) + 1472 ص.
24. معین، محمد. فرهنگ فارسی. عبارت از 6 جلد. ج. 2 (د - ق). چاپ هشتم / محمد معین. - تهران: سپهر، 1371. - ص. 1474-2774
25. معین، محمد. فرهنگ فارسی. عبارت از 6 جلد. ج. 3 (ک - معلومه). چاپ هشتم / محمد معین. - تهران: سپهر، 1371. - ص. 2274-4240
26. معین، محمد. فرهنگ فارسی. عبارت از 6 جلد. ج. 4 (معلی - بیلاق و ترکیبات خارجی). چاپ هشتم / محمد معین. - تهران: سپهر، 1371. - ص. 4241 - 5777 و 318 ص.
27. عمید، حسن. فرهنگ فارسی عمید. عبارت از سه جلد. ج. 1. (ا-ج). - تهران: امیر کبیر، 1381. - 848 ص.
28. عمید، حسن. فرهنگ فارسی عمید. عبارت از سه جلد. ج. 2 (چ - ظ). - تهران: امیر کبیر، 1381. - ص. 849-1688
29. عمید، حسن. فرهنگ فارسی عمید. عبارت از سه جلد. ج. 3. (ع - ی). - تهران: امیر کبیر، 1381. - ص. 1689 - 2539
30. شهابی، علی اکبر. فرهنگ اشتقاقی عربی به فارسی. - تهران: اقبال، 1360 / 1401. - 18 (مقدمه) + 215 ص.

На русском:

31. Аландаренко М.А. Русско-арабский. Арабско-русский словарь лексики средств массовой информации. (Т. 1. - Русско-арабский) [Текст] / Аландаренко М.А. - Москва: АСТ, 2007. - 544 с.
32. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь [Текст] / Х.К. Баранов. - Москва: Русский язык, 1985. - 944 с.
33. Данилов И.С., Рыжков В.И., Анисимов М.Г. Арабско-русский и русско-арабский военный словарь [Текст] / И.С. Данилов, И.В. Рыжков, М.Г. Анисимов. - Москва: Военное издательство МО СССР, 1965. - 704 с.

Ш.Книги и диссертации:

На кириллице:

34. Абдуқодиров, А. Забон ва услуби назми Мирзо Турсунзода [Матн] / А.Абдуқодиров. – Душанбе: Дониш, 1988. – 155 с.
35. Абдурахимов С. Ибораҳои исмии забони адабии ҳозираи тоҷик[Матн] / С.Абдурахимов. – Душанбе: Дониш, 1973. -165 с.
36. Байзоев, А.М. Истилоҳот ва калимасозӣ дар «Донишнома»-и Абӯалӣ ибни Сино [Матн] / А.М. Байзоев. – Душанбе: Андалеб-Р, 2016. – 196 с.
37. Баҳор Муҳаммадқӣ. Сабкшиносӣ ё таърихи татаввурӣ насри форсӣ [Матн]: Талхиси Сайид Абӯтолиби / Муҳаммадқӣ Баҳор. – Душанбе: Бухоро, 2012. –570 с.
38. Бердиева Турдихон. Феълҳои таркибии номӣ бо исмҳои арабӣ [Матн] / Турдихон Бердиева. – Душанбе: Сино, 1995. –292 с.
39. Ваҳҳобов Толиб. Вазъи амалқарди забони тоҷикии адабӣ (Пеш аз Инқилоби Октябр) [Матн] / Т. Ваҳҳобов. –Хучанд: Ношир, 2013. –112 с.
40. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Фонетика ва морфология.Қ.1. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1985. –352 с.
41. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Ибора ва синтаксиси ҷумлаи сода.Қ.2. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Р. Ғаффоров. – Душанбе: Дониш, 1986. –372 с.
42. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Ҷумлаҳои мураккаб.Қ.3. / Муҳаррирони масъул Ш. Рустамов ва Б. Камолиддинов. – Душанбе: Дониш, 1989. –224 с.
43. Ғиёсов Нуруллоҳон. Сӣ мақола [Матн]: Маҷмӯаи мақолоти марбут ба масъалаи забоншиносии тоҷикӣ ва арабӣ / Нуруллоҳон Ғиёсов. –Хучанд: Нури маърифат, 2014. –300 с.
44. Дадохонов, М., Ҳасанов, А. Мухтасаре аз таҳқиқи таърихи забони адабии классикӣ (аз аҳди Сомониён то ибтидои асри XX) [Матн] / М.Дадохонов, А.Ҳасанов. – Хучанд, 1999. – 96 с.

45. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Синтаксис. Барои студентони факултетҳои филологияи мактабҳои олии. Зери таҳрири профессор Б. Ниёзмухаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 463 с.
46. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Лексикология, фонетика ва морфология. Барои студентони факултетҳои филологияи мактабҳои олии. Зери таҳрири профессор Б. Ниёзмухаммадов. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 463 с.
47. Забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн]: Лексикология. Фонетика. Морфология. Қисми 1. Китоби дарсӣ барои факултетҳои филологияи мактабҳои олии / Муҳаррири махсус: Ш.Рустамов. – Душанбе: Маориф, 1982. – 462 с.
48. Забоншиносии тоҷик [Матн]: Маҷмӯаи мақолаҳо / Тартибдиҳанда Абдурахимов С. – Душанбе: Дониш, 1976. –199 с.
49. Забоншиносии тоҷик [Матн]: Маҷмӯаи мақолаҳо / Тартибдиҳанда Мурватов Ҷ. – Душанбе: Дониш, 1980. –280 с.
50. Забоншиносии тоҷик [Матн]: Маҷмӯаи мақолаҳо / Тартибдиҳанда Мурватов Ҷ. – Душанбе: Дониш, 1984. –296 с.
51. Зеҳнӣ, Тӯракул. Санъати сухан [Матн] / Тӯракул Зеҳнӣ. – Душанбе: Адиб, 2007. – 400 с.
52. Зоҳидов Абдуқодир. Таъсири забони русӣ ба калимасозии забони адабии тоҷик [Матн] /Абдуқодир Зоҳидов. – Хучанд: Ношир, 2009. –160 с.
53. Исмоилов Исроил. Зарф дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Исроил Исмоилов. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 86 с.
54. Камолитдинов Баҳриддин. Меъёри забони адабӣ ва забони матбуоти тоҷик [Матн] / Баҳриддин Камолитдинов. –Душанбе: Пойтахт, 2015. –108 с.
55. Камолитдинов Баҳриддин. Хусни баён [Матн] / Баҳриддин Камолитдинов. – Душанбе: Маориф, 1989. –118 с.

56. Кенчаев, Ю. Хусусиятҳои луғавӣ ва калимасозии «Таърихи Байҳақӣ»: рисола барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филологӣ: 10.02.22 [Матн] / Ю.Кенчаев. – Хучанд, 2004. – 155 с.
57. Қодирова Фирӯза Рустамовна. Хусусиятҳои луғавӣ-маъноии «Ҷаҳоннома»-и Муҳаммади Бакрон [Матн]: Рисола барои дарёфти дараҷаи доктори фалсафа (Phd) / - доктор аз рӯи ихтисоси 6D020500 – Филология / Ф. Қодирова. – Хучанд, 2021. – 191 с.
58. Қосимова Мукаррама. Таърихи забони адабии тоҷик [Матн] / Мукаррама Қосимова. – Душанбе, 2003. – 490 с.
59. Маъсумӣ, Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик [Матн] / Н.Маъсумӣ. – Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1959. – 294 с.
60. Мирзоев Абдусаттор. Ибораҳои феълии замонӣ дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Абдусаттор Мирзоев. – Душанбе: Ирфон, 1972. – 252 с.
61. Муслимов М. Воҳидҳои фразеологии забони адабии муосири тоҷик бо унсурҳои луғавии арабӣ [Матн]: Рисола барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филология (ихтис.10.02.22) / М.Муслимов. – Душанбе, 2005. – 174 с.
62. Муслимов Ҳайдар Абубакрович. Вижагиҳои луғавӣ ва маъноии осори Манучехрии Домғонӣ [Матн]: Диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои филология (ихтис.10.02.22) / Ҳайдар Абубакрович Муслимов. – Душанбе, 2019. – 162 с.
63. Мухторӣ, Қутбиддин. Хусусиятҳои луғавию услубии ашъори Рӯдакӣ [Матн]: Монографияи илмӣ / Қутбиддин Мухторӣ. – Душанбе: Деваштич, 2006. – 130 с.
64. Ниёзмӯхаммадов Боймӯхаммад. Ҷумлаҳои мураккаби сода дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Боймӯхаммад Ниёзмӯхаммадов. – Душанбе: Нашриёти давлатии таълимӣ-педагогии Тоҷикистон, 1960. – 112 с.
65. Олимҷонов Мӯсо Обидҷонович. Сухан аз ҷавҳариёни сухан [Матн] / Мӯсо Обидҷонович Олимҷонов. – Хучанд: Нури маърифат, 2017. – 436 с.

66. Раупов Холиқ Раҳмонович. Хусусиятҳои луғавӣ ва грамматикӣ иқтибосоти арабӣ дар «Наводиру-л-вақоъ»-и Аҳмади Дониш [Матн] / Холиқ Раҳмонович Раупов. –Хучанд, 2006. – 183 с.
67. Раҳмон, Эмомалӣ. Забони миллат – ҳастии миллат [Матн] / Эмомалӣ Раҳмон. –Душанбе: Эр-граф, 2006. –516 с.
68. Рустамов Шарофиддин. Забон ва замон [Матн] / Ш.Рустамов. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 256 с.
69. Рустамов Шарофиддин. Калимасозии исм дар забони адабии ҳозираи тоҷик [Матн] / Шарофиддин Рустамов. –Душанбе: Дониш, 1972. –77 с.
70. Рустамов Шарофиддин. Исм [Матн]: Категорияҳои грамматикӣ, калимасозӣ ва мавқеи исм дар системаи ҳиссаҳои нутқ) / Шарофиддин Рустамов. –Душанбе: Дониш, 1981. –220 с.
71. Саймиддинов, Д. Вожашиносии забони форсии миёна [Матн] / Д.Саймиддинов. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
72. Саломов Аскар Ҷабборович. Мутобиқати иқтибосоти арабӣ дар забони тоҷикӣ (аз рӯи маводи «Ёддоштҳо»-и Садриддин Айнӣ) [Матн]: Рисола барои дарёфти дараҷаи номзади илмҳои филология (ихтис.10.02.22) / Аскар Ҷабборович Саломов. –Душанбе, 2010. –173 с.
73. Солеҳов Мирзо Одинаевич. Саноии Ғазнавӣ ва марҳалаҳои асосии инкишофи назми тасаввуфии форс-тоҷик [Матн]: Рисола барои дарёфти дараҷаи илмии доктори илмҳои филологӣ (ихтис.10.01.01) / Мирзо Одинаевич Солеҳов. – Душанбе, 2020. – 335 с.
74. Хоҷаев, Д. Афкори забоншиносии тоҷик дар асрҳои X-XVI [Матн] / Д.Хоҷаев. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2013. – 344 с.
75. Ҳасанов Абдучамол. Унсурҳои луғавӣ ва сарфию нахвии осори садаҳои X-XIII дар ғӯиши шимолӣ (бахши Фарғонаи ғарбӣ) [Матн] / Абдучамол Ҳасанов. –Хучанд: Нури маърифат, 2003. – 253 с.
76. Шакурӣ, М. Инсонгарии омӯзиш ва забони миллӣ [Матн] / М.Шакурӣ. – Душанбе: Пайванд, 2002. – 148 с.

77. Шукуров Муҳаммадҷон. Забони мо ҳастии мост [Матн] / Муҳаммадҷон Шукуров. – Душанбе, 1991. – 231 с.

На арабских и персидских языках:

78. التونجي، محمد. المعرب والدخيل في اللغة العربية و آدابها. – بيروت: دارالمعرفة، 2005. – 264 ص.
79. شريعت، محمدجواد. دستور زبان فارسی. – تهران: اساطير، 1381. – 495 ص.
80. فرشيدورد، خورشيد. عربي در فارسی (چاپ سوم). – تهران: دانشگاه تهران، 1358. – 26 (مقدمه) + 296 ص.
81. محفوظ حسين، العراق. أثر اللغة العربية في اللغة التاجيكية. ، 1934 م. – 170 ص.
82. همايون فروخ عبد الرحيم. دستور جامع زبان فارسی/ به كوشش ركن الدين همايون فروخ (عبارت از هفت بخش در يك مجلد). – تهران: على اكبر علمي، 1364. – 1207 ص.

На русском:

83. Абдуллаев К.Р. Арабская лексика в «Бадоеъ-ул-вакоеъ» Зайниддина Восифи (Грамматические и стилистические особенности) [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец. 10.02.22] / К.Р. Абдуллаев. – Ленинабад, 1987. – 187 с.
84. Белкин, В.М. Арабская лексикология. – Москва, 1975. - 200 с.
85. Бердыева, Т. Лингвистические и экстралингвистические причины арабских заимствований в таджикском языке (по материалам прессы 20-х г.) [Текст] / Т. Бердыева. – Душанбе: Ирфон, 1971. – 230 с.
86. Виноградов, В.В. Лексикология и лексикография: Избранные труды [Текст] / В.В. Виноградов. – Москва: Наука, 1977. – 312 с.
87. Джуразода, Ш. Лексико-грамматические особенности «Маснави маънави» Джалоладдина Руми [Текст] / Ш. Джуразода. – Душанбе, 1998. – 144 с.
88. Зиёев Субхиддин Насриевич. Влияние арабской литературы на творчество Джалалуддина Руми [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец. 10.01.03] / Субхиддин Насриевич Зиёев. – Душанбе, 2018. – 162 с.

89. Иванов С.Н. Арабизмы в турецком языке: Учеб. Пособие [Текст] / С.Н. Иванов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1973. – 61 с.
90. Ишанхонов Абдугаффор Маруфович. Мутанабби и его влияние на поэзию эпохи Газневидов [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец. 10.01.03) / Абдугаффор Маруфович Ишанхонов. – Душанбе, 2018. – 156 с.
91. Каландаров Сарабек Давлатерович. Арабские заимствованные слова в «Наводирулвакое» Ахмада Дониша [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Сарабек Давлатерович Каландаров. – Душанбе, 2006. – 181 с.
92. Калонова Махина Джумабоевна. Структурно – семантический анализ словообразования именных частей речи (имя существительное и имя прилагательное) в поэзии Хафиза Ширази [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Махина Джумабоевна Калонова. – Душанбе, 2017. – 175 с.
93. Мардони Таджиддин Нуриддин. Влияние арабской поэзии на творчество персидско-таджикских поэтов XI-XII вв. [Текст]: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук (спец.10.01.03) / Таджиддин Нуриддин Мардони. – Душанбе, 2006. – 344 с.
94. Меликян, Гурген Врежович. Парные словосочетания в современном персидском языке [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Гурген Врежович Меликян. – Ереван, 1984. – 110 с.
95. Наджотов, Абдулмуте Абдулкосимович. Таджикско-персидские заимствования в сочинениях по арабскому языкознанию: на основе книги ас-Суюти «ал-Музхир» [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Абдулмуте Абдулкосимович Наджотов. – Душанбе, 2011. – 206 с.

96. Насруллоев, Мухаммад Нуриллоевич. Арабские заимствования в прозе Убайда Зокони [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Насруллоев Мухаммад Нуриллоевич. –Душанбе, 2010. –161 с.
97. Низомова, С.Ф. Калимасозии сарфӣ дар «Хамса»-и Низомии Ганҷавӣ [Матн] / С.Ф. Низомова. – Душанбе, 2002. –180 с.
98. Оранский, И.М. Введение в иранскую филологию [Текст] / И.М.Оранский. –Москва: Издательство восточной литературы, 1960. – 490 с.
99. Пейсиков Л.С. Очерки по словообразованию персидского языка [Текст] / Л.С. Пейсиков. –Москва: Издательство Московского университета, 1973. –198 с.
100. Рубинчик, Ю.А. Типы семантических изменений арабских заимствований в персидском языке // Иранские языковедение: История, этимология, типология. // К 75 - летию проф. В.И. Абаева. – Москва: Наука, 1976. – 208 с.
101. Саидалиев Шодмон Абдувохидович. Влияние арабской литературы на поэзию Мас’уда Са’да Салмана [Текст]: на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.01.03) / Саидалиев Шодмон Абдувохидович. –Душанбе, 2018. –175 с.
102. Сафаров Лутфулло Абдусаломович. Арабские поэтические заимствования в касыдах Носира Хусрава [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.01.03) / Лутфулло Абдусаломович Сафаров. – Душанбе, 2013. –171 с
103. Табаси Амир. Влияние арабской грамматики на грамматику персидского языка [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Амир Табаси.–Душанбе, 2013.–152 с.
104. Чавчавадзе Т.А. Именное словообразование в новоперсидском языке [Текст] /Т.А. Чавчавадзе. –Тбилиси: Мецниереба, 1981. –375 с.

105. Шарифова Мавджигул Боймуродовна. Влияние арабской литературы на творчество Хакани Ширвани [Текст]: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.01.03) / Мавджигул Боймуродовна Шарифова, 2018. –167 с.
106. Юшманов А.В. Грамматика литературного арабского языка [Текст] / А.В. Юшманов. – Москва: Наука, 1985. – 174 с.

IV.Авторефераты:

На русском:

107. Бабаханов, Ш.З. Категории числа в арабском языке [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ш.З.Бабаханов. – Москва, 1973. –20 с.
108. Ганиева С.А. Словообразовательное значение сложных слов таджикского языка (на материале литературных памятников X-XII вв.) [Текст] / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / С.А. Ганиева. –Душанбе, 1990. –24 с.
109. Гозиев Мазхариддин Имомович. Арабские заимствования в таджикской печати периода независимости: 1991-2008 [Текст]: / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мазхариддин Имомович Гозиев. – Душанбе, 2009.– 26 с.
110. Давлатмирова Манижа Бораковна. Особенности арабских заимствованных слов в языках шугнано-рушанской группы в сравнительно сопоставительном освещении [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Манижа Бораковна Давлатмирова. –Душанбе, 2004. –24 с.
111. Мухаммадориф Абдулкодир. Процессы освоения арабской лексики в разноструктурных языках (на материале таджикского языка Таджикистана и узбекского языка Афганистана) [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Мухаммадориф Абдулкодир. – Душанбе, 2016. – 22 с.

112. Рахмони Миджгони Равшандухт. Лексикосемантическая классификация арабизмов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Миджгони Равшандухт Рахмони. – Душанбе, 2006. – 24 с.
113. Каримов Ш.Т. Семантика лексических единиц газелей Хафиза [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Ш.Т. Каримов. – Душанбе, 1993. – 20 с.
114. Турсунов М. Составные слова в современном таджикском литературном языке [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.языкозн.) / М.Турсунов. – Москва, 1953. – 16 с.
115. Фомин Алексей Юрьевич. Структурная типология лексико-морфологической системы таджикского языка [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.20) / Алексей Юрьевич Фомин. – Душанбе, 2010. – 24 с.
116. Хамидов Б.З. Арабские взаимствования в современном литературном языке пушту [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Ташкент, 1951. – 35 с.
117. Хасан-Нежад Махмуд Реза. Поэтика слова в творчестве Низами: по материалам «Хамсы» [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.01.03)) / Махмуд Реза Хасан-Нежад. – Душанбе, 2011. – 26 с.
118. Хушенова С.В. Изофетные фразеологические единицы таджикского языка [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Москва, 1966. – 29 с
119. Шарипова, Зумрад Махмудовна. Семантико-структурный анализ фразеологических единиц таджикского, арабского и русского языков [Текст]: Автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата

филологических наук (спец.10.02.03) / Зумрад Махмудова Шарипова. – Душанбе, 2011.– 26 с.

120. Якубов Улугбек Шукуруллоевич. Роль арабизмов в процессе словообразования персидского языка по модели – «арабская основа» плюс «персидский аффикс» [Текст]: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук (спец.10.02.22) / Улугбек Шукуруллоевич Якубов. –Ташкент, 1994. –22 с.

V.Статьи на научных публикациях:

Научные статьи:

121. Атаева Ҳ. Раванди зарфшавӣ дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ [Матн] / Матн] // Номаи донишгоҳ. Бахши илмҳои филологӣ / Ҳ. Атаева. – №4. – Хуҷанд, 2017. –С.179-182.
122. Ашӯрова М.М. Чанд мулоҳиза оид ба сарчашмаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ [Матн] // Аҳбори ДДБХСТ (Маҷаллаи илмӣ-назарӣ. Силсилаи гуманитарӣ).–№1(82) / М.М. Ашӯрова. – Хуҷанд, 2020. – С.79-85.
123. Гаффоров Р. Дар хусуси як навъи ибораҳои номӣ дар забони тоҷикӣ [Матн] / Масъалаҳои забоншиносӣ (Маҷмӯаи мақолаҳо) / Р. Гаффоров. – Душанбе: Дониш, 1975. –С. 12-31.
124. Қосимова М. Мухтасар оид ба ибораҳои изофии номӣ // Мактаби советӣ / М.Қосимова. – №4. –Душанбе, 1967. –С. 33-34.
125. Қурбонов С.Ҳ., Ҳасанов И.С. Калимаҳои мураккаби муодили ибора дар осори Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (маҷаллаи илмӣ). Бахши филологӣ. –4/1 (129) / С.Ҳ.Қурбонов, И.С. Ҳасанов. – Душанбе, 2014. –С.17-21.
126. Қӯзиева Нодира. Вожаҳои арабӣ дар «Луғатнома нимтафсилии тоҷикӣ барои забони адабии тоҷик»-и Устод Айнӣ [Матн] // Фаслномаи Камоли Хуҷандӣ, №3 (15) / Нодира Қӯзиева. –Хуҷанд: Ношир, 2018. –С. 54-63.
127. Маҳмадуллоев С. Байтулмаъмур [Матн] / Энциклопедияи Миллии Тоҷик. ҷилди II (Асос – Боз) / С.Маҳмадуллоев. –Душанбе: Сарредаксияи

- илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2011. – 664 с. бо тасвирҳо. –С.277-278.
128. Мачидов Ҳ. Калимаҳои иқтибосии арабӣ дар забони имрӯзаи тоҷик [Матн] // Маърифат. –№ 7-8 / Ҳ.Мачидов. –Душанбе, 1999. –С.2-6.
129. Насруллоев М. Иқтибосоти арабӣ дар рисолаи «Сад панд»-и Убайди Зоконӣ [Матн] // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – № 4(52) / М. Насруллоев. –Душанбе: Сино, 2009. –С. 57-62.
130. Расулова С. Баъзе хусусиятҳои калимаҳои иқтибосии арабии ашъори Туғрал [Матн] // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. – №4(52) / С. Расулова. –Душанбе, 2009. –С. 47-51.
131. Раҳматов Б. Дар бораи Ҳочу ва «Хамса»-и ӯ / Хамсаи Ҳочуи Кирмонӣ / Б.Раҳматов. –Хучанд: Хуросон, 2017. –С. 3-24.
132. Сатторов Амирҳамза. Нукоти қуръонӣ дар ашъори Ҳочуи Кирмонӣ // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. –№4(52) / Амирҳамза Сатторов. – Душанбе: Сино, 2014. –С. 189-194.
133. Халилов А. Калимасозӣ бо изофат [Матн]: А.Халилов // Мактаби Советӣ. –№5 / А. Халилов. – Душанбе,1960. –С. 26-30.
134. Хоҷаева Муаттар. Унсурҳои арабӣ дар сохтмони ибораҳои тоҷикӣ [Матн] // Номаи донишгоҳ. Бахши илмҳои филологӣ. – №4/ Муаттар Хоҷаева. – Хучанд, 2012. –С.219-227.
135. Ҷумъаев Меҳроб. Заминаҳои таъсири мутақобилаи забонҳои тоҷикӣ (форсӣ) ва арабӣ [Матн] // Илм ва ҷомеа. Маҷаллаи академии илмию оммавӣ. –№ 3 (11) / Меҳроб Ҷумъаев. –Душанбе, 2018. –С.144-151.
136. Ҷумъаев Меҳроб. Дар бораи ворид гардидани иқтибосоти арабӣ ба забони тоҷикӣ (форсӣ) пас аз зуҳури ислом [Матн] // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон. Бахши илмҳои филологӣ. – №4 / Меҳроб Ҷумъаев. – Душанбе, 2018. –С.15-18.
137. Ҷумъаев Меҳроб. Дар бораи мавқеи иқтибосоти арабӣ дар забони тоҷикӣ дар асрҳои IX-X [Матн] // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон.

Бахши илмҳои филологӣ. – №4 / Меҳроб Қумъаев. – Душанбе, 2018. – С.103-107.

138. Қӯраева Сарвиноз. Бори маънӣ кашидани вожаи «Дил» дар «Тарҷумаи «Таърихи табарӣ» // Фаслномаи Камоли Хучандӣ, №3(15) / Сарвиноз Қӯраева. – Хучанд: Ношир, 2018. – С. 77-81.

На персидском:

139. تفهیمی، سجاد الله. چند نکته راجع به «روضة الانوار» خواجهی کرمانی / کنگره جهانی بزرگداشت خواجهی کرمانی. – کرمان، ادبستان، شماره سی و هشتم، ماه اکتبر سال 1991 م. – ص. 33-36.
140. زینی وند تورج، منوچهری زینب. بازتاب شعر جاهلی در شعر خاجوی کرمانی / فصلنامه تخصصی تحلیل و نقد متون زبان و ادبیات فارسی. شماره 19، بهار 1393. ص. 117-146
141. رمضانی، ربابه. واژگان تحول یافته عربی در فارسی و چالش های فراروی مترجمان / پژوهش های ترجمه در زبان و ادبیات عربی. سال 8، شماره 16، بهار و تابستان 1396. ص. 150-169
142. شعبان زاده، مریم. سیر تطور مفهوم «حال» تا قرن هشتم / گوهر گویا (نشریه علی - پژوهشی دانشگاه سیستان و بلجستان). ششم شماره سوم، پیاپی 23. پاییز و زمستان 1391. ص. 127-148
143. سفارودی، معصومه رضازاده. جیهون (آمودریا) / دانشنامه جهان اسلام. نظام دسترسی <https://rch.ac.ir/article/Details/776> : (سنه مراجعت 4.05.2020)
144. صرفی، افازل. باورهای نجومی در «خمسه»-ی خاجوی کرمانی / کهن نامه ادب فارسی (پژوهشنامه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی). سال اول، شماره 2، پاییز و زمستان 1389. ص. 53-76
145. عابدی، محمود. خاجوی کرمانی در آثارش / گوهر گویا (مجله المی- پژوهشی). دوره 1، شماره 2. تابستان سال 1386. ص. 31-46.
146. عابدی، محمود. مقدمه / روضه الانوار خاجوی کرمانی. – تهران: میراث مکتوب، 1387. – ص. 3-35.
147. عامری، حیات. واماژه های عربی در فارسی: بررسی تحولات آوایی و معنایی / دوفصل نامه مطالعات تطبیقی. سال 1، شماره 2، پاییز و زمستان سال 1395. ص. 88-104
148. مرزبان راد، علی. تجلیاتی از قرآن و حدیث در دیوان خاجوی کرمانی / پژوهشنامه علوم انسانی. بدون شماره و سال نشر. – ص. 83-100.
149. هاتمی و امیراحمدی. رویکرد اخلاقی منظومه های بزمی خاجوی کرمانی / پژوهشنامه ادبیات تعلیمی. شماره 30، تابستان 1395. ص. 87-112.

На русском:

150. Адливанкин, С.Ю. к вопросу о явлении заимствования в области словообразования [Текст] / С.Ю.Адливанкин // Учен. зап. Перм. ун - та – 1965. –Т.37. – Вып. 1. –С.99-106.
151. Аллахвердиева Захра Абас кызы. Вопросы тематики и структуры в «Хамсе» Хаджу Кирмани [Текст] // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук (Институт Литературы имени Низами НАН Азербайджана, Баку). – №3-4 / Захра Абас кызы, Аллахвердиева. –Баку, 2016. –С.39-44.
152. Мирсаминова Гузалхон Махмуджоновна. Факторы заимствования языковых единиц [Текст] // Вестник ТГУПБП (серия гуманитарных наук). – №3 / Гузалхон Махмуджоновна Мирсаминова. –Душанбе, 2017. –С.116-123.

VI. Интернет сайты:

153. www.anrt.tj
154. www.dissercat.com
155. www.kmt.tj
156. www.elibrary.ru
157. www.gpntb.ru
158. lib.tgpu.tj

Приложение

А: аблақи иъроз [76], аблақи ҳукм [73], абнои даҳр [359], авчи фалак [39], авчи шараф [486], ағрози халқ [173], адҳами учб [241], азми ғазо [227], азми тафарруч [366], айна иноят [73, 97], айна нуқсон [738], ақиби сайд [112], ақли муҳандис [818], ақсои ҳарам [729], алами илм [166], алами шавк [170], амири аҷал [135], аҳли айб [80], аҳли ғайб [80], аҳли қадам [117], аҳли камол [140], аҳли назар [249], аҳли сурат [259], аҳли футувват [149], арбоби маонӣ [828], арсаи офоқ [91], арсаи фалак [187], арӯси фалак [544], асбоби ҳудо [105], атвори ғайб [279], атласи афлок [136], атласи чарх [37], атсаи тос [770], афсари алқоб [36].

Б: бадраи бадр [33], бадри қосид [586], баёни зуҳд [649], байзаи кофур [92], байти ҳарам [162], баноти набот [173], баҳри амал [357], баҳри вазорат [292], баҳри замир [36], баҳри маонӣ [821], баҳри муҳит [54], баҳри навол [346], баҳри хайрат [810], баҳри риё [132], бариди фикр [699], бурқаи нур [696], бурчи Асад [725], бурчи саодат [73], бурчи фасоҳат [307], бурчи яқин [273, 318], буроқи бақо [188], буроқи ваҳм [699], бухтии мавҷ [180], буъди сурат [235].

В: вазъи марсумот [317], вақти иҷтимоъ [802], вақфи сано [279], вачҳи ғано [95], вачҳи набот [157], вирди малак [320], висоли Каъба [786], воситаи ҳикмат [103].

Ғ: ғамони ғам [835], ғарқои чунун [207], ғубори ғусса [728], ғубори маркаб [270].

Д: давои саръ [758], даври замон [40], даврони афлок [812], дамдамаи хусн [87], дарки масолех [105], дарси вучуд [141], дарси лохут [190], дарси маънӣ [198], дарси талаб [317], дуои хайр [310], дурчи афлок [168], дурчи лаоли [154], дурчи малоҳат [307], дурчи маонӣ [61], дурчи нутқ [263], дурчи ҳикоят [818], дурчи таҳлил [204], дурчи фасоҳат [280], дурри маъно [357], дурри ҳадис [34], дурри ҳақиқат [137].

З: завоёи ваҳдат [188], заврақи аҷром [98], заврақи фуҷҷор [78], зайли ғуфрон [273], замзамаи ишқ [87], замони сабо [82], захмаи барқ [158],

зимоми мулк [310], зиҷи идрок [735], зовияи хос [134], зулмати зулм [90], зулмоти ғам [777], зулоли Хизр [656].

И: ибни ам [398], иқлими латофат [61], иқлими раёсат [51], иллоти савдо [67], иллоти тақсир [74], илми азал [141], илми сиёқат [812], имоми худо [336], имоми субул [162], инкори ғам [84], инони азм [828], ишороти «Матолё» [849].

К: кавкаби тавфиқ [167], карами ом [119], катми адам [346], кашшофи ишорот [69], Каъбаи ваҳдат [198], каъбаи қурб [61], кисвати абдол [139], куҳли кавокиб [270], куҳли камол [187], қурси камар [61, 67], қурси таббох [508].

Қ: қавли мутриб [602], қалби ақл [233], қалби манохӣ [104], қаҳти набот [72], қасри вучуд [91], қасри Қайсар [340], қасри қибриё [271], қатъи манозил [786], қиблаи ислом [109], қиблаи қавм [239], қиблаи улулалбоб [258], қимати дур [241], қобили тағйир [74], қобили тафсир [58], қоидаи дин [105], қофилаи коинот [103], қулзуми ғуфрон [78], қулзуми тавҳид [64], қутби фалак [134].

Л: лавҳи абад [141], лавҳи вучуд [137], лавҳи дуо [120], лаҳни маллоҳ [671], либоси шавқ [655].

М: мавчи адам [234], мадади зарра [166], мадади рой [40], мадхали афлок [801], мазҳаби ушшоқ [98], мақоми даъво [265], мақоми мақом [350], мақсади «кун факон» [162], мақсуди кавнайн [336], мақсураи ломакон [575], мактаби чунун [249], малози умам [355], маҷмаи малак [187], маҷоли маҷол [350], маҷонини нафс [104], мамлакати куфр [121], мамлакати шарқ [93], манзили ғам [85], манзили қурб [93], мансубаи лоҳут [141], мантиқи Исӣ [80], мантиқи фитрат [137], маҳди реҳлат [190], марази ишқ [85], маркази давр [173], маснади вазорат [253], матлаи маҳд [360], матлаи начм [172], матлаи фитрат [62], махзани асрор [80], машоми замона [380], машраби анвор [279], машраби арзоқ [74], маъвои ғам [703], маъмураи носут [141], маърифати Ҳақ [133], милки ямин [48, 74, 91], мичмари уд [172], мирваҳаи хулқ [39], мирсоди ибод [39], мифтоҳи мурод [39], мифтоҳи хазоин [310], моли вилоят [110], мубдеъи ашё [105],

мударриси Идрис [163], муқимони сайёҳ [339], мулкати боқӣ [91], мулки ашбоҳ [172], мулки ваҳдат [233], мулки Исро [271], мулки истеъфо [230], мулки истиғно [230], мулки малак [150], мулки малоик [841], мулки Миср [317], мулки саодат [69], мунъими мумсик [115], муҳити ишқ [658], муҳити шавқ [325], муҳсаноти рабеъ [179], муршиди дин [151], мусҳафи хотир [37], мусоиди Бирчис [163], мутеи роӣ [281, 297], мутриби сайёра [84], муфтии сунъ [172], мушрифӣ маъмура [79], муътақиди назм [48].

Н: навбати наът [36], навбати раъд [158], навбати ушшоқ [64], нағмаи ғайб [121], нағмаи уд [327], назари афв [150], назари кашф [186], назари ҳиммат [91], назми бақо [141], назми китоб [355], наққоши нақш [853], наққоши табиат [826], нақхати ишқ [64], нақхати рух [35], нақши вучуд [121], нақши дағо [112], , нақши таҳсил [258], нақши қисса [611], нақши чамол [54], нақши ҳудусу қидам [101], нақши савдо [617], нақши тааххул [134], насри тоир [163], наъли буроқ [35], ниқоби чамол [173], нисори мақдам [181], нуқли тасниф [232], нури ботин [196], нури таҷалло [296], нусхаи ҳарф [173], нутқи Исо [226].

О: олами вараъ [202], олами қудс [226], олами қурбат [508], олами сурат [60, 121], ояти ваҷд [226], ояти тақлид [57].

Р: равзаи анвор [80], равзаи қурбат [249], равзаи маънӣ [60], равзаи худд [239], равнақи доруссалом [33], раҳини фазл [269], раҳмати халқ [162], расми татовул [562], риботи адам [56], риёзи ризвон [223], рикки маншур [310], рифъати кутб [133], рифъати султон [123], ровии ишқ [226], роӣи сафар [51], роҳати Рухулқудус [35], роҳиби даврон [136], рояти Мансур [101], рояти роӣ [62, 81], рояти таҷрид [134], рояти таҳқиқ [167], рубъи маскун [317].

С: сабили садод [105], савмаи эҳтидо [103], савти бақо [95], садафи ақл [203], садафи қурбат [79], садди садод [90], садри ачал [336], сайди вилоят [117], сайди қайд [174], сайди фалак [85], саййиди анбиё [162], сайрафии нақд [65, 81, 91], салтанати фақр [123], сандуқи аъмол [646], сахни набот [172], сахрои ғам [511], сатҳи афлок [255], сафи кибриё [189], сиккаи қурбат [198], сиккаи шавқ [197], сихҳати нийят [68], сирри маонӣ

[58], сирри таквин [825], сити давлат [285], соқиёни саҳоб [175], соқии абҳар [175], солики торик [134], софи ҳаё [106], султони сайёра [540], Сухайли суроҳӣ [540], сураи «Нур» [61], сурати зоҳир [141], сурати офок [67], суродиқи қудс [167], суродиқоти ҷалол [187], суфраи ҷуд [39], суфраи маъкул [118].

Т: табли азимат [120], табли саҳар [61], табъи мул [39], таври тариқат [121], Таййиби Тайба [163], тайраи тайёра [699], тақарруби маъно [235], тақвими замир [735], тақлиди вазорат [310], талаби мулк [108], талъати соқӣ [91], тариқи ишқ [171, 325, 633, 688, 807], тариқи касолат [233], тариқи мадҳ [281], тариқи шавқ [658], тарки даъво [265], тарки мақобех [106], тарки мақолот [154], тарки мурод [94], таслиси сууд [815], тасмими азимат [815], тафсири оят [824], таъсири аҷром [802], тихи малоҳӣ [273], тифли суҳбат [265], тоири ҳиммат [205], тоири тавҳид [58], тоирони вучуд [173], толиби мақсуд [222], турраи баён [263], турраи ҳол [127], туфайли ҳиммат [265].

У: уқоби фикрат [595].

Ф: фавчи қадам [234], фавчи малак [167], фавчи малак [39], фазои ломакон [765], файзи анвор [183], фарзи айн [203], фарқи Фарқад [278], фарши висоқ [35], фарши ғабро [172], фарши мутаббақ [89], фотиҳаи субҳ [61], фузулоти фазл [170], фулки фалак [157].

Х: хавоқини фалак [850], хайли ғасак [84], хайли малоҳӣ [104], хайли хаёл [66], хайли хаёлот [49], хайти шамс [305], харчи ятим [112], хати нафӣ [339], хатти чунун [141], хатти ҳукм [812], хирқай солус [139], хозини маҳзан [48], хосияти лутф [39], хотами анбиё [336], хотами мулкат [49], хулосаи кавнайн [162].

Ҳ: ҳадиси ақл [649], ҳадиси ҳудус [233], ҳадиси субҳ [633], ҳадоиқи қудс [167], ҳазрати Иззат [68], ҳазрати улё [151], ҳаққи суҳбат [653], ҳалқай ташрир [236], ҳалқи соил [247], ҳарами ақл [135], ҳарами дин [132], ҳарами қудс [149], ҳарами қурб [124], ҳарами хос [61], ҳарими шафоат [165], ҳарфи исм [339], ҳарфи таътил [258], ҳисоби ҷумла [812], ҳодии сақалайн [162], ҳоли райят [310], ҳочати тақрир [58], ҳомии Анқо [115], ҳомили мактуб

[83], ҳориси айвон [40], ҳориси маҳруса [79, 103], ҳосили зулмот [60], ҳосили рӯх [207], ҳукми қазо [98], ҳукми қозӣ [823], ҳуччати Ҳақ [162], ҳумои ҳиммат [595], ҳурмати дин [133], ҳусни амал [115], ҳусни маод [115], ҳусни нийят [310].

Ч: чавҳари табъ [183], чадвали афлок [801], чадвали ваҳдат [59], чазъи Яман [113], чайби субҳ [305], чаннати дин [151], чаннати фитрат [173], чанноти фирдавс [546], чаноби вазир [153], чараси ваҳдат [199], часади ҳолат [127], чосуси аҳвол [610], чосуси афлок [632].

Ш: шамъи Батҳо [162], шамъи маънӣ [159], шамъи субҳдам [811], шаҳди ҳадис [36], шаҳди шаҳодат [117, 223], шаҳди шухуд [121], шарҳи атову ниам [74], шарҳи ишорот [58], шарҳи маонӣ [154], шарҳи ҳақиқат [89], шарҳи ҳидоят [58], шарҳи фунун [141], шароби «аласт» [56], шароби надам [249], шарти таъзим [313], шафеи умам [336], шореҳи манзума [43], шукри вузӯ [37].

Э: эъҷози Масеҳо [151]. **Ю:** юмни назар [139]. **Я:** яди байзо [151].